

ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

2013 выпуск №1 (25)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Новиков В.В., Козлов В.В. РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ – ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ	3
Ковалев С. Э. ТРАНСМЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА: ОТРАЖЕНИЕ ИЛИ ПОРОЖДЕНИЕ	12
Козлов В.В., Смагулов Б.С. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ ЭЛИТ	21
Мазиллов В.А. Янчук В.А. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ФРЕЙМИНГА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЭТНОСОВ	27
Шемет И.С. ИНФОРМАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ПСИХОЛОГИИ	37

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Кулжабаева Л.С. ОСОБЕННОСТИ КАЗАХСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ВО ВЗГЛЯДАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	45
---	-----------

Шабанов Л. В. ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ПРИЗМЕ КОНФЛИКТОГЕНЕЗА (в спецификациях начала XXI в.)	51
ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ	
Кашапов М.М., Коликова Ю.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ НАДСИТУАТИВНОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ ПЕДА- ГОГА С ТИПОМ ОПТИМАЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА КОНФЛИКТ	69
Козлов В.В., Кузубова М.В. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ	74
Петросян И.О. СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ РЕБЕНКА	88
Туляганова Г.К. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРАБОТКИ ПСИХОДИАГНОСТИ- ЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ «ОСОЗНАННОСТЬ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ ПОДРОСТКОВ»	93
Сведения об авторах	101

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Новиков В.В., Козлов В.В. (Ярославль)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ – ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

Аннотация. Статья посвящена социально-психологическим проблемам управления в разных типах организаций в современной России. В статье особое внимание уделяется проблеме психологического проектирования

Ключевые слова. Организация, личность, предприниматель, управление, субъект, экономические отношения, экономическое поведение,

Abstract. The article deals with the socio-psychological problems of management in different types of organizations in modern Russia. The article focuses on the psychological problem of designing

Keywords. Organizing, personality, entrepreneur, anagement, subject, economic relations, economic behavior.

Общегосударственная ситуация в России и многих других постсоциалистических странах осложняется тем, что в большинстве организаций преобладают и политические, и экономические, а вместе с ними психологические трудности. Не случайно, все чаще раздаются призывы к оптимизации социально-психологического климата, возрождению нравственных ценностей, взаимной поддержке в каждом конкретном коллективе. Такая альтернатива экономическим неурядицам многим представляется единственной возможностью нейтрализации нарушенных экономических отношений. Однако, подобные призывы, чаще всего, выглядят просто благими пожеланиями, малообоснованными, а, скорее, проблематичными. Слишком мало изучен этот феномен в отечественной литературе и практике. К сожалению, не только в отечественной психологической науке, но и в самом российском обществе до сих пор не решен принципиальнейший вопрос

о том, что из себя представляет каждый конкретный член этого общества: объект или субъект жизнедеятельности? Не ответив четко и ясно на этот вопрос, невозможно коренным образом преобразовать общество, сделать его демократическим и гуманным.

20 лет жизни в «транзитивном обществе» показали, что и в настоящий момент гуманистическая трактовка человека как субъекта противостоит тоталитаристскому пониманию его как пассивного существа, отвечающего на внешние воздействия (стимулы) лишь системой реакций, являющегося «винтиком» государственной производственной машины, элементом производительных сил, продуктов (то есть только объектом) развития общества. Свобода «от» так и не сменилась свободой «для», ни власть, ни деньги, ни слава не сделали личность российского строителя гражданского демократического общества субъектом.

На наш взгляд, подобное положение в обществе и науке будет сохраняться еще немало времени. Повинны в этом обе стороны. И, тем не менее, сегодня от самой науки зависит многое, хотя ссылки на ее неостребованность внешне выглядят убедительно. Но ведь и неостребованность объективна: у той же психологии сегодня совсем не много “рыночного товара”, который мог бы служить обществу в целом и каждому из его членов, в частности.

В рассматриваемой ситуации особую значимость приобретают социально-психологические исследования делового общения в самом широком смысле и психологического управления человеческой составляющей всевозможных организаций всех форм государственной и негосударственной собственности.

Можно со всей ответственностью утверждать, что, несмотря на огромное обилие мировой литературы по управлению, буквально каждый современный российский руководитель конкретной производственной организации любой формы собственности и любого уровня функционирования: индивидуально-частного, муниципального, областного или федерального, - постоянно нуждается в научно обоснованных рекомендациях и советах при выработке, принятии и реализации своих управленческих решений. Эту, далеко не новую, мысль ученые повторяют довольно часто, и в ее подтверждение называют десятки имен классиков отечественной и зарубежной науки управления. Авторы полагают, что, в данном случае, этого не стоит делать по одной простой причине.

К сожалению, столь же ответственно можно утверждать и то, что никто, нигде и никогда не сможет дать такого универ-

сального совета, который был бы безоговорочно применим во всех конкретных жизненных обстоятельствах. Управленческая деятельность настолько сложна и многообразна, что давным-давно априори бытует постулат: “Управление - это не только наука, но и искусство!” Действительно, это так. Но все-таки, “и наука”! И в этой науке давно обосновалась психология.

К настоящему времени во всем мире вполне авторитетно и относительно самостоятельно существует “психология управления”, широко ведутся специальные исследования в означенном направлении научного поиска.

Однако, давайте быть самокритичными. Абсолютное большинство психологических исследований выполняется на специфическом языке описания объекта конкретной науки. Конечно же, этот язык вполне достаточен для характеристики какого-либо изучаемого явления, некоей классификации последнего, отнесения его к определенному разряду и т.п., но этот язык конкретной науки не позволяет решать многообразные, нередко противоречивые, управленческие задачи, адекватные той реальной ситуации, в которую, чаще всего, неожиданно попадает классифицируемый теоретической наукой объект.

В тесной связи со всем сказанным, перманентно актуальна задача определения или, для начала, выделения понятий, а потом и создания некоторой системы этих понятий, позволяющих изначально планировать и выполнять конкретное прикладное психологическое исследование (пусть даже фрагментарное, очень короткое!) под совершенно реальное управленческое задание.

Старший из нас - В.В. Новиков был учеником и последователем великого К.К. Платонова, который мечтал о том, что XXI век станет рачительным заказчиком и потребителем продукции психологических служб, комплексно обеспечивающих управленческие нужды в областях экономики, политики, права и, конечно же, организации производства. Эту надежду в те годы подкрепляла успешная деятельность многочисленных психологических служб разных направлений, статусов и достижений. И среди них лидировала первая в стране широкоразветвленная, с большим штатом профессионалов, отраслевая психологическая служба в нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, которой с 1972 по 1988 год руководил один из авторов данной статьи. Сам же К.К. Платонов начинал создавать психологическую службу на Горьковском автозаводе еще в 1932-1933 годах. Тогда мечта не могла быть реализована в силу объективных условий тоталитарного командно-административного стиля государственного управления.

В 80-90-х годах препятствием для расцвета психологических служб явилась, преимущественно, субъективистская тенденция, опять-таки, на уровне государственного управления.

Как отмечают многие ученые, в последние годы практически во всех цивилизованных странах резко поднялся интерес исследователей разных направлений науки и практики к так называемому экономическому поведению людей. Этим сложным понятием объединяется довольно широкий спектр проявлений жизнедеятельности индивида и группы, направленный на производство материальных ценностей и их потребление в конкрет-

ных социально-экономических условиях. А ведь именно поведение человека издавна является предметом психологии.

По вполне понятным причинам, особый интерес современных психологов, российских, в частности, представляет исследование той части экономического поведения, которая связана с предпринимательством.

В экономической сфере появилось множество негосударственных предприятий и организаций: акционерные общества, коммерческие банки, ООО, хозрасчетные исследовательские и внедренческие центры и тому подобное... Широким фронтом осуществлялась приватизация государственной собственности, что породило неизвестные нашему народу частнособственнические отношения, наполненные прагматизмом и монетарным смыслом.

Открытый и весьма активный возвраг России как суверенной и достаточно цивилизованной, многосторонне развитой страны к капитализму быстро выдвинул на страже всех общественно-политических и социально-экономических процессов новый (для современной России, конечно) клан предпринимателей. Именно от предпринимателей теперь во многом зависит развитие производства и его инфраструктуры, занятость людей и их благополучие, а, в конечном счете, и удовлетворенность самой жизнью, данной каждому индивиду природой.

Предприниматели все в большей степени начинают определять ее дальнейшую судьбу России, ибо они принимают многие принципиально важные экономические решения не по государственному плану и даже не по правительственному

заказу, а на свой страх и риск, чаще всего, вольно или невольно следуя, все-таки, интересам государства, в котором живут. В силу этого мы должны определить очевидные перспективы в разработке социального управления, как более широкого и достаточно сформировавшегося в мировой литературе и практике вида управления. Достаточно, да и необходимо назвать хотя несколько фамилий классиков. Это, прежде всего, американские психологи и социологи: Э. Мэйо, Д. Морено, Д. Макгрегор, Ф. Херцберг и другие; японские: Т. Коно, У. Оучи; отечественные: И.П. Волков, А.Л. Журавлев, А.А. Грачев, Р.Б. Гительмахер, Ю.М. Забродин, О.И. Зотова, А.В. Карпов, А.И. Китов, В.В. Новиков, Б.Д. Парыгин, К.К. Платонов, А.А. Русалинова, Е.В. Таранов, А.В. Филиппов и другие. В трудах названных и не названных ученых таятся удивительно перспективные идеи, пути и методы их реализации по использованию принципов психологического управления не только и даже не столько в отошедших в прошлое социально-экономических условиях, сколько в новых, образовавшихся в конце XX века и настоятельно необходимых людям в XXI веке.

Свои собственные перспективы в разработке этой области видятся нам в определении конечных результатов психологического управления на языке жизненных интересов человека и построении на этой основе системы управления соответствующего уровня.

Следует, прежде всего, заметить, что существующие в настоящее время психологические концепции жизненных интересов (ориентаций) человека весьма слабо согласуются друг с другом и уже поэтому не дают возможности строить на

их основе реальной системы управления. На наш взгляд, необходима разработка такой, хотя бы “рабочей” концепции жизненных интересов, которая позволила бы предложить новые системы и методы психологического управления. При этом, нам кажется, что наиболее значима разработка такой системы для самой основной социальной организации - промышленного предприятия, - не столь важно, какой формы собственности.

Важнейшим средством реализации концепции социально-экономического переустройства страны путем перехода всего национального хозяйства на рыночные отношения является активизация человеческого фактора во всех сферах социальной жизни.

Значительным потенциалом в решении этой задачи располагают общественные науки. Как ни кажется странным, но время действительно ставит вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику. Не будем сейчас уточнять: когда, кем и по какому случаю сказаны эти слова, но они, как никогда, актуальны и верны именно сегодня.

Интенсификация и обогащение трудовой деятельности и общественной жизни (инициация “скрытых резервов”, творческих возможностей человека), повышение активности россиян и многие другие причины обусловили принципиальную невозможность применения традиционных методов и средств социального управления для решения большинства проблем, возникающих в настоящее время в раз-

личных областях человеческой практики, в особенности тем, где стыкуются производство и управление.

Под влиянием, с одной стороны, - определенного “социального заказа” и внутренней логики развития науки, - с другой, современная отечественная психология все более четко осознает необходимость развития научно-практического направления. В рамках последнего осуществляется не просто изучение конкретных проблем, возникающих в процессе зарождения, функционирования и развития реальных объектов, но и разрабатываются конкретные пути и методы разрешения этих проблем, оптимизации процессов возникновения, функционирования, развития. Конституируются новые (нетрадиционные) функции науки, ставятся новые задачи. Так, наряду с описанием, объяснением, пониманием, все большее внимание привлекает такая функция психологической науки как управление, - то есть системное применение психологических знаний в практике выработки и осуществления реальных управляющих воздействий; отмечается необходимость перехода от анализа объектов к их синтезу, - то есть проектированию структуры и функций новых объектов с учетом психологических закономерностей, механизмов и факторов их генезиса, функционирования и развития.

Поэтому понятен интерес многих психологов к проблемам человеческого фактора именно в сфере материального производства.

Одной из важнейших черт рыночных отношений является острейшая необходимость повышения темпов экономического роста, которое, само по себе, не происходит, даже при явном возрастании

самостоятельности и ответственности производственных предприятий..., что и выдвигает эти последние в качестве самостоятельного объекта прикладных психологических исследований.

Опыт, накопленный в рамках взаимодействия психологии с общей теорией организаций и социологией организаций, базирующихся на позициях системного подхода, продемонстрировал плодотворность рассмотрения предприятия как производственной организации, что позволило поставить ряд теоретических проблем, выявить некоторые закономерности, сформулировать отдельные рекомендации.

В целях повышения экономической и социальной эффективности промышленных предприятий все более широкое распространение находят новые формы организации и стимулирования труда, являющиеся, с одной стороны, - перспективной линией совершенствования народнохозяйственного механизма, с другой, - средством дальнейшего углубления демократии.

Уже сейчас есть немало предприятий, в которых возрастают производительность и качество труда, уменьшаются потери рабочего времени, рациональнее используются сырье и оборудование. Естественно, возникают вопросы: как, из-за чего, благодаря каким психологическим и материальным условиям? Любой рост организации предполагает, прежде всего, эффективное управление, развитие взаимной ответственности, требовательности и взаимопомощи ее членов... Таким образом, новые методы работы оказываются не только экономически выгодными, но и социально необходимыми...

Однако, все сказанное выше харак-

теризует скорее некоторую “идеальную модель”, от которой реально функционирующие организации оказываются, как правило, довольно далеки.

Реальная жизнь последних лет выявила ряд серьезных трудностей, возникающих не только при доминировании рыночных отношений в обществе.

Анализ этих трудностей позволяет выделить ряд факторов и механизмов как административно-правового, технико-технологического, организационно-экономического, так и социально-психологического порядка, которые могут быть учтены и использованы в России и других странах.

Именно выявление этих факторов и механизмов и послужило основой возникновения практики психологического управления и, в частности, комплексного организационного проектирования организации труда и управления в ряде отраслей промышленности.

Таким образом, вопрос о целенаправленном использовании социально-психологических факторов и механизмов в целях проектирования новых или дальнейшего совершенствования уже существующих организаций оказывается не просто чрезвычайно актуальным, но и вполне продуктивным.

При этом велика не только практическая, но и научная значимость обсуждаемой проблемы. Последнее становится понятным, если учесть, что любая производственная организация может быть одновременно рассмотрена как субъект совместной деятельности, как социально-психологическая группа определенного уровня развития, и как среда “самореализации” личности и т.д.! Речь идет о возможностях дальнейшего углубления тео-

ретической разработки ряда важнейших проблем общей и социальной психологии, а не только психологии управления и той ее части, которую именуют психологическим управлением.

Еще в 1961 г. вышла книга Т. Бернса и Д. Сталкера «Управление инновациями», возникают новые модели организаций как антипод бюрократическим. Новый подход отвергает представление об организации как «организованной» и работающей с четкостью часового механизма; напротив, считается, что эта модель мешает проводить радикальные изменения, обеспечивающие приспособляемость персонала к объективным требованиям. Постепенно вырисовывается новый тип организации, в которой импровизация работников ценится выше, чем планирование, которая руководствуется индивидуальными возможностями персонала гораздо больше, чем ограничениями, предпочитает креативные способности руководителя научениям и ограничениям в его поведении. В определении органического типа структур, данным Бернсом и Сталкером, подчеркивались такие ее принципиальные отличия от бюрократической иерархии, как более высокая гибкость, меньшая связанность с нормами и правилами, использование бригадной (групповой) формы труда. И, главное, решения руководителя диктуются обстоятельствами, но не авторитетом и традициями. Творческий подход к работе базируется на связи миссии организации с деятельностью каждого ее члена; распределение работы характеризуется не должностями, а характером решаемых проблем; имеет место постоянная готовность к проведению в организации прогрессивных изменений.

По мнению авторов, подобный переход к органическим структурам управления невозможен без учёта субъективных факторов управления персоналом: постоянных изменений лидеров (имеется в виду не замена физических лиц, а изменения в подходе в зависимости от решаемых проблем), смена системы норм и ценностей персонала, формируемых в процессе совместной деятельности, процессного подхода к принятию решений, возможностей саморазвития, самовыражения. Во всех этих подходах факторы субъективного управления: способности работника, особенности его характера, видение стратегии организации и персонала в ней, - это то, что определяет поведение менеджера индивидуально, внутренне. Но готовят их, помогают им проявиться, являются причиной развития объективные факторы в управлении персоналом.

В середине XX века начинают развиваться также теории управления, в которых рационалистический подход совмещается с поведенческим (П. Друкер, М. Хейч, Д. Марч, Х. Саймон). Новые подходы управления персоналом продолжались в исследованиях промышленной социальной психологии (Ф. Ротлисбергер, В. Диксон, Т. М. Ньюкомб, Е. Л. Хартли): в изучении мотивации работников (А. Маслоу, В. Врум), в исследовании лидерства (К. Левин, Ф. Мас-сорик, Ф. Е. Фидлер), в анализе группового поведения (У. Ф. Уайт, М. Шериф), в концепции организационной культуры в 80-90-е годы (Ч. Барнард, Ф. Селзник, Р. Лайкерг). Именно в этих концепциях рассматривается субъективный фактор в управлении персоналом как определяющий эффективность деятельности организации. В середине 80-х годов Т. Питерс

и Р. Уотермен, изучив множество американских преуспевающих фирм, пришли к выводу, что эффекты от работы возникают как искусство организации неформального поведения работников. Они «сдвинули» формализованную рационалистическую модель управления с положения незыблемости и определили, что огромные ресурсы управления скрываются в неиспользованных человеческих возможностях.

«Естественная» концепция (Т. Парсонс, Р. Мертон, А. Этциони) рассматривает функционирование организации как самосовершающийся процесс. Организованность - состояние системы, позволяющее ей самонастраиваться при воздействии извне или изнутри. Отклонение от цели - естественное свойство системы, следствие большой роли в ней unplanned, стихийных факторов. Такой подход исключает управление организацией как системой. Управление персоналом, с точки зрения названных авторов, происходит лишь под влиянием материального интереса, который руководитель регулирует посредством экономического влияния

Инновационная модель рассматривает всю совокупность инноваций как рационально спланированный, сознательно вызванный и контролируемый процесс. Организация - это искусственная, рационально созданная система, постоянно реконструируемая под решение новых задач. Роль менеджера чрезвычайно велика в управлении персоналом. Он - существо, задающее свойства будущей организации (менеджер-герой). Экзогенная версия инновационных моделей (И. Ансофф, Ч. Арджирис, Р. Данкан) видит источник формирования организации

в объективном изменении внешней среды (конкуренция или сотрудничество с другими организациями). На выживание организации влияют такие объективные факторы как: смена технологий, смена рынков, контроль за деятельностью персонала. Экзогенно - инновационная модель (П. Блау, Дж. Хоманс) определяет ресурсную зависимость организации, когда проблема управленческого труда лежит в плоскости рационального, пассивного приспособления к среде (диверсификация, слияние с другими организациями, вовлечение коллектива во временные коалиции).

Несколько иные объективные факторы выдвигает теория неомарксистской школы (Р. Эдвардс, М. Буравой) - на эффективность и выживание организации влияет борьба за доминирование социальных групп (менеджеров и рабочих), это побуждает менеджеров к структурным изменениям. Организация трактуется как инструментальная система для реализации тех, кто принимает решения,

Как видим, несмотря на обилие теорий, ни один из авторов не рассматривает проблему совершенствования управления персоналом как систему взаимодействия в совместной продуктивной деятельности руководителя и подчиненных на предприятиях, совершенствующих структуру управления и ориентируемых на потребителя.

В самом общем и широком смысле слова под «системой» понимается совокупность элементов целостного образования [179]. Однако такое понимание применимо лишь для характеристики систем, состоящих из однородных частей и имеющих вполне определенную структуру. Тем не менее, на практике нередко

к системам относят совокупности разнородных объектов, объединенных в одно целое для достижения определенной цели. Главное, что определяет систему - это взаимосвязь и взаимодействие частей в рамках целого.

В научном подходе к формированию системы управления персоналом используется достаточное число терминов, отражающих участие человека в общественном производстве: трудовые ресурсы, человеческий капитал, человеческий фактор, организационное поведение, организация труда, управление персоналом, кадровая политика, коллектив, команда, социальное развитие, управление человеком.

Исторически можно выделить четыре концепции, наиболее четко определяющие предмет исследования:

Использование трудовых ресурсов на предприятии. Эта концепция известна с конца XIX в. до 60-х годов XX века. Вместо человека в производстве рассматривалась лишь его функция - труд, измеряемый затратами рабочего времени и заработной платой. Эта концепция нашла отражение в марксизме и тейлоризме, а в нашей стране - в эксплуатации труда государством. Центральное место здесь занимают вопросы затрат и результатов труда, оценки вклада сотрудников в общие итоги предприятия, снижение затрат труда и увеличение выпуска продукции.

Управление персоналом предприятия. Научной основой этой концепции, развивавшейся с 30-х годов, была теория бюрократических организаций, в которой человек рассматривался через формальные функции (занимаемую должность), а управление осуществлялось через ад-

министративные механизмы (принципы, методы, полномочия, функции). В системе управления персоналом изучались вопросы планирования численности, отбора, обучения и аттестации персонала, мотивации труда, стилей управления, взаимоотношений в трудовых коллективах, процедур управления.

Иногда систему управления персоналом определяют как совокупность действий, необходимых для согласования совместной деятельности людей в организации, иногда - как совокупность звеньев, осуществляющих управление, и связей между ними.

Управление человеческими ресурсами (капиталом) предприятия. В этой системе человек стал рассматриваться не как фактор затрат, который необходимо минимизировать для повышения эффективности производства, а как невосполнимый ресурс - элемент социальной организации в единстве трех основных компонентов (трудовой функции, социальных отношений, состояния работника). Термин «человеческий ресурс», который отражал экономическую целесообразность капиталовложений в человека, развитие его умений, навыков, способностей. В Российской практике эта концепция используется как «активизация человеческого фактора». Человеческий капитал определяется совокупностью качеств человека (здоровье, образование, профессионализм), влияющих на результаты его деятельности.

Управление человеком на предприятии. В этой концепции в качестве главного субъекта организации и особого объекта управления выступает человек. В этом случае человек рассматривается как член «организации-семьи», а функции

менеджера состоят в «управлении человеческим существом». Основоположники этой концепции - японские менеджеры К. Мацусита, А. Морита - считают, что в зависимости от желаний и способностей человека должны строиться стратегия и структура организации. Эта концепция связана с концепцией всестороннего развития личности, созданной российскими учеными (Л. Выготский, Л. А. Зеленев).

Обобщая приведенные подходы, можно отметить, что изменения точек зрения на человека в системе производства знаменовали переходы от одной концепции к другой. Они же означали смену этапов в развитии теории управления персоналом, которые были пройдены на зарубежных предприятиях за время становления теории управления человеческими ресурсами:

- рассмотрение человека как исполнителя трудовой функции, измеряемой затратами рабочего времени, определяло развитие управления кадрами;

- рассмотрение человека как носителя формальной роли, как элемента структуры на производстве - управление персоналом;

- рассмотрение человека как невосполнимого ресурса организации, как единство трех компонентов (трудовой функции, социальных отношений и состояний работника) - управление человеческими ресурсами;

- рассмотрение человека как главного субъекта организации - гуманистический подход к управлению человеческими ресурсами, социальный менеджмент.

Интегративная парадигма управления организациями учитывает все то прогрессивное, что наработала наука управления в рыночной экономике, а также обоб-

щают взгляды отечественных ученых и специалистов по управлению в переходный период российского «транзитивного общества».

Ковалев С. Э. (Республика Казахстан, Усть-Каменогорск)

ТРАНСМЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА: ОТРАЖЕНИЕ ИЛИ ПОРОЖДЕНИЕ

Аннотация: Рассматриваются проблемы диалектики созерцания и порождения, анализируется роль «культуры помощи» в становлении трансментальных пространств.

Ключевые слова: транскомуникация, «инаковость в культуре», культура помощи, созерцание, порождение, опредмеченная транспотребностная среда.

TRANSMENTAL SPACE OF THE PERSON: REFLECTION OR GENERATION *Kovalev Sergey Eduardovich (Republic Kazakhstan, Ust Kamenogorsk)*

Summary: The dialectic problems of the reflection and the generation are considered, the role of «cultural aid» is analyzed in the becoming of the transmental spaces.

Key words: transcommunications, culture of the aid, reflection, generation, transconsumeris environment of the subject.

Проблему постановки и решения проблем «ментальности» (ментального пространства человека) как психологической проблемы В.Е.Клочко тесно связывает с так называемым «мировидением» самих психологов. «Не стоит спорить о деталях, если в принципе расходится мировидение. Какая профессиональная ментальность необходима психологу для постановки и решения проблемы ментальности как психологической проблемы». (В.Е.Клочко, 2005) В мировидении мы можем искать те методологические основания, которые станут опорой понимания нами искомой проблемы. Первым положением В.Е.Клочко видит в постановке как критерия - формы мышления. Разделяя аристотелевское и галилеевское мышление, автор считает, что галиле-

евская ее форма дает источник понимания, что ментальное пространство личности обнаруживается тогда, когда их (личностей) появляется несколько. Оно появляется только в контексте совмещения разных индивидуальных культур. Индивидуальные культуры создают два жизненных мира: индивидуальный и социальный (общественный). Их обнаружение возможно на основе совмещения и исследования индивидуальных миров. Таким образом, первым постулатом нашего теоретического исследования является положение о внеиндивидуальном свойстве ментального пространства человека. Вторым основанием для анализа является выход науки и мышления ученых за пределы теории отражения. Таким выходом является представление о том, что

центральным свойством сознания является не отражение, а порождение человеком своей реальности. Почему общественное сознание не может так легко преодолеть парадигму отражения?

Феномен сопротивления при попытке объяснить порождающий эффект взаимодействия человека с миром возникает всякий раз у типичных представителей современного общества. Они не хотят и не могут понять, что процесс познания давно уже перешел границу созерцательности. Они остаются этими созерцателями в силу своей жизненной природы и тех жизненных сил, которые им подарила цивилизация. Сопротивление возникает всякий раз, когда подобное понимание заставляет человека посмотреть на себя не как на пассивное созерцательное «существо», а как на деятеля, на строителя. В человеке живут две системы: одна - пассивная и поэтому - созерцающая и активная и поэтому - порождающая. Эти две системы порождаются двумя ключевыми состояниями организма, системные основания которых, по моему мнению, вписываются в обозначенную в науке категорию «витальности». Это дефицитные психические состояния, когда человек находится в состоянии «энергосбережения» и поэтому он «созерцает», и энергетически достаточные психические состояния, когда человек в силу достатка ресурсов включает механизм их рационального расходования и поэтому он «порождает». Человек постоянно находится в смене этих состояний и каждая из них исполняет свою роль и функции. Человек не может постоянно находиться в «состоянии деятельности», его в этом случае ждет истощение. К сожалению, отечественная наука в свое время выбросила вместе

с Фрейдом и идею «энергии», которую позже переинтерпретировали в «витальность». Новые системные основания науки в границах ее постнеклассицизма должна вобрать в себя идею системных оснований поведения и деятельности человека, определяемых его ресурсными состояниями.

На современном постсоветском пространстве человеческого бытия пока происходит сложная трансформация общества: от одного (дефицитного) качества жизни к другому (обеспеченному ресурсами). Эта трансформация происходит очень сложно, дефицитность и бедность не уходят так просто. Человек в основе своей остается в состоянии нищеты и поэтому в состоянии жесткого ресурсосбережения и созерцательности. Неприятие «деятельности», вытеснение «деятельности» является доминирующей бессознательной установкой, позволяющей не расходовать ресурсы. Ярким примером общественного соотношения сторонников и противников «порождения» и «деятельности» является соотношение наемных и работодателей. Наемные – это те, кто еще в своем сознании не «допустил порождение», они не вышли за пределы возможностей системного предвосхищения результата (в виде прибыли). Работодатели, или предприниматели уже вышли в пределы глобального целеполагания и планирования, позволяющего оценить продукт взаимодействия человека с предметным миром и людей друг с другом. В нашем обществе количество работодателей ничтожно мало (не более 7%), и поэтому «партия» выступающая за «порождение» составляет ничтожное меньшинство. Приведу еще один пример соотношения двух конкурирующих си-

стем образования, которые развивались с 60-х годов в СССР. Это система академика Л.В.Занкова, которую приветствовали более 30% педагогов того времени и система академика В.В. Давыдова, которую могли освоить и использовали не более 10% учителей. Система Л.В. Занкова, по моему мнению, хоть и опиралась в своих основаниях на идеи Л.С. Выготского, так и не вышла в образовании из парадигмы отражения, она оставалась на принципах «информационной насыщенности» учебного процесса и «знаниевой составляющей» как основного результата образования. Поэтому ее так приветствовали большая часть учителей, так как она не требует «порождения» психических новообразования. Система В.В. Давыдова же очень отчетливо основным результатом образования считала те изменения в личности ученика, которые «порождаются» процессом поиска, обнаруживания и разрешения реальных предметных противоречий. Эта система отчетливо понимала и проектировала тот «порождающий эффект», который дает как взаимодействие человека с миром, так и взаимодействие человека с другими людьми. Соотношение «занковцев» и «давыдовцев» имеет знаковое общественное содержание и может стать показателем соотношения педагогов, которые учат своих учеников «созерцать» и учителей, рождающих деятельность и «порождающих» новообразования. Изменить это соотношение в пределах общественной эпохи – задача архи-сложная. Почему же общественная система так бережет «созерцающих» и всячески вытесняет «порождающих». Это вытеснение ярко воплощается в той видимой и невидимой борьбе, которая всегда велась в России против купцов,

предпринимателей и промышленников. Источником порождения этой борьбы является страх перед своей интеллектуальной несостоятельностью и переживание неспособности к «порождению». Общественная система не терпит различий в способностях. Разный уровень жизни ее фрустрирует, и она рано или поздно направляет всю политическую машину государства на уничтожение этих различий. Как это было в известном Постановлении ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса». Конфликт между «отражением» и «порождением» решается в пользу общественной безопасности. Созерцать более безопасно. Для решения конфликта в пользу «порождения», или хотя бы в пользу его «неуничтожения» необходимо систематическое накопление общественных и психических ресурсов, количество которых и дадут новое качество, воплощенное в ликвидации страха перед деятельностью и предпринимательством. Человеческие ресурсы имеют энергетическую и интеллектуально-личностную составляющие. Качество жизни дает больший эффект именно в интеллектуально-личностной составляющей развития человека, что и должно в перспективе воплотиться в способности к более системному и широкому мышлению, в способности решать проблемы и строить перспективу «своего дела» (бизнеса). Это является условием перехода к «инновационному» мышлению, когда я не просто делаю свое дело, а думаю о его совершенствовании и его конкурентоспособности. Создаваемые ноу-хау человек вкладывает и закрепляет в процессах своей деятельности, что делает ее более совершенной и менее затратной.

При этом хотелось бы остано-

виться на «полезности» той созерцательности, о которой мы ведем речь. Во-первых, созерцательность в контексте парадигмы «отражения» - это способ ресурсосбережения, это возможность не тратить ресурсы. Во-вторых, это время детально изучить основу деятельности и выработать ее ориентировочную основу. Полезность этого не вызывает сомнения, так как порождение не может родиться на пустом месте. В этой связи мы склонны говорить об отражающе-порождающем акте познания, где есть как созерцательный компонент, так и деятельностный. Противоречия между отражением и деятельностью не существует, они взаимодополняют друг друга и образуют целостность, которая имеет ментальное основание. Третьим методологическим основанием является положение ТПС (Клочко В.Е., Краснорядцева О.М., Галажинский Э.В.) о понятиях, «с помощью которых можно было бы зафиксировать ту «переходную» (между Духом и Материей) форму, форму их со-бытия, о которой можно сказать (и написать) много разных слов, но которая, как и любой продукт мышления, не будучи означена словом, так и не будет объективирована и признана в качестве психологической реальности» (Клочко В.Е., 2005) К таким понятиям автор относит и «ментальное пространство человека». «Оно не субъективно и не объективно. Оно трансубъективно, а коммуникации, в которых оно формируется, логично было бы назвать транскоммуникациями. Не вступая в дискуссию о психологических реалиях, стоящих за понятием «транскоммуникация», выражу свое понимание. Транскоммуникация — это такие межличностные взаимодействия и взаимодействия человека с

культурой, в которых формируется трансубъективное пространство человека». (Клочко В.Е., 2005) Эти положения неизбежно ложатся в основу нашего исследования, так как открывают широкие возможности изучения современных транскультурных миров, образующихся в результате возрастающего межкультурного обмена. Эмпирической реальностью этих процессов являются все возрастающие международные обмены, контакты, программы, переезды, стажировки, путешествия и т.д. В нашем случае эмпирической базой проводимого комплекса исследований является широкая деятельность общества «InWent» (Германия), которое вот уже около двадцати лет реализует программу повышения квалификации управленцев и менеджеров в сфере экономики стран постсоветского пространства. Деятельность общества началась после Второй мировой войны, когда специально для менеджеров разрушенной и поверженной Германии была разработана система профессиональных управленческих стажировок в США для системного заимствования американской бизнескультуры и привнесение ее в бизнескультуру немецкого общества (Общество Карла Дуйсберга). Сейчас общество «InWent» делает тоже самое по отношению к развивающимся странам постсоветского пространства (Россия, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан). В деятельности таких организаций как «InWent» ярко просматривается попытка управления процессами становления транскультурных пространств через проектирование «транскоммуникаций». Причем эти «транскоммуникации» выстраиваются как обмен инновациями. Инновационная деятель-

ность человека транссубъективна, то есть она не принадлежит ни субъекту и не объекту. Она вне дихотомии «субъект-объект». Поэтому она, несомненно является частью ментального пространства человека. В дополнение к трем традиционным формам обмена в рамках деятельности общения: обмен информацией, обмен эмоциями, обмен деятельностью (Г.А.Андреева), мы можем заявить, что, по-видимому, существуют и другие формы обмена, в рамках которых формируются «транссубъективные» пространства и «транскультурные» миры. Воплощаются и проявляются они в становлении ментального пространства человека (МПЧ) как транссубъективной реальности. Методом проектирования становления МПЧ являются формы не просто обмена, а событийный опыт, рождающийся в результате взаимодействия (а может быть и конфликта) различных культур. Таким образом, парадигма обмена информацией, эмоциями и деятельностью в ходе общения (Г.А.Андреева) уже не вписывается в новые системные реалии науки. На повестку дня выходит не просто «вывоз капитала», а «вывоз инноваций» и завоевание ментальностей. Напомню, что исторически человечество прошло определенные этапы колониального развития. В эпоху классического колониализма важнейшим фактором развития экономики и культуры является обмен товарами и людьми (как рабами). В эпоху неоколониализма источником становления культуры становится обмен капиталом, денежные коммуникации становятся символом новой эпохи, деньги — это выдающееся воплощение обмена ресурсами и энергией через «знаковое опосредование». Системное мышление ТПС (Ключко

В.Е.), а также мировой финансовый кризис 2008-9 годов приводит нас к пониманию, что денежное (знаковое) опосредование далеко не совершенно, так как может допускать инфляцию знаков (денег). Инфляция знаков — это явление в культуре, когда знак создается и функционирует сам по себе, когда за ним не стоят ресурсы и энергия. Американская культура довела до абсурда свою финансовую систему и использовала ее преимущества полностью, доведя ее до упадка. Используя законы финансового колониализма, была создана власть доллара, каждая валюта мечтает о том же. В результате многие сейчас говорят о необходимости финансовой реформы в мире и о гарантиях финансовой стабильности региональных валют. Одиозная власть денежных знаков поставлена под сомнение. Наступает новая эпоха транскомуникаций, когда источником становления культуры является не «знаковое опосредование», а процесс становления межкультурных ментальных пространств, что свидетельствует о новой эпохе становления системного мышления исследователей-психологов. И не только психологов, многие представители межкультурного менеджмента в разных странах пришли к пониманию, что обмен новыми идеями, инновациями и внедрение ментальной предпринимательской культуры в процессе организации событийных пространств сотрудничества разных народов является новым системным видением в нашей культуре. Мы начинаем понимать, что что бы развиваться дальше, необходимо сделать свою культуру многоликой и многоуровневой, когда многоличие становится источником устойчивости. В этом отношении, например, внутренняя политика руководства

Республики Казахстан по формированию межэтнической толерантности является залогом социальной устойчивости не только в настоящее время, но и источником устойчивого развития в будущем. В этом смысле можно сделать недвусмысленное предположение, что идентичность открывается тогда, когда есть с чем ее сравнить. Идентичность открывается в сравнении культур, то есть в межкультурном пространстве. Идентичность проходит свое испытание на стыке культур. Незря в культуре народов наблюдаются явления, когда стремление к сохранению традиций наблюдаются более выражено у тех представителей, которые проживают в соседстве с другими народами и этносами. Идентичность обнаруживается при соприкосновении с другой культурой. Можно предположить, что и ментальное пространство одной культуры тоже обнаруживается при проникновении в ментальные пространства других культур. Например, мы столкнулись в нашей культуре с явлением, когда для определенного этноса соприкосновение с более «инаковой» культурой является большей ценностью, чем соприкосновение с идентичной культурой. Среди проживающих на территории Казахстана казахов существует мнение, что в более тесном соприкосновении с русской культурой есть больше перспектив сохранения своей идентичности, чем если бы казахи стали более тесно общаться с китайцами. С китайцами (а китайцы по своим внешним этническим признакам очень похожи на казахов), по мнению этой группы, казахов ждет неминуемая ассимиляция, так как за утратой внешней идентичности неминуемо последует и утрата культурного и языкового своеобразия. Они считают, что с

внешне более «инаковыми» русскими (или с другими европеоидами) у них больше возможности сохранить свою идентичность. Таким образом, перед нами открывается новая проблемная зона изучения ментальных пространств в их органическом существовании и сосуществовании с инаковыми. Трансформация ментальных пространств (МП) в сосуществовании с другими МП открывает для нас новые системные координаты в изучении предмета нашего исследования. В этой связи мы предполагаем рождение в психологической науке нового понятия — трансментальные пространства.

Трансформация ментального пространства современного человека становится реальностью. Интенсивность жизни людей как проявление транстемпоральных (О.В.Лукьянов, 2009) сдвигов возрастает. В этой связи своей задачей я вижу системное схватывание новых реалий понимания МП человека в условиях его трансформации и в сосуществовании с другими МП. В этом контексте хотелось бы остановиться на категориях, которые нам помогают раскрыть исследуемую проблему более отчетливо и выстроить их функциональную систему. «Транскомуникация — это процесс общения между инаковыми и разнопорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; это сверхдинамичный, смыслообразующий процесс гармонизации разноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса».(Ключко В.Е., Э.Галажинский, 2009, стр.235) Транскомуникация — это элементарная часть трансментального пространства, основанная на простом обмене. Разнопрядковость, инаковость, «гармонизация

разноуровневых миров» является основными свойствами понятия. На этом фоне интересными являются представления о направленности человека на транскоммуникацию, толерантность к инаковости, чувствительность к инаковости и др. В этом контексте нам представляются важным обозначить такое давно наблюдаемое явление в трансментальных пространствах как чувствительность к активности другого. У каждого человека с детства формируется определенный порог чувствительности на активность другого значимого человека. До определенного уровня активности значимого другого человек находится в зоне комфорта и у него не возникает негативная реакция на чрезмерность этой активности. Он находится в своеобразной зоне безопасности. Но как только активность значимого другого переходит определенную грань интенсивности и переходит порог безопасности, то у человека возникает негативная реакция на эту активность. Примером проявления этого порога безопасности (чувствительности на активность другого) является процесс реагирования родителей на двигательную активность маленьких детей. До определенного уровня родители не видят в беготне ребенка по квартире какую то угрозу его безопасности, но когда эта беготня становится чрезмерной, то они начинают негативно на нее реагировать и даже могут наказать ребенка. Очень часто такие ситуации возникают и там, где вообще угроза здоровью ребенка не предвидится. То есть родители часто создают такую ситуацию искусственно, они решают не проблему ребенка, а свою проблему. Их проблема заключается в том, что они боятся за свое будущее, они бессознательно охраняют общественные

устои, они не хотят вырастить в детях активное будущее, так как оно опрокинет их образ жизни. В этом заключается суть проблемы воспитания либо экономически пассивного, либо экономически активного населения. Мы всякий раз стремимся уничтожит более активного конкурента, так мы заведомо знаем, что проиграем у этой конкурентной борьбе. Слишком глубоки различия в поколениях. У различных народов есть сложившаяся культура этих отношений, различный порог чувствительности на активность значимого другого, существуют и половые различия. Мальчикам больше разрешено по части активности, девочка должна быть менее активна. Мальчишкам разрешено быть немного «хулиганами», девочка должна быть законопослушной. Это явление наводит нас на мысль, что становление инновационного поведения человека так же регулируется явлениями трансментальных пространств.

Рождение нового продукта в культуре связано со многими аспектами индивидуального и межиндивидуального пространства жизненного мира. Новый продукт, во-первых, является продуктом развитого воображения человека. Не зря, благодаря В.В.Давыдову, воображение и его роль в психологической культуре было поднято на должную высоту. Развитое воображение сопровождает процессы целеполагания и планирования. Образ продукта, который рождает наше воображение, должен иметь определенные свойства, удовлетворяющие какую-либо потребность или решающие какую-либо задачу. Новый продукт, который мы создаем, как минимум должен быть кому-то нужен. Этот продукт должен обладать свойством «нужности», свойством «не-

обходимости кому-то». Что бы его воссоздать и произвести, надо обладать чувствительностью к потребностям другого человека. Надо уметь чувствовать и воспроизводить в продукте свойство «нужности» кому-то. Его (продукт) ведь должен кто-то купить. Человек в инновационной (рыночной) культуре должен стать настоящим, искусным потребителем, и это сделает его чувствительным к потребностям другого человека. Развивающаяся чувствительность к собственным потребностям порождает чувствительность к потребностям другого человека. Таким образом, рождается транспотребностные пространства, которые формируют в культуре общую заинтересованность людей в друг друга. Образуется напряженное транспотребностное поле взаимной чувствительности людей. Чувствительность к потребностям другого, таким образом, еще один феномен трансментальных пространств, рождающийся на стыке культур, рождающийся во взаимодействии. Есть предположение, что это транспотребностное пространство образуется в результате социализации и воспитания. Глубина собственного «чувствования» человека образуется в результате взаимодействия с родителями, которые в разной степени могут могут сами это чувствование воспроизвести в своем отношении к ребенку. В культуре развивающего образования (В.В.Давыдов, Г.А.Цукерман) был описан такой феномен группового взаимодействия как «дозированная своевременная помощь» при решении задач (учебных, жизненных или эмпирических). Считается, что своевременная подсказка является залогом успешного продвижения в предметно-развивающей среде. Мы провели исследование, зада-

чей которое было выявить, что оказывает большее влияние на успешность обучения ребенка в начальной школе: его интеллект или наличие в семье постоянного участия родителей при решении учебных задач. В результате было выявлено, что участие родителей и их «своевременная дозированная помощь» оказывала намного большее влияние на результативность обучения. А в сочетании с высокими интеллектуальными ресурсами ребенка оно давало, просто, взлет способностей. Каждый раз, помогая ребенку решать трудную задачу, проявляя к нему чувствительность, родители формируют и определенное отношение к себе у ребенка. Он становится более чувствительным к своим потребностям, к себе, к своей личности, растет его самооценка, повышается уверенность, что включает в процесс его развития не только интеллектуальный ресурс, но и личностный. У ребенка формируется внутреннее самоуважение и потребность в самоосуществлении. Мало того, у него формируется общее с другими людьми опредмеченное транспотребностное пространство. Он научается чувствовать и воспроизводить продукт, нужный еще кому-то. К сожалению, в нашей культуре сплошь и рядом существует феномен полного игнорирования взрослыми задач, актуально стоящими перед ребенком. Не образуется опыт сосуществования детей и взрослых. Нет должной культуры помощи и взаимопомощи. Мало того образование (школьное) чаще воспроизводит ценностные образцы негативного отношения к «помощи» вообще. Доминирует ценность индивидуального предметного достижения при полном отсутствии обмена информацией и ресурсами. Репрессиям подвергается тот, кто

этот обмен хочет организовать. Обмен информацией и ресурсами подвергается репрессиям. Определенная транспортная среда репрессируется. Обмен происходит вопреки системе образования, обмен информацией и ресурсами запрещен и является криминальным. И поэтому он часто и не воспроизводится в семье. Хотя именно в семье, а так же в культуре репетиторского образования мы сталкиваемся с высочайшими образцами культуры дозированной и своевременной помощи. Формирование культуры помощи, таким образом, является тем источником, который создаст в нашей ментальности те горизонтальные связи, которые являются условием развития рыночной культуры. У нас отсутствует не только культура оказания помощи, но и культура принятия помощи. У большинства детей в ситуации затруднения при решении задачи (учебной или жизненной) даже не возникает мысль о том, что можно попросить помощь у кого-то. Мало того, часть детей считают, что просить помощь — это зазорно. У них существует устойчивая ценность, что всего нужно достигать самостоятельно. Не удивительно, что при высоком уровне вынужденного «группирования», мы в нашей культуре сталкиваемся с наи-низменными образцами эгоизма и безразличия. Культура помощи формируется все равно, но она формируется скорее вопреки системе, а не благодаря ей. В официальной культуре она носит «незаконный» или даже «криминальный» характер. Нет веры в помощь. Нет веры в личность и ее ресурсы. Отсюда и сложившаяся культура сплошного оценивания и диагностирования. Мы верим больше в оценку и диагноз, чем в развитие и совер-

шение. В этом патогенность нашей культуры. Мы верим в правильность «расстановки кадров», когда та или иная должность точно соответствует способностям данного человека, мы не верим в то, что этот человек на данной должности может расти и меняться. Мы не верим в возможности человека. В нашей психологической профессиональной культуре мы также проходим стадию сплошного диагностирования и оценивания. Это важный этап социального познания. Но он постепенно перерастает в иную стадию развития профессиональной культуры — стадию порождающего взаимодействия и сосуществования. Патогенность диагностики и сплошного тестирования уходит. Отношение к «инаковости», безусловно, тоже является феноменом, рождающимся во взаимодействии. «Инаковость» в культуре — это образ, который воспроизводится самим человеком. «Инаковость», вопреки «иных» - суть производная самого человека. Когда отсутствует культура взаимопомощи, то пространство «иных» существенно расширяется.

Литература

Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005.

Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Само-реализация личности: системный взгляд / Под редакцией Г.В.Залевского. - Томск: 1999.-154 с.

Лукьянов О.В. Готовность быть: Введение в транстемпоральную психологию. М.: 2009. - 231 с.

Козлов В.В., (Ярославль), Смагулов Б.С. (Астана)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ ЭЛИТ

Аннотация. Статья посвящена парадигмальным основам элитологии, т.к. глубокое исследование психологии мировой элиты требует четкого теоретического понимания сущности феномена элиты, ее роли и места в современном социуме.

Ключевые слова: Парадигма, элита, ценности, методология, статус, личность, идентификация

Abstract. The article deals with the basic paradigm, because a careful study of the psychology of global elite requires a clear theoretical understanding of the phenomenon of elite, its place and role in modern society.

Keywords: Paradigm, elite, values, methodologies, status, personality, identity

Проблема развития правящей элиты остается одной из самых востребованных в современной гуманитарной науке. Глобализация мирового хозяйства и предпринимательства, развитие межгосударственных институций, все более становящихся реальными центрами власти приводит к существенным изменениям облика, роли, статуса, мышления, мотивации и систем ценностей политических и экономических элит. Вместе с тем глубокое исследование психологии мировой элиты требует четкого теоретического понимания сущности феномена элиты, ее роли и места в современном социуме.

Понятие элиты не применялось широко в общественных науках вплоть до начала XX в., т.е. до появления работ итальянского социолога и экономиста Вильфредо Парето. Основоположниками теории элит, наряду с В. Парето, являются Г. Моска и Р. Михельс. Важно отметить, что Г. Моска и Р. Михельс не применяли в своих исследованиях термин «элита», предпочитая синонимичное по значению и ценностно-нейтральное понятие «политический класс». Впоследствии термин

«элита» прочно входит в социологические и политологические словари, определив целый ряд направлений и течений социально-политической мысли.

В политической науке понятие «элита» до сих пор остается предметом постоянных теоретических споров. Между исследователями нет определенности и единства относительно правомерности использования самого термина «элита», критериев определения элиты, механизмов динамики и мобильности элиты.

Для современной отечественной элитологии ключевой методологической проблемой остается понимание и научная корректность использования термина «элита». Основные сложности связаны с разрешением противоречия между стремлением к унификации различных теоретических понятий в политическом процессе и фактом национального своеобразия политических систем отдельных государств. Очевидно, что прямое заимствование научных категорий из западной политической науки невозможно без учета социальных, исторических, культурных особенностей казахстанской полити-

ческой системы. В то же время эволюция национального политического процесса заставляет исследователей использовать научные подходы, общепринятые в современной политической науке.

Методологические проблемы применения в казахстанском политическом контексте теории элит обусловлены, прежде всего, ценностной составляющей понятия «элита». Исключение ценностного аспекта искажает смысл понятия и образует, по выражению Дж. Сартори, «ценностный вакуум», а когда положительное слово постоянно используется как негативное, то в этом случае понятие «элита» вызывает только предубеждение [1]. Российские исследователи чаще всего используют различные направления структурно-функционального подхода (Д.В. Бадковский, И.М. Бунин, В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, И.С. Дискин, А.Ю. Зудин, Т.И. Заславская, Б.Г. Капустин, Т.П. Коржихина, О.В. Крыштановская). В рамках структурно-функционального подхода политическая элита - это люди, выполняющие и осуществляющие властные полномочия, необходимость которых определяется исключительной важностью функций управления для общества. Другими словами, элитой в том или ином обществе является тот, кто имеет власть, потому что возглавляет определенные институты власти. Методология структурно-функционального подхода достаточно успешно применяется в эмпирических исследованиях. На наш взгляд, этот подход практически исключает ценностный аспект понятия «элита». Кроме того, структурно-функциональное понимание элиты отражает только способ формирования властвующего слоя (например, определяет, является отбор элиты демо-

кратическим или нет), но не характеризует качество и не объясняет сущность системы элитного отбора.

В этом аспекте, более продуктивно обращение к теории социального пространства П. Бурдьё [2]. Согласно подходу Бурдьё, мир представляет собой многомерное пространство, построенное по принципам дифференциации и распределения. В рамках этого пространства функционируют индивиды, располагающие различными видами капиталов: экономическим, социальным, символическим, профессиональным. Эти виды ресурсов выступают систематизирующими факторами современных групп элиты. Обладание ресурсами определяет силу и влияние группы, индивида в конкретном обществе. Именно ресурсы являются главным критерием разделения, который обеспечивает их владельцам ведущее положение, высшие позиции в конкретном социальном пространстве.

Таким образом, «элита» — это совокупность групп, которые:

- 1) обладают ресурсами и занимают доминирующее положение - ведущие экономические, культурные, профессиональные позиции, при этом ресурсы становятся политическими, когда они задействованы в процессе принятия важнейших стратегических решений;

- 2) объединены определенными ценностными установками, стереотипами, нормами поведения, образом жизни;

- 3) обладают сходными интересами, а значит, есть вероятность выработки ими сходной практики в рамках определенного социального пространства;

- 4) вписаны в структуру социального пространства, т.е. к элите относится не просто тот, кто известен (даже с хорошей

стороны), а тот, кто признан в качестве элиты, т. е. легитимный.

Элита оформляет, скрепляет и воспроизводит определенный тип социальной структуры.

Нам представляется важным, что понятие «элита» (будучи единственным ценностным определением властвующих групп) позволяет охарактеризовать качественные параметры деятельности субъектов власти. Это существенно расширяет возможности исследования, прогнозирования, в частности, неформальные стандарты поведения представителей политической элиты непосредственно воздействуют на особенности организационной, институциональной структуры. Так, в ситуации неэффективности действия политических институтов, существования разнородных и противоречивых механизмов осуществления власти именно социокультурные стандарты, психологические особенности, исторические традиции формирования и функционирования представителей элиты становятся ключевыми характеристиками их деятельности. Это позволяет рассматривать развитие политической элиты в качестве целостного исторического, экономического, социокультурного, психосоциального процесса. Кроме того, глобальная экономика и международный финансовый рынок привели к формированию нового общества, в котором власть принадлежит не элитам национальных государств, а мировой элите.

Фактором, в наибольшей степени влияющим на сущностные характеристики элиты, является система ее формирования. Система отбора отражает всю совокупность отношений, взаимодействий внутри политической системы и является

не только технологией, но особым политическим, социокультурным институтом со своими собственными законами развития и самоорганизации. Система отбора элиты может быть представлена в виде следующих компонентов: а) механизмы рекрутирования (институциональные особенности выдвижения в состав элиты новых представителей - наследование, кровное родство, владение собственностью, профессиональная компетентность, образование, партийная принадлежность, личная преданность, выслуга лет и т.д.); б) каналы рекрутирования (пути продвижения вверх во властной иерархии - государственный аппарат, политические партии, силовые структуры, религиозные организации, органы местного самоуправления, система образования) [3]. Международная элита, управляющая новым сетевым обществом, глубоко интегрирована в пространство финансовых и информационных потоков. Современные элиты космополитичны, тогда как люди в большинстве своем живут в закрытых географических пространствах и национальных культурах. Поэтому чем меньше зависимость элиты от определенной культуры, чем больше ее включенность в пространство потоков информации, тем менее она подконтрольна национальным государствам и вообще каким-либо обществам.

Существование элиты обусловлено наличием ресурсов, которые определяют сложные связи между такими явлениями, как социальный статус, богатство, привилегии, престиж и т.д. Данные политические ресурсы определяют одинаковую позицию той или иной группы людей, их принадлежность к элите, но при этом никогда полностью не совпадают. Все за-

висит от конкретного контекста, от того, какой критерий является ключевым: экономическое положение, социальное происхождение, личные качества, должностное положение, национальность и т.д. Безусловно, основной политической ресурс, либо определенная совокупность ресурсов власти изменяются в зависимости от характера конкретной политической системы, от характеристик политической культуры. Вместе с тем использование единого понятия «элита» в различных контекстах свидетельствует о том, что между разными иерархическими структурами существует совпадение, так как основаниями деления являются такие источники, как власть, собственность, традиция, авторитет и религия. Поэтому партийные функционеры (в одних странах – чиновники, в других - руководители корпораций, в третьих - религиозные лидеры, в четвертых - знатные люди) являются политической элитой [4].

Универсальных критериев формирования политической элиты быть не может, поскольку не существует рационального политического авторитета, который не был бы основан на некой политической традиции. Более того, качественная определенность рекрутирования элиты детерминируется не только формальными характеристиками ее формирования и функционирования, но также ценностными, политико-культурными аспектами деятельности ее представителей. Данная деятельность чаще всего реализуется в форме неформальных практик. Поэтому необходимо соотносить формальные стандарты функционирования политической элиты с неформальными, которые позволяют представителям политической элиты изменять не только свое положение

в социальном пространстве, но и, например, механизмы элитообразования.

Таким образом, формирование элиты - сложная система, развитие которой определяется постоянными изменениями политической, социальной, экономической систем. Стабильность системы отбора элиты зависит от ее четкого соответствия закономерностям и тенденциям развития конкретной политической системы, определенным выработанным политической практикой принципам.

Система отбора должна формировать элиту в качестве стратегического субъекта политической системы. Сложность и глобальный характер современных процессов, необходимость противостоять внутренним и внешним угрозам усиливают интеллектуальную составляющую деятельности элиты. Переход большинства современных стран в информационную стадию развития определяет необходимость качественных изменений в формировании и функционировании элиты. Интеллектуальная эффективность политической элиты в значительной степени определяется ее стратегическими возможностями, умением формировать новые модели развития государства. В частности, экономико-технологический прорыв стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX в. сопровождался разработкой новых подходов к государственному управлению, связанных с развитием человеческого капитала (знаний, умений, культуры и т. д.).

Процесс формирования элиты сложный и многомерный. Центральным звеном этого процесса, на наш взгляд является личностная модель представителя элиты, как системообразующий фактор. Наибольшие возможности в исследова-

нии данной проблемы предоставляет интегративная методология, в которой личность обозначена как некая уникальная, ценная в своей целостности, самобытности и неповторимости живая социально-психологическая система. [5]

Личность имеет уникальную структуру по системе своих отождествлений с идеями, социальными статусами, ценностями, тенденциями, направленностью и материальными объектами. Кроме того, личность, с точки зрения интегративного подхода имеет уникальную систему воспитания и формирования, жизненный путь, уникальный язык взаимодействий с миром.

Единство этих трех компонентов: структуры, эволюции и язык взаимодействия с реальностью, - создают личность.

Интегративная методология предоставляет возможность изучать личность, как некое целостное понимание человеком самого себя, некую «Я-концепцию», некое глобальное поле смыслов самоидентификации индивидуального сознания с собой как психосоциально целостным существом, что является особенно актуальным в связи с исследованием психологии элит.

На наш взгляд, основой психологической модели личности представителя элиты является понимание того, что личность – не некая монолитная сущность, а система внутренних идентичностей или я-идентификаций, придающих структуру и смысл бытию в мире человека. Личность как некое целостное понимание человеком самого себя это не только способ генерализации прошлого опыта, но и семантическое пространство, которое помогает человеку интегрировать и объяснить свое поведение. В рамках нашего

исследования это дает возможность стратегического прогнозирования и анализа социально-психологических явлений и процессов.

Множество я - идентификаций обусловлены, навязаны и извлекаются из места личности в социальной структуре, другие творчески и избирательно строятся из материала языков сознания в синтезе с прошлым опытом поведения.

Я-идентификации – наши фундаментальные элементы самоопределения и именно они формируют наше предположение-представление о своей сущности.

В нашем исследовании мы исходим из того, что личность представляет собой совокупность подсистем.

Действительность переживается личностью и группой через такие формы уподобления, отождествления себя с другими людьми и явлениями, как непосредственное эмоциональное вчувствование, идентификация, эмоциональное заражение, объединение различных явлений через сопричастие, а не через выявление логических противоречий и различий между объектами по тем или иным существенным признакам.

Идентификацию мы, вслед за Козловым В.В. [6] понимаем не только как социально-психологическую способность встать на точку зрения партнера и не отождествляем только с пониманием или взаимным уподоблением людей друг другу. Идентификация включает все эти элементы, но в нашем понимании это интегральное, эмоционально переживаемое, отождествление с устойчивыми констелляциями человеческого опыта, которые осознаются и интерпретируются как «свои» и выступают в качестве

своеобразного регулятора его поведения и деятельности. Одновременно «Я» выступает как объект уподобления в качестве социально-психологического образования, на который идет ориентация и с которым сличается реализуемое личностное поведение.

Внутри самой структуры личности мы можем вычленить огромные, глобальные три подструктуры «Я». Они обозначаются как: «Я-материальное» (Ям); «Я-социальное» (Яс); «Я-духовное» (Яд). С этими подструктурами отождествлена, идентифицирована личность.

Все три подсистемы имеют между собой достаточно выраженную и реальную связь. «Я-социальное» может служить и находиться в функциональном подчинении по отношению к «Я-духовному», «Я-социальное» может полностью служить и находиться в отношении соподчинения к «Я-материальному». «Я-материальное» может служить и подчиняться в мотивационно-потребностном отношении «Я-духовному», «Я-материальное» может полностью быть обусловленным и детерминированным мотивами «Я-социального».

«Я» – это сложное системное образование, внутри которого каждая подструктура имеет связь с другими и имеет взаимовлияние, взаимодействие, взаимообусловленность. Что касается внутренней структуры этих глобальных компонентов: «Я» - материального, «Я» - социального, «Я» - духовного, – они тоже имеют между собой взаимосвязи и некую взаимообусловленность.

Итак, у любой личности и группы существует теоретическая возможность идентифицироваться с любой Эго-структурой. Человек всегда обусловлен,

детерминирован структурой идентификаций, доминирующими тенденциями, сформированными отношениями.

Итак, интегративная парадигма психологии дает возможность разработать и обосновать концептуальные основы психологии мировых элит.

Список использованных источников

Сартори, Дж. Вертикальная демократия [Текст] / Дж. Сартори // Полис. – 1993. - № 2. - С. 85.

Бурдые, П. Социальное пространство и генезис классов [Текст] / П. Бурдые // Вопросы социологии. – 1992. – Т. - № 1. – С. 17–33.

Гаман-Голутвина, О.В. Политические элиты России: процессы формирования и тенденции развития (историко-политологический анализ): автореф. дис... докт. полит. наук: 23.00.02 [Текст] / О.В. Гаман-Голутвина. - М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 1998. - 56 с.

Доган, М., Пеласси, Д. Сравнительная политическая социология [Текст] / М. Доган, Д. Пеласси; пер. с англ. - М.: РАН. ИСПИ, 1994. – 272 с. - С. 42.

Козлов, В. В., Фетискин Н. П., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп [Текст]: учеб. Пособие / В.В. Козлов, Н.П. Фетискин, Г.М. Мануйлов. - М. Изд-во Института психотерапии, 2005. - 490 с.

Козлов, В. В. Работа с кризисной личностью [Текст]: Методическое пособие / В. В. Козлов. - М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. – 302 с.

Мазилев В.А. (Ярославль), Янчук В.А. (Минск, Беларусь)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ФРЕЙМИНГА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЭТНОСОВ

Ключевые слова: культура, фрейм, фрейминг, изучение культурной специфики, социальная психология, кросс-культурные исследования, культурный фрейминг

Резюме: В статье прослеживаются возможности исследования культурного фрейминга для анализа восприятия и интерпретации социальной действительности. Анализируются зарубежные социально-психологические работы, в которых исследуется культурный фрейминг. Анализируются методологические проблемы исследования культурного фрейминга. Обсуждаются вопросы организации исследования культурного фрейминга. Ставится задача исследования культурного фрейминга россиян и белорусов.

Keywords: culture, frame, framing, studying cultural identity, social psychology, cross-cultural studies, cultural framing

Summary: This article traces the cultural framing research opportunities for the analysis of perception and interpretation of social reality. Analyzes the foreign socio-psychological work, which explores the cultural framing. Analyzes the methodological problems in the study of the cultural framing. Discusses the research organization of cultural framing. The aim is the study of the cultural framing of Russians and Belarusians.

Исследований культурного фрейминга в отечественной социальной психологии еще не проводилось. В мировой психологии данные исследования еще только начинаются и имеют в основном постановочный характер. Проведенные исследования позволили заключить, что исследования культурного фрейминга могут быть успешно соотнесены с теми исследованиями, которые традиционно проводятся в отечественной социальной психологии (Мазилев, Янчук, 2012). Проведен теоретический анализ культурных оснований российского культурного фрейминга. В проведенном анализе представляется проблемное поле кросс-культурных сравнений в аспекте определения нерешенных вопросов в области методологии, теории и метода исследования современной психологии. Предлагается социокультурно-интердетерминистский диалогический

подход к анализу кросс-культурной психологической феноменологии в ракурсе предоставления ресурсов углубления ее понимания (Янчук, 2010). Обозначается проблема культурного фрейминга в межкультурных различиях и определяются перспективы и направления его изучения. Определяются перспективы исследования возможностей и направлений углубления взаимопонимания в условиях культурного многообразия. Обозначенное проблемное обусловило основную цель данного исследования – разработать концептуальные теоретико-методологические основания исследования проблематики культурного фрейминга.

Фрейм – понятие, использованное социологом Ирвингом Гоффманом для обозначения способа, используемого людьми в повседневной жизни для упорядочивания или структурирования мира посредством

утверждений, позволяющих распознавать и сортировать социальные феномены. Поскольку концепция И.Гоффмана еще не получила в отечественной психологии (в отличие от социологии) необходимого отражения, остановимся на этом вопросе более подробно. На наш взгляд, идеи И.Гоффмана имеют существенное значение для развития социальной психологии. «Предметом исследований Гоффмана является способность практического сознания «собирать» мир в организованное целое без участия дискурсивного контроля. Он доказал, что надиндивидуальное происхождение имеют не только «большие» социальные структуры. Жизненный опыт, восприятие реальности, индивидуальные действия, в том числе речевые, социально структурированы – в самом действии воспроизводятся «порядки интеракции», образующие своеобразный континуум, или лестницу «фреймов», которая соединяет индивидуальное действие с социальной структурой и институтами «большого» общества» (Батыгин, 2004, с. 18).

Ирвинг Гоффман (1922-1982) - известный канадский и американский социолог с украинскими корнями. И.Гоффман родился в городе Мэнвилль (Канада). В университете изучал химию, после недолгой работы в Национальном кинокомитете в Оттаве поступил на факультет социологии и антропологии в Торонто, затем окончил факультет социологии Чикагского университета. Гоффман работает в Национальном центре психиатрии, с 1961 года в Калифорнийском университете. С 1968 года до конца жизни работал в университете штата Пенсильвания. В 1981 году И.Гоффман был избран президентом Американской социологической ассоциации. Своему главному труду

«Анализ фреймов» (1974) Гоффман посвятил более десяти лет. Г.С.Батыгин отмечает, характеризуя вклад Ирвинга Гоффмана в социологию: «Его имя и труды получили всемирную известность в последние десятилетия XX века. Книга «Представление себя другим другим в повседневной жизни» постоянно переиздается (ее суммарный тираж превышает полмиллиона экземпляров), входит в университетские программы, переведена на десятки языков, включена в первую десятку «Книг двадцатого века» наряду с книгами М.Вебера, Ч. Райта Миллса, Р.Мертона, Т.Парсонса, Б.Бурдье, Н.Элиаса, Ю.Хабермаса и др.» (Батыгин, 2004, с. 18-19).

Понятие фрейма является одним из концептов, разработанных для схватывания интерпретативной и конструктивной природы того, что происходит в социальной жизни. Другими сопряженными понятием являются схемы, идеология и нарратив, однако утверждается, что фреймы концептуально и функционально отличны от них. Например, схемы (структуры знаний, состоящие из наученных ожиданий в отношении объекта) и фреймы влияют друг на друга в процессе взаимодействия между двумя или более индивидами, в котором фрейм представляет своего рода интерпретативную «опору» для совмещения дивергентных схем, носителями которых могут быть взаимодействующие. Идеология может рассматриваться как широкий, часто тесно связанный ряд установок, ценностей и представлений, функционирующих как культурный ресурс для конструирования фреймов, и который, в свою очередь, может изменяться успешно реализующимися фреймами. Таким образом, фреймы и такие связанные

с ними понятия как схемы и идеология могут рассматриваться как сосуществующие в интерактивном, диалогическом взаимоотношении.

Анализ фреймов и ассоциируемых процессов был применен к различным активностям и социальным категориям (например, реклама, межличностное взаимодействие, гендер, разговор) по отношению к различным областям социальной жизни (например, культура, организация, политика, публичная политика). Сегодня, тем не менее, большинство попыток использования анализа фреймов в социологии большей частью реализуются по отношению к коллективным действиям и социальным движениям.

Последующие исследования культурного фрейминга, осуществленные под нашим научным руководством, выявили наличие не только культурного, но и субкультурного фрейминга. В исследованиях феноменов социальных предубеждений и национальной идентичности были выявлены гуманитарный, естественнонаучный и технический культурные фреймы, выражающиеся в наличии значимых различий в отношении и интерпретации их содержательных особенностей. Применительно к диалогической самости, в дополнение к таким ее установленным характеристикам, как пространственная структурированность и олицетворенность, населенность голосами других, децентрализованность с широко открытыми границами, историческая и культурная контекстуализированность, множественность позиций, были обоснованы такие ее характеристики как интердетерминированность, экзистенциальность и диалогическая интегрированность. Наконец, была показана представленность различ-

ных форм эпистем (задающего знания по Фуко), которые, в свою очередь, действуют как субстрат самости с различными содержательными компонентами.

Проведенный теоретический анализ проблемной области позволил определить следующие перспективы исследования возможностей и направлений углубления взаимопонимания в условиях культурного многообразия:

- углубление знаний о закономерностях, механизмах внутренней и внешней активности человека, взаимодействии разнокачественных природ в социокультурном и физическом окружении;
- выявление механизмов согласования взаимодействия разнокачественных природ (биологическая, символическая, рефлексивная) и измерений (осознаваемое, неосознаваемое, экзистенциальное), направленное на достижение минимально достаточного для выживания состояния сбалансированности;
- нахождение оптимальных сочетаний идиографо-номотетического и итикоимического аспектов, количественных и качественных методов исследований, позволяющих обеспечить углубление понимания сути и особенностей изучаемой феноменологии;
- выявления процессуальных особенностей и закономерностей созидания разделяемых полей культурных значений и переживаний;
- выявление межкультурных различий в культурных фреймах и культурном фреймировании, позволяющее находить оптимальные ресурсы и возможности взаимопонимания и выстраивания взаимодействия с их учетом, достигая итикоимического баланса.

Процесс культурного фрейминга по

определению и даже этимологически предполагает конструирование рамок посредством обозначения границ, позволяющих постоянную реконструкцию относительно упорядоченной и устойчивой картины мира. В этом процессе необходимо дифференцировать три вида границ.

1. Макрограницы культурного фрейма реализуют возможность первоначального конструирования относительно автономных и относительно постоянных предметов из исходного материала непрерывно поступающих и разрозненных впечатлений. Эти границы, как правило, не рефлексированы субъектом, который ими оперирует, и принимаются как закономерное и правильное отражение объективно существующих предметов. Соответственно, именно макрограницы традиционно находились в центре методологической рефлексии психологической науки. В ранних гештальтпсихологических интерпретациях объективность не отвергалась, но переносилась из сферы внешнего мира материальных объектов в область внутренней природы человеческого мировосприятия, предположительно содержащей трансцендентальные сверхабстрактные формы. Социально-конструктивистская критика когнитивизма постулирует не объективную и не субъективную, а интер- и транссубъективную природу фреймов, что в упрощенной трактовке приводит к объективизации социальной реальности, а в нередукционистской версии – к открытой методологической дискуссии, углубление в которую выходит за пределы обозначенной нами тематики. Одним из побочных эффектов этой дискуссии явилось относительное невнимание к двум другим видам границ.

2. Микрограницы культурного фрей-

минга позволяют сконструировать внутреннюю структуру феномена, обозначенного макрограницами, и означают переход от идентификации объекта к его познанию. Интересной особенностью этих границ является их относительно высокая рефлексивность для самого субъекта: как правило, внутренние границы, определяющие устройство предмета, являются значительно более доступными уточнению и изменению, чем внешние границы, определяющие само существование предмета дискуссии. Тем не менее, задачей исследователя применительно к изучению микрограниц является не только первоначальное воссоздание их рефлексивного осмысления субъектом, но и анализ процесса этого осмысления и его социокультурных коррелятов и детерминант (Янчук, 2010).

3. Мегаграницы культурного фрейминга определяют допустимую область применения тех или иных культурных фреймов. В отличие от макрограниц, мегаграницы очерчивают не отдельные предметы, а некие пространства и являются не необходимыми, а эмерджентными: определенный участок мегаграницы конструируется тогда, когда возникает нерелевантное представление о выходе за пределы релевантности, если репертуар макроуровневых культурных фреймов оказывается одновременно недостаточным и невозможным. Изучение мегаграниц позволяет выявить не только существующие культурные фреймы, но и то, в каких условиях они активизируются. Для решения этой задачи недостаточно простой констатации и обоснования ее значимости: необходима идентификация и, при необходимости, разработка адекватных методов исследования. Для того,

чтобы найти это методологическое решение, необходимо определить ту реальность, в которой возникают мегаграницы (Янчук, 2010).

Интегративная эклектика, согласно В.А.Янчуку, предлагает механизмы развития психологического знания, в качестве которых выдвигаются: парадигмальное позиционирование; интегративно-эклектический диалог альтернативных традиций и критическое рефлексивное позиционирование (альтернативный круг).

Качественная гетерогенность природы психологической феноменологии и ее проявлений, ее представленность в мультипарадигмальной системе координат была положена нами в авторское определение предмета психологического знания как «бытия-в-мире самости как био-психо-социальной социокультурно-интердетерминированной диалогической сущности во взаимодействии с социальным и природным окружением в осознаваемо-неосознаваемо-экзистенциальном измерении» (Янчук, 2010) Обозначенный трехмерный континуум является задающим рамки психологического объяснения и понимания, предполагающего нахождение согласований, предоставляющих относительную определенность (упорядоченность) в само- и мироотношении. Такого рода качественная разноприродность требует и особого типа объяснения психологической феноменологии, предполагающего, во-первых, исходную толерантность, плюралистичность и рефлексивность сознания исследователя; во-вторых, процессуальность; в-третьих, социокультурную интердетерминированность и конструируемость; в-четвертых, сосуществова-

ние качественно разнородных природ; в-пятых, экзистенциальную бытийность; наконец, в-шестых, механизмов особого типа интеграции как разнокачественных природ, так и знаний, накопленных в альтернативных традициях и подходах. В соответствии с подходом такого рода углубление понимания психологической феноменологии кросс-культурных сравнений становится оптимальным при соблюдении следующих условий:

- плюралистичности и толерантности по своей сути, реализующейся в исходном осознанном принятии факта возможности и полезности существования альтернативных объяснений природы анализируемых феноменов;

- согласованности исходных онтолого-эпистемологических оснований, определяющих отношение к наиболее фундаментальным вопросам, связанным с познаваемостью изучаемой и объясняемой реальности, сопровождаемой констатацией совпадения и рассогласования позиций;

- социокультурной-интердетерминированности, выражающейся в признании взаимовлияния и взаимообусловленности всех факторов, присутствующих в процессе функционирования изучаемого феномена;

- диалогичности, проявляющейся в способности созидания совместного знания с учетом индивидуальных и культуральных различий, основанной на логике взаимообогащения и взаиморазвития;

Внедрение подхода в методологическом аспекте позволило показать необходимость сочетания возможностей эксплицитно-имплицитно-структурированного теоретического доказательства. В области метода исследования обоснована

необходимость оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов. Примером чего является методологическая триангуляция и ее авторская модификация интегративной эклектики путем триангуляции, позволяющая дополнить традиционные методы психологического исследования, ориентированные на сферу осознаваемого, ресурсами психоаналитического и экзистенциально-феноменологического инструментария, а также методология диалогического анализа процесса взаимопонимания в глубинных интервью.

Социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива углубления понимания психологической феноменологии акцентирует внимание на текстовой опосредованности ее изучения, требующей скрупулезной работы по реконструкции многочисленных контекстов, определяющих аутентичность описания, объяснения и интерпретации. Это обуславливает продуктивность использования возможностей дискурсного, нарративного, конверсационного и герменевтического анализа, а также диалогических методологий, позволяющих реконструировать контексты, определяющие глубинные значения и смыслы, экзистенциальные переживания, выявлять процессуальные и динамические особенности диалогического формирования разделяемых полей значений и переживаний в межличностном взаимодействии с учетом их интересубъективного и интертекстуального характера (Янчук, 2010).

В целом, показано, что исследование близкородственных этнических групп создает ряд сложностей методологического свойства, связанных, прежде всего с тем, что выявляемые различия могут

быть неявными и трудноопределимыми. Тем не менее, предлагаемые решения позволяют приблизиться к трудноэксплицируемой феноменологии той или иной культуры. Тщательный поиск различий между культурами, имеющими много общего (в языковом, этническом, историческом и социальном плане) позволяет выявлять те практики, которые носят сущностный характер для самоопределения данных сообществ. При этом методологии, опирающиеся на разные формы нарративного и дискурсного анализа (конверсационный анализ, интеракционная социолингвистика, дискурсный анализ), позволяют осуществить качественно-количественное исследование, минимизируя вклад определенных социальных, культурных предубеждений. Проведенный анализ позволил прийти к пониманию культурного фрейма как набора интерпретативных практик, используемых определенным сообществом для организации взаимодействия между его членами, позволяющего членам сообщества определять себя в терминах национальной/культурной идентичности, принадлежности к определенной культурной группе, а также организовывать взаимодействие с членами ин- и аут-группы. Содержание культурного фрейма актуализируется через набор ключевых высказываний, слов и формулировок, отражающих особенности использования языка для категоризации социальных объектов, для самокатегоризации и интерпретации (Янчук и др, 2011).

Общеметодологическими основой при разработке данного подхода выступают положения коммуникативной методологии и интегративной когнитивной методологии.

Методология психологической науки

должна выполнять и коммуникативную функцию, т.е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотношение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания. (Мазилов, 2007).

Общая методология психологии – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории и т.д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи, на наш взгляд, не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Такую методологию можно назвать интегративной когнитивной методологией психологической науки. (Мазилов, 2007).

В качестве общеметодологического и концептуального основания разработки методики проведения эмпирического кросс-культурного исследования культурного фрейминга были положены общеметодологические принципы авторского социокультурно-интердетерминистского диалогического подхода, определяющие соотношение плоскости использования количественно-качественных методологий. Предлагается параллельное проведение эмпирического кросс-культурного исследования культурного фрейминга посредством сочетания продуктивных возможностей количественных и качественных методов исследования, представляющих альтернативные парадигмальные координаты, что позволяет

найти необходимый баланс идиографо-номотетического и итико-имического описания специфики культурного фреймирования. Оно достигается посредством авторской модификации подхода методологической триангуляции – интегративной эклектики путем триангуляции, предполагающей использование альтернативных систем парадигмальных координат, процедур и соответствующих им методологий, направленных на выявление динамического, экзистенциально-феноменального и неосознаваемого аспектов исследуемого феномена, за счет схватывания и уточнения тождественности значений и смыслов и экзистенциальных переживаний в системе исследователь – исследуемый.

Привлечение процедур культурно-конструктивистского, психодинамического и интеракционистского подходов в виде феноменологического интервью, свободного ассоциирования, дискурсного и нарративного анализа, картографии культурных концептов, предоставляющих развернутые качественные эмпирические данные имического свойства, наряду с их соотношением с эмпирическими данными итического свойства, получаемых посредством стандартизированных опросников, позволяет достичь необходимого уровня понимания исследуемой феноменологии культурного фрейминга и получения объективных данных. В частности, именно данный подход показал свою продуктивность в кросс-культурных исследованиях эффективности управленческой коммуникации в совместных предприятиях, показавших рассогласование как поля значений, которыми оперируют представители различных культур, так и индивидуальных моделей эффективной

организации управления, регулирующих характер взаимоотношений между членами коллектива.

Общим организационным принципом создания системы методов изучения культурного фрейминга является их соответствие уровням измерения и оценки сравниваемых культур:

- индивидуальной культуры;
- субкультуры;
- национальной культуры;
- межнациональных сообществ;
- общечеловеческий.

Продвижение от уровня индивидуальной культуры, характеризующейся доминированием идиографии и имики, к уровням более высокого обобщения, сопровождается снижением веса идиографии и итики и повышением веса нометики и имики. Уровень индивидуальной культуры предполагает доминирование качественных методов исследования, сопровождаемое ростом веса количественных исследований при переходе на более обобщенные уровни.

В качестве частного организационного принципа определен принцип итико-имического и имико-номотетического баланса. Данный принцип определяет приоритетность итико-имического аспекта, выявляемого посредством качественных методов, на этапах определения своеобразия феномена во всей полноте его проявлений и углубления и уточнения выявленных общих особенностей. Приоритет имико-номотетического аспекта, выявляемого посредством количественных методов, имеет место на этапе выявления общих закономерностей и особенностей на уровне больших массивов информантов.

Основной единицей анализа на уровне

идиографо-имического описания является интервью (в форме транскрипта аудиозаписи) как разговор, форма взаимодействия, между двумя людьми, один из которых выступает в роли интервьюера, другой – в роли информанта (один из них задает вопросы, второй старается на них ответить). Основной единицей анализа на уровне имико-номотетического описания является стандартизированный опрос.

На первом этапе эмпирического исследования культурного фрейминга россиян и белорусов предлагается использование культурных ситуаций по аналогии с ситуациями принятия управленческих решений, использовавшимися при нашем участии в многонациональных исследованиях (60 культур) и показавших свою эффективность (Smith et al., 2011).

На втором этапе осуществляется прояснение, упорядочивание и углубление информации, полученной посредством опросника культурных ситуаций, которое достигается посредством использования свободного ассоциирования, позволяющего выявить ключевые темы и слова, выступающие в качестве основного оценочного материала культурного фрейминга и создания сравнительных шкал, для последующих общенациональных эмпирических исследований.

Для выявления сигналов (причем, легко доступных для наблюдения и последующего анализа) дифференциации интерпретаций в сознании представителей сравниваемых культур предлагается использование различных ситуативных контекстов, реконструируемых в исследовании. Эти «иконические символы», культурные примеры, используемые при организации исследования, будут демонстрировать фреймы мышления, предо-

ставляя возможность последующей реконструкции культурного фрейминга как такового. В качестве наиболее индикативных культурных сигналов предлагается использование драматических нарративов. Драматические нарративы, используемые людьми в повседневной жизни, в наибольшей степени сопричастны к динамике фреймирования и рефреймирования социальных ситуаций. Такие нарративы конституируют важный класс культурных сигналов/примеров, формирующих ситуативный доступ к различным структурам социальных ценностей. Они могут проявляться не только в повседневной речи, но и форме кратких письменных нарративов в отношении значимых событий, происходящих вокруг, а так же могут быть использованы и для реконструкции культурного фрейминга на субкультуральном и индивидуальном уровнях.

Получение дополнительной информации о своеобразии фреймирования достигается посредством «Тематического нарративного анализа», позволяющего выявить основные объясняемые темы, их субъективно-психологическую значимость и вид общения при их передаче, и методики «Типологический нарративный анализ», позволяющая определить преобладающий тип объяснения в анализируемых нарративах (Фабрикант М.С., 2012). Применение этих методик создает целостную интерпретацию результатов количественно-качественных исследований и адаптирует метод нарративного анализа к специфике социальной психологии. Их использование обеспечивает углубление понимания психологических аспектов социально значимых феноменов, позволяя получить знание, которое

не может быть получено иным способом, а также предложить системное объяснение количественных данных, полученных при помощи иных методов. Визуализация отношения представителей различных культур достигается посредством использования техники картографии концептов, позволяющей реконструировать их соотношение друг с другом и тем самым реконструировать своеобразие культурного фрейминга в сознании. Карты концептов представляют визуальную репрезентацию динамики схем понимания в мышлении. Они будут включать обозначенные концепты, связи между словами и их четкие иерархии, а также включать другие типы визуальной или графической репрезентации концептов или предположений в отношении понимания соотношения между ними. Кроме представления как такового карты концептов позволяют прийти к пониманию того, как индивид рассматривает окружающую реальность.

Использование культурных концептов, ассоциаций, тем, метафор, ситуаций, драматических нарративов в итимицическом измерении соотносится со структурой ценностей. В качестве инструментария для выявления фрейминга в ценностной сфере предлагается Опросник ценностей Schwartz (SVS), позволяющий, во-первых, оценить культурные ценности, во-вторых, провести кросс-культурное исследование в сравнении более чем 60 культурами. Данный опросник, прошедший культурную адаптацию на российской и белорусской культурах, является наиболее валидным, в том числе и по экологической валидности. Он позволяет оценивать структуру ценностей именно на уровне культурных различий. На использование опросника получено

разрешение автора. Процедура интерпретации данных соответствует согласованным требованиям.

Таким образом, становится возможным конструирование методик, позволяющих осуществлять конкретные исследования культурного фрейминга у россиян и белорусов.

Библиографический список

Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана (вступительная статья) [Текст]. / И.Гофман Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, Институт фонда «Общественное мнение», 2004, с. 7-56

Мазилев В.А. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007

Мазилев В.А., Янчук В.А. Методологические проблемы исследования культурного фрейминга [Текст]/В.А.Мазилев, В.А.Янчук // Парадигмальные основания психологии компетентности: Сб. материалов 1-го Всероссийского симпозиума, Кострома, 3 февраля 2012 года. Том 2./ Под ред. Н.П.Фетискина, А.Л.Журавлева. Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2012, с. 18-32

Фабрикант М.С. Нарративный анализ как метод социально-психологического исследования [Текст] / Дис. на соискание ученой степени кандидата психол. н. – Минск: БГУ, 2012.

Янчук В.А. Культурный фрейминг как детерминанта взаимопонимания в условиях культурного многообразия [Текст] / В.А.Янчук // Психологический журнал. 2010. № 2, с. 41-48

Янчук В.А. Мазилев В.А., Фабрикант М.С. Культурный фрейминг близко-

родственных культур в межкультурном взаимопонимании / Материалы III Международной научно-практической конференции «перспективы и возможности психологии, бизнеса и социальной работы в современной Европе, 24-25 мая 2012 г., Рига, Латвия. – Балтийская международная академия, 2012, с. 27-28.

Янчук В.А. Взаимопонимание в условиях культурного многообразия: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива [Текст] / В.А.Янчук // Актуальные проблемы психологии, бизнеса и социальной сферы общества: теория и практика. Международный сборник научных трудов. Т. 6. Рига: Балтийский институт психологии и менеджмента, 2010, с. 44-51.

Peter B. Smith, Mark F. Peterson, Stephanie Thomason, Vladimir Yanchuk, etc. National Culture as a Moderator of the Relationship Between Managers' Use of Guidance Sources and How Well Work Events Are Handled [Текст] / Peter B. Smith, Mark F. Peterson, Stephanie Thomason, Vladimir Yanchuk // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. Vol. 42. Issue 6, pp. 1101-1121

Peter B. Smith, Cláudio V. Torres, Julia Hecker, Vladimir Yanchuk, etc. Individualism–collectivism and business context as predictors of behaviors in cross-national work settings: Incidence and outcomes [Текст] / Peter B. Smith, Cláudio V. Torres, Julia Hecker, Vladimir Yanchuk // International Journal of Intercultural Relations. 2011, Vol. 35, Issue 4, pp. 440-451.

Шемет И.С. (г. Москва)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена информационной парадигме психологии – нарождающийся подход к пониманию и объяснению психики человека. Информационная парадигма приходит на смену естественнонаучной и гуманитарной парадигмам.

Ключевые слова: парадигма, информация, система, процесс, компьютерная метафора.

*Information paradigm PSYCHOLOGY
Shemet I.S. (Moscow)*

Abstract. The article is devoted to the information paradigm of psychology - an emerging approach to the understanding and explanation of the human psyche. Information paradigm replaces sciences and the humanities paradigms.

Key words: paradigm, information, system, process, computer metaphor

Информационная парадигма рассматривает психику как информационную систему, являющуюся частью мирового информационного пространства. Принципиальным является то, что психика человека при этом рядоположена не только биологическим, но и техническим системам.

Главное в информационной парадигме психологии – рассмотрение информационных процессов вне зависимости от их носителей, в данном случае, от биологического субстрата психики. Информационная парадигма предполагает, что психика может существовать отдельно от материи, то есть быть вне тела.

Анализ психики с точки зрения информационной парадигмы психологии аналогичен диагностике современных технических устройств, когда свойства, определяемые материальным носителем, и свойства, определяемые программным обеспечением, являются в значительной степени независимыми друг от друга.

Смена научной парадигмы всегда сопровождается сменой ключевой мета-

форы, вводящей новую область уподоблений, новую аналогию. Центральный тезис данной статьи заключается в том, что компьютерная метафора психики является ключевой для будущих психологических исследований. В данной статье автором предпринята попытка представить современные информационные коммуникационные системы в качестве моделей для познания закономерностей функционирования психики человека.

Для дальнейшего развития информационных и коммуникационных систем необходимы принципиально новые исследования в психологии, так как в настоящее время исчерпаны имеющиеся психологические подходы. Однако современная психологическая наука находится в глубоком кризисе, и на существующей парадигмальной основе не может породить новые концепции и теории. В настоящий момент интересы психологов и специалистов по информационным технологиям совпадают. Технические и технологические достижения в области средств информации и коммуникации

могут дать новую парадигмальную основу для психологии, а психология, в свою очередь, дать толчок новым техническим разработкам.

До настоящего времени психология развивалась параллельно на двух парадигмальных основах: как естественнонаучное знание и как гуманитарное знание. Эти две парадигмы имеют совершенно разные модели познания, способы получения и объяснения фактов, критерии научности. Психология, как наука, не имеет ни единой теории, ни методологии, ни понятийного аппарата, а представляет собой мозаику малосовместимых эмпирических и теоретических концептов, с низким объяснительным и прогностическим потенциалом. Это ограничивает возможности проектирования и конструирования новообразований в психике человека (такую инженерную задачу современная психология даже не ставит). Однако есть парадигмальная основа, которая может существенно продвинуть психологию – это информационная парадигма, которая всё больше завоёвывает гуманитарные науки.

Компьютерная метафора «мозг – это компьютер» возникла в середине 20 века вслед за кибернетической метафорой «человек – это машина». В соответствии с ней мозг рассматривается как вычислительный механизм, а разум представляет собой ряд программ, обеспечивающих функционирование мозга. Компьютерная метафора широко распространилась в когнитивных теориях, а также дала название целым направлениям исследований, например «искусственный интеллект». Компьютерная метафора является интеракционной: с одной стороны, мы имеем дело с «думающими машина-

ми», имеющими свойства человеческой психики, с другой стороны, психика человека описывается в терминах компьютерных свойств: в нём есть «алгоритмы действий» и «нейролингвистическое программирование».

В 21 веке компьютерная метафора распространилась от познания на психическую деятельность в целом и перешла в бытовой язык. Технические термины и сленг современная молодёжь широко применяет для обозначения некоторых психических процессов и состояний: «глючит», «зависает», «выпадает», «грузит», «перезагрузка». Компьютерная метафора наводит на мысль, что совпадение операциональных категорий в двух науках, принципиально различных и по предмету, и по методологии, не случайно – в нём отражена глубинная общность законов функционирования разных по природе объектов: психики и информационной техники.

В отличие от психики, внутрь которой заглянуть невозможно, в компьютер легко можно заглянуть, им можно управлять. Это делает компьютер весьма эвристичной моделью, при помощи которой можно понимать и объяснять психические явления, используя не психологические, а технические термины. Применяя к психике человека информационно-технические термины и аналогии, мы можем значительно продвинуться в практическом понимании того, как функционирует психика, а также расширить предметную область психологических исследований. Для этого надо в своих рассуждениях предположить, что психика – это некоторая разновидность информационно-коммуникационной системы и объяснять психические явления исходя из этого.

Современные информационные и коммуникационные системы стали неотъемлемой частью всех других систем: промышленности, транспорта, управления, массовых коммуникаций, образования. Это говорит о том, что все они реализуют общую функцию, а именно, информационное обеспечение процессов. Это позволяет нам методологически объективировать информационные процессы, отделить их от тех процессов, которые они обеспечивают: управления, слежения, контроля, познания и др.

Информационным обеспечением процессов жизнедеятельности занимается психика человека, что дает основания рассматривать психику как информационную систему. Это позволяет нам уйти от вечных дилемм философии и психологии: биологического и социального, отношения сознания к бытию, соотношения врождённого и приобретённого, а также вне поля рассмотрения оставить всю психофизиологию, психогенетику и вообще, всё, что связано с преобразованием информации в действие, то есть, обусловлено биологическим субстратом психики.

Рассматривая психику человека как информационно-коммуникационную систему, мы в первую очередь должны определить её функцию. Очевидно, что функция психики – управление жизнью и поведением, деятельностью и коммуникацией человека. Под жизнью мы понимаем функционирование тела, под поведением – перемещение тела, под деятельностью – целенаправленную активность, под коммуникацией – обмен информацией с другими её носителями.

Рассмотрим по аналогии с компьютером некоторые психические процессы, свойства и состояния.

Сознание. С наличием сознания связывается видоспецифическая особенность психики человека. Важнейшими инструментами сознания как высшей иерархической ступени психики является мощная система обработки информации (аналитико-синтетическое мышление) и мощная система избирательной направленности поведения (волевая регуляция), в результате чего человек выступает как сознающий, разумный деятель.

В иерархии психики, как и при иерархизации любых систем, деятельность вышележащих уровней не отменяет деятельности нижележащих с присущими им механизмами и инструментами. Сознание вместе с мышлением и волей не заменяет бурной деятельности бессознательной сферы, а дополняет ее, осуществляя практику координации, контроля и подавления нежелательных тенденций.

Сознание по своей функции аналогично монитору в информационных системах. Это область четкого, ясного, внешнего представления внутренних процессов. Сознание – канал связи между людьми. Сознание конвенционально, оно имеет свой язык, то есть способ представления данных. Сознание принципиально ограничено как во времени, так и в пространстве – оно локально, функционирует «здесь и сейчас». Сознание делает содержание психики доступным для вмешательства: изменения, коррекции, обучения на языке сознания.

Самосознание (рефлексия). Самосознание – психические процессы, доступные контролю и сознательному регулированию.

Самосознание в информационной парадигме представляет собой лог, то есть записи состояний и операций, произо-

шедших с системой. Если человек осознаёт причины и источники своих мыслей, чувств и поступков, значит, у него работает эта функция, стало быть, он имеет информационную основу управления собственной психикой, исправления неверных действий, а также способен фиксировать и упреждать внешние влияния на собственную психику. С развитием самосознания интегративные концепции связывают дальнейшую эволюцию психики, здесь же с нашей точки зрения, ключ к собственной информационной безопасности человека.

Эмоциональные состояния. Эмоциональное состояние – это режим функционирования организма. Компьютер также имеет несколько режимов: сон, перезагрузка, завершение сеанса и т. д. Эмоциональных состояний человека намного больше. Режим, то есть включённая эмоция, задаёт другие параметры работы: состояние тела, скорость и типы действий, уровень активности и, главное, – те области информации, опыта и способы мышления, которые актуализируются при данной эмоции. Каждая эмоция «открывает» свои файлы, ей доступное информационное содержание. Такая интерпретация эмоций позволяет вывести на первый план проблему преобладающего настроения человека. Из всех возможных эмоций каждый человек имеет два-три привычных режима, и это ограничивает его мировоззрение и жизненную продуктивность. Наиболее успешные люди – те, кто на протяжении длительного времени поддерживает себя в высоком эмоциональном состоянии, то есть в наиболее открытом режиме. Необходимо изучить не только пусковые механизмы эмоций, но и те паттерны поведения и мышления,

которые они реализуют, тогда у нас в руках будут не только ситуативные, но и системные способы саморегуляции.

Информационная перегрузка. В психике хорошо развиты механизмы запоминания, хранения и переработки информации, но плохо представлены способы её забывания, то есть стирания и удаления. Технические системы созданы так же. Сохраняется файл одной операцией, а чтобы удалить – надо сделать несколько действий. Целый ряд возрастных проблем вызван банальной заполненностью жёстких дисков психики, например: снижение способности к обучению, к восприятию нового. В результате неумения психики «вычищать» ненужную информацию, мы имеем трудности переделки навыка, переобучения, адаптации к меняющимся условиям. Вместо ориентировки в настоящем, психика «грузится» прежним опытом, пытаюсь в нём найти ответы. Указанная задача первоочередная для психологов и психотехнологов – научиться аннулировать прошлые неэффективные решения, которые, как хорошо знают психотерапевты, чаще всего являются причиной деструктивного поведения.

Способ хранения информации. Способ хранения информации также имеет большое значение. Больше всего места в компьютере занимают изображения, фильмы, и именно они перегружают жёсткий диск. Способ хранения жизненного опыта в психике – именно фильм, при этом он трёхмерный, с запахами, вкусом, содержащий информацию о состояниях тела в тот момент. Оперативно работать с данной информацией практически невозможно, она очень редко используется. Можно провести аналогию с полной записью камер слежения в офисах. Эта

информация нужна лишь в исключительных случаях, но для ее хранения требуется огромное количество памяти. А теперь представим, что весь этот объем хранится всю жизнь. Эта информация быстро заполняет объем памяти человека, препятствует дальнейшему развитию, приводит к психологическому старению. Массовое увлечение любым видео: кино, телевидение, игры, – также перегружает психику, делает мышление ригидным и замедленным. Это приводит к накоплению ненужных файлов, которые не так-то легко удалить. Человечество должно научиться избавляться от устаревшей информации, возможно, это ключ к омоложению.

Вирусы. В тот момент, когда пользователи персональных компьютеров привыкли ежедневно обновлять антивирусную защиту, нужно подумать, а что в психике является вирусами, то есть вредоносными информационными программами, занесёнными извне. Современные психологи не признают чуждого информационного влияния, мыслят ещё «докасперскими» представлениями. А вот бабки-гадалки, колдуны-ведуны были гораздо продвинутое в смысле понимания психики как информационной системы. Они распознавали «порчу», то есть чуждое информационное загрязнение, умели устранять эти вредоносные программы и устанавливать защиту от них. Не знаю, отважатся ли учёные-психологи раскрыть и научно описать механизмы деструктивного информационного влияния, но может, инженеры-информационщики будут смелее, и раскроют способы кодирования на хлебе, воде, вине и других издревле применяемых носителях.

«Зависание». Если компьютер не может выполнить функцию из-за слишком

большого буфера обмена, или противоречивой задачи, он зависает, то есть бесконечно пребывает в незавершённом состоянии, из которого его может вывести только перезагрузка. Замечают психологи или нет, но многие люди надолго, иногда на месяцы и годы, «зависают» в нерешённой проблеме, и неспособны ни её решить, ни отменить её постановку. Это не трансное состояние, а именно зависание, когда человек неспособен к постановке новых жизненных задач, активной деятельности. Скорее всего, функция перезагрузки в психике отсутствует. Как же люди пытаются перезагрузиться? Для этого есть древнейшее средство – алкоголь, который при употреблении в больших дозах просто «выключает» все заданные программы, позволяя психике отдохнуть. Возможно, такой подход позволит найти психологические пути решения проблемы алкоголизма: ведь если дело в перезагрузке психики, то для неё можно изобрести другие, информационные, а не фармакологические, технологии.

Интернет. Интернет представляет собой реальную модель того, что философы, мистики и эзотерики называют «мировым разумом», «универсумом», «Богом», ноосферой. Каждый отдельный человек имеет свою информационную базу (индивидуальную психику), но, кроме неё, есть и мировое информационное пространство, не имеющее конкретной локализации. Компьютер, имеющий доступ в интернет обладает практически неограниченным информационным ресурсом. Точно также люди, имеющие доступ к мировому информационному пространству, легко могут «скачать» из этого пространства любую информацию, получить

ответ на любой запрос. Эта модель позволяет шире взглянуть на вопрос, откуда у людей берутся идеи, инсайты, предвидения, пророчества. Скорее всего, дело не в особенностях индивидуальной психики, а в наличии у неё доступа к всеобщему информационному пространству и умению им управлять. Какие психологические механизмы этот доступ обеспечивают, почему он для большинства людей закрыт – вопрос для психологов-теоретиков.

Компьютерные системы. Компьютеры, объединенные в систему, обмениваются информацией не через системы ввода, а путём непосредственного доступа к базам данных. Проецируя это на социально-психологические закономерности, приходится признать, что научные представления об общении людей слишком поверхностны. В эти ограниченные представления не входят феномены интуиции, близкого общения, когда люди буквально чувствуют друг друга, знают и предвидят поступки, мысли, чувства и желания, более того, могут непосредственно своей волей влиять друг на друга, вообще не прибегая к знаковой коммуникации.

Мобильная связь даёт нам модель непосредственного общения независимо от расстояния. Эти психические феномены известны людям, многие пользуются таким «ясновидением», и в век, когда массовые технические устройства обладают такой функцией, было бы нелепо со стороны психологов продолжать отрицать такую способность у людей. Необходимо ввести эти психические феномены в круг научного рассмотрения и выявить механизмы, лежащие в их основе.

Информационная парадигма позволяет рассмотреть аспекты психической эволюции человека, ответить на вопрос во-

просов: почему человеческий интеллект создал сложнейшую информационно-техническую цивилизацию, которой весьма эффективно управляет, и при этом не способен управлять собственным телом, поведением, чувствами, мыслями, идеями? Почему современный человек, имея такой мощный интеллект, не может применить его к себе и по-прежнему болеет, страдает, боится, воюет?

Эволюционно нервная система развивалась путём надстройки более высоких уровней на основу имеющихся: спинной мозг для управления телом, затем продолговатый мозг, мозжечок, средний, промежуточный мозг, подкорка и наконец, кора головного мозга, породившая языки и всю нашу цивилизацию. Каждый из отделов имеет собственные способы хранения и переработки информации, общие с животными в соответствии с эволюционным развитием. Кора головного мозга непосредственно не управляет телом, а опосредует свое влияние нижележащими уровнями. Получается, что управление телом у человека осталось на уровне рыб и земноводных, управление эмоциями – на уровне зверей, и наш мощный интеллект с этим ничего не может поделать. Если провести аналогию с информационной техникой, то мы имеем ситуацию, как если бы каждое новое поколение информационных технологий монтировалось на старое железо, и к тому же не отменяло прежних устаревших операционных систем и программного обеспечения. С точки зрения техники – это абсурд, но в биологической эволюции, по-видимому, сложилась именно такая ситуация. А что если поставить смелую задачу – и отформатировать всю устаревшую информацию в древних отделах мозга человека,

снести ненужные информационные основы болезней, страха, зависти, вражды, ригидности поведения и мышления? Возможно, в результате помимо отмирания нынешней медицины мы получили бы и отмирание нынешнего образования, поскольку для загрузки совершенного мозга файлами не требуется годы учебы.

Информационная парадигма позволяет не только смоделировать существующие психические феномены, которым нет обоснования в рамках естественнонаучной или гуманитарной парадигмы, но и смоделировать те психические качества, которые возможны в будущем, то есть информационное развитие психики, направление психического прогресса по аналогии с тенденциями развития информационной техники. К чему стремится прогресс науки и техники? К всезнанию, всемогуществу, вездесущи и свободе человека, творчеству, управлению природой, проникновению во все миры. Это свойства Бога. Человечество стремится к богоподобию. Как информационная система, человек – это недоразвитый бог. Чтобы осознанно управлять антропологической эволюцией, нужно конструктивно представить человека в его полном потенциале, представить в виде модели его функции и способности: всевидение, всеслышание, всезнание, всемогущество и свободную волю. Все эти свойства в той или иной степени присутствуют у каждого одарённого и талантливого ребёнка и взрослого. Необходимо рассмотреть эту духовную или информационную составляющую как самостоятельный компонент в человеке, наряду с биологическим и социальным, при этом реальный мир будет условием, ограничителем для реализации человека. При таком подходе те или иные

культурно-исторические особенности психики будут являться приближениями на пути к идеалу.

Информационная парадигма объединяет небинарную логику, синергетику, теорию неравновесных систем, теорию хаоса, трансперсональную психологию, фрактальную математику. Фактически ученые вплотную подошли к описанию мира, как проявлению Всеобщего Сознания. Информационная парадигма дает основание утверждать, что информация – это и есть та духовная составляющая, которая позволяет вывести рассмотрение психики в широчайший контекст. Информационная парадигма позволяет определить категорию Бога как сложную информационную сущность, обладающую высокой степенью интеграции. Следовательно, чем более сложна и интегрирована психика человека, тем ближе она к Богу (подобней Богу).

Если простроить этот вектор развития, эту точку омега, к которой стремится человечество, то от неё будет ясно виден тот уровень, которого мы достигли сейчас. Пока «человек – это общественное животное», мы не сможем двинуться дальше генетических предпосылок и социальных факторов, которые уже достаточно изучены, но почему рождаются гении до сих пор не ясно. Пока мы из животного смотрим в человека, всё представляется очень сложным. Но если посмотреть из Бога, из будущего человека на настоящего, возможно картина будет гораздо более ясной, и мы увидим и направления развития, и методы психоэволюции. Станет возможным конструирование психики, создание психических функций с заданными параметрами, управление бытием при помощи психики.

Информационные системы используют знания, накопленные психологией – настало время информационным системам сыграть эвристичную роль для психологии. Назрела необходимость создания новой науки, объединяющей психологический, информационный, инженерно-технический и общекультурный подходы. Это может быть информационная психология или психоинформатика. Что существительное, что прилагательное – от этого зависит, какая из наук будет определяющей. Однако ни психология, ни информатика не имеет достаточной парадигмальной основы для этого. Такая наука не подойдет ни под одну из классификаций, но она может и должна ответить на вопрос, как возникают новые знания. Это более важно и более трудно,

чем закономерности получения, хранения и переработки знаний, – то чем интересуются современные ИТ и психологи. Это значит изучение универсальных законов существования знаний, вне их биологического или технического носительства и, скорее всего, именно тех знаний, которые «витают в воздухе», то есть имеют нематериальную природу. Объективация Бога. Наука об идеях. Идеология. К сожалению, этот хороший термин занят философами.

В заключение мы делаем вывод-предположение, что настоящий прогресс в информационных системах будет зависеть от новых открытий в психологии, а открытия в психологии, видимо, сделают не психологи, а математики и физики.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Кулжабаева Л.С. (Астана, Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ КАЗАХСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ВО ВЗГЛЯДАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В статье описываются взгляды отечественных и зарубежных мыслителей на особенности национального характера казахов, условий его формирования. Этнопсихологи отмечают как позитивные, так и негативные черты казахов. В целом, выделяются черты, характерные для всего этноса, для группового поведения и обыденно-житейские черты. Автор указывает на необходимость обращения к духовному опыту предков, его обычаям и традициям, необходимости воспитания глубоко нравственной личности молодого казахстанца в сложных, противоречивых условиях современного общества.

Ключевые слова: национальный характер, казахский национальный характер, культура, духовность.

Abstract This article describes the views of national and international thinkers on the specifics of the national character of the Kazakhs, the conditions of its formation. tropsihologi note the positive and negative features of the Kazakhs. Overall, the stand out features are specific to entire ethnic group, for group behavior and commonplace, everyday features. The author points out the need for recourse to the spiritual experience of ancestors, its customs and traditions, the need to care deeply moral person young Kazakhstani in complex, contradictory conditions of modern society.

Keywords: Kazakh national character, national character, culture and spirituality.

Национальный характер - это совокупность специфических психологических черт, свойственных определенному этносу в конкретных условиях жизнедеятельности – социальных, экономических, культурных, природных. Национальный характер устойчив. Его возникновение и формирование происходят на самых ранних этапах становления нации. В этом процессе решающая роль принадлежит, как мы уже отмечали, природным и общественным условиям.

На необходимость изучения казахского национального характера в свое время

обратил внимание первый ученый – психолог Казахстана Т.Т.Тажибаев.

Описание казахского национального характера мы встречаем в трудах Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, А. Кунанбаева и др. Так, например, по мнению Ч.Валиханова на формирование национального характера казахского народа большое влияние оказали сложные условия кочевой жизни и скотоводство. Психологическую характеристику своего народа исследователь давал на основе глубокого изучения специфики его быта, языка, культуры.

Ч.Валиханов отмечал, что родовые отношения, в которых почитался жизненный опыт, передающийся из поколения в поколение, во многом определили такие черты национального характера как почитание старших младшими, сострадание, гостеприимство. Эти качества проявлялись не только в межличностных отношениях, но и по отношению к целым группам. Казахи от природы наделены живым умом, они впечатлительны, чувствительны. Потерпевшие от баранты или падежа пользовались неотъемлемым правом идти к другим своим сородичам со смелым требованием помощи. Таким образом, казахи поддерживали друг друга в различных трудных ситуациях, оказывали посильную помощь, а нищий всегда находил у них приют. Поэтому среди казахов, никогда не было лиц, просящих милостыню.

В своих исследованиях Ч.Валиханов приходит к выводу, что этнопсихологические особенности народа необходимо изучать в тесной взаимосвязи с религией, верованиями. Изучая обычаи и обряды своего народа, он отмечает, что следы шаманства, как самой ранней религии казахов, сохранились в его быту. Покровительство душ умерших (аруах) над людьми казахи связывали с удачами в жизни.

Общительность, живость характера, красноречие, ораторское искусство также являются характерными чертами казахского народа. Как отмечал Ч.Валиханов, речь казахов всегда отличалась богатством содержания, лаконичностью мысли, юмором, знанием пословиц, поговорок, импровизацией. В целом, ученый отмечал, что в устном казахском творчестве отражена мудрость народа, его вера и надежда на лучшую жизнь.

Вместе с тем, Ч.Валиханов указывал на некоторые черты характера личности, среди которых имелись и врожденные, и приобретенные. Поэтому обращал внимание на необходимость обучения и воспитания подрастающего поколения. Исследователь говорил о значимости влияния окружающей среды в формировании психики человека. Он преувеличивал роль географического фактора, но вместе с тем отмечал, что социальные условия жизни народа способствовали появлению негативных черт, в частности, насилия и несправедливости. Автор выступал против национальной ограниченности и косности. Позитивные изменения в судьбе казахского народа Ч.Валиханов связывал с ростом знаний и свободы.

Другой казахский просветитель, первый отечественный педагог И.Алтынсарин подчеркивал такие черты казахского национального характера как любознательность, трудолюбие, терпение, патриотизм, но вместе с тем указывал и на его негативные стороны.

Как педагог, И.Алтынсарин большое внимание уделял вопросам просвещения и воспитания. Он защищал интересы своего народа, выступал за дружбу с русским народом. Основным фактором сближения народов, по его мнению, являются не социальные факторы, а общность. Поэтому, общие, на его взгляд, психологические характеристики, такие как безыскусственность в житейском быту, здравый практический ум, не развращенный религиозными или национальными предрассудками, доброе сердце, веротерпимость, свидетельствуют о сближении русского и киргизского народов.

И.Алтынсарин предложил свою методику обучения казахов русскому языку. В

изучении неродного языка он рекомендовал использование на уроках конкретных материалов по народному творчеству (загадки, анекдоты, пословицы, поговорки). При этом педагог ставил задачу изучения индивидуальных особенностей детей, указывал на значимость роли личности учителя в формировании психики ребенка.

В целом, всю свою жизнь И. Алтынсарин, пропагандировал вопросы просвещения, педагогики, нравственности, патриотизма казахского народа, призывал воспитывать у подрастающего поколения казахов чувство любви к родине.

Великий Абай Кунанбаев стремился к объективности и указывал как на позитивные, так и негативные проявления национального характера казахов. Он живо интересовался психологией других народов и с глубоким уважением относился ко всем нациям, подмечая в них положительные черты характера. «Смотрю на татар. Они и солдатчину переносят, и бедность выдерживают, и горе терпят, и бога любят. Умеют татары трудиться в поте лица, знают, как нажить богатство и как жить в роскоши»[1]. В узбеках поэт-мыслитель отмечал трудолюбие, сплоченность («...они и дружнее нас»), в русских прямоту, доброту, трудолюбие.

К слову, в психологию русского народа, по мнению этнопсихолога В.Г.Крысько, накрепко вошли и постоянно проявляются такие психологические качества, как любовь и сострадание, жертвенность и ответственность, солидарность и взаимная выручка, стойкость в страданиях и отсутствие жесткой регламентации поведения человека[2].

Обособенностях казахов у В.Г.Крысько сказано, что основным отличием от рус-

ских является воспитание в строгих правилах с детства. От них требуют относиться к труду как первой необходимости, ясно понимать свой долг перед семьей, осознавать личную ответственность за дела, в которых принимаешь участие.

Абай призывал к тому, чтобы родной народ перенимал лучшие качества у других народов.

В творчестве Машхура Жусыпа Копеева, из мусульманской религиозной морали вытекают этические нормы поведения в казахском обществе. Он выделяет определенные типы людей: беспечные, мечтательные, вспыльчивые и т.п.

Известный казахский поэт, просветитель, композитор и переводчик Шакарим Кудайбердиев, самостоятельно изучил несколько иностранных языков, много путешествовал, освоил много культур. Большое внимание он уделял вопросам нравственности, развитию духовности казахского народа. По его мнению, поведение личности должно определяться не столько разумом, сколько развитием его духовности, морально-этических принципов.

Ш.Кудайбердиев указывал на необходимость воспитания в молодом поколении таких качеств как милосердие, благочестие, доброе отношение к людям, чувство ответственности за свои поступки, деяния родственников, друзей.

Обращаясь к личности великого Абая и других передовых людей казахского народа, он призывал к просвещению, образованию. Стремление к знаниям и преодолению негативных черт своего характера, честный труд и чувство единения, по мнению Ш.Кудайбердиева приведут людей к достижению счастья.

Влияние религии на мировоззрение

и сознание людей были подробно рассмотрены Ш.Кудайбердиевым в книге «Основные положения мусульманства». Мыслитель подтверждает свои мысли изречениями из Корана, которые отражали силу разума, стремление к познанию природы, нравственные ценности (доброта, чистота души, взаимоотношения в семье, межчеловеческие отношения).

На зависимость формирования личности от социальной среды указывал и А. Кунанбаев. Он отмечал, что повлиять на психику человека можно через восприятие (семейное, трудовое и т.д.).

Еще в детстве, в казахской семье детей с малых лет приучали к труду и выносливости в условиях кочевого образа жизни. В единении с природой происходило дальнейшее физическое и умственное развитие. Дети обучались игре на музыкальных инструментах, участвовали в праздниках, конных и борцовских состязаниях, айтысах. В процессе общения с природой у детей происходило формирование эстетического восприятия мира.

Не менее важное значение имело общение со взрослыми людьми. С малых лет казахские ребята были в окружении взрослых, приобщились к разговору старших, перенимали богатый жизненный опыт, что также способствовало дальнейшему формированию их характера.

По мере взросления казахи учились умению общаться со сверстниками, со старшими по возрасту, с незнакомыми им людьми. В ходе общения развивались дружеские отношения и чувства. Общаюсь с приезжими (у казахов было принято останавливаться на ночь в любом ауле), казахи получали информацию о происходящих в мире событиях, делились своими знаниями и новостями, что также способ-

ствовало развитию их речи, мышления, кругозора, способностей.

В исследовании Н.Зеланд, который рассматривал структуру национального характера казахов, раскрывается смысл слова «киргиз» как «степной человек»[3]. Он отмечает, что впервые на этот народ обратил внимание Петр 1. Каков этот «степной человек»? Какова его национальная психология? У казахов ярко выражены такие черты характера, как смелость, самоотверженность, открытость, которые предопределялись образом жизни, особенностями среды, ценностью самого человека.

Н.Зеланд выделяет также такое качество казахов, как любопытство. Это обусловлено тем, что в силу кочевого образа жизни, в поисках лучших пастбищ ему приходилось надолго и далеко уходить в степь. Территориальная разобщенность от других людей вызывала у казахов желание узнать все, что видели и слышали другие.

В структуре национального характера выделяют не только черты, выражающие отношение человека к себе, но и отношение к другим людям. По мнению Н.Зеланда, «киргиз отличается неподдельным добродушием, к числу его похвальных качеств, кроме того, следует отнести: честность, сострадательность, гостеприимство, трезвость...»[там же].

Издавна казахи отличались воинственностью, бесстрашием. Это помогало им защищать свои огромные территории. Но казахский народ никогда не был агрессивным по отношению к окружающим. Как писал Н.Зеланд, «этот народ более миролюбивый, менее упорный и мстительный, наконец, у него нет привычки постоянных ожесточенных схваток, как это бывает у разбойничьих народов...»[там же].

Вместе с тем казахи беспечны; дело доходит до того, что они не беспокоятся о завтрашнем дне. С потеплением климата, наступлением теплых дней казахи забывают о трудностях прошедшей зимы и не стремятся заранее заготавливать корм для скота.

По отношению к труду казахов не отличает организованность и дисциплинированность. К вещам часто относятся неаккуратно. Возможно, это определялось характером кочевого образа жизни, когда в течение многих месяцев приходилось несколько раз менять место жительства, переезжая с одного пастбища на другое. Поэтому основным источником существования было скотоводство, а не производственная деятельность. В пути с собой было только самое необходимое, никаких лишних вещей.

Особенно высоко казахи ценили в человеке его надежность и верность слову, что было обусловлено характером жизнедеятельности. Кочевой образ жизни определил особые ценности, связанные не с конкретными вещами, а с ценностью человека. Именно по поступкам и словам человека уточняли истину.

В традиционном казахском обществе не была распространена письменность. Вместо нее значимым для казахов был свод духовных правил казахской культуры. Эти установления имели такую же силу в степи, какую в Европе имели юридические кодексы.

Другой характерной чертой казахов (еще со времен кочевого образа жизни) является развитие ораторского искусства как одного из способов самоутверждения личности. Ораторское искусство по праву считается частью богатейшего наследия казахского народного творчества.

Казахские ораторы черпали свои мысли из фольклорного источника.

Особенностью ораторского искусства является отсутствие индивидуализации, когда сочиненные по какому-либо поводу изречения становились достоянием народа. Они представляли собой как бы промежуточный жанр между стихами, песнями и прозаическими произведениями, распространяемыми в устной форме. В ораторском искусстве речь была тесно связана с памятью, развитием мышления. И традиции этого творчества оказывают влияние на формирование казахской поэзии, литературы.

Этнограф В.Герн так описывает характер казахов: «Казахи, по моему личному убеждению, добры, кротки и по своему честны...Казахи несловоохотливы и болтливость считается за порок»[4]. Автор указывает и на негативные черты характера: казахи легко поддаются лести. Это объясняется тем, что казахи всегда жили в окружении родителей, родственников, взрослых, поэтому привыкли доверять всем, были открыты для всех – и такого же отношения к себе ожидали от окружающих.

Отрицательной чертой национального характера казахов является зависть, когда люди не могли смириться с тем, что кто-то опередил их. Возможно, это объясняется характером кочевого образа жизни: борьба за лучшие пастбища способствовала соперничеству людей по отношению друг к другу.

В силу преобладания эмоциональности казахской души, излишней впечатлительности, они моментально реагировали на высказанные другими людьми слова, на поступки, которые слишком близко принимали к сердцу, относя лично к себе, т.е. обидчивы.

Также отрицательной чертой характера казахов является их лень. Образ жизни способствовал тому, что жизнь текла размеренно, в соответствии с потребностями жизнедеятельности и быта. Казахи весь день пасли скот, чтобы выжить. Спешить было некуда. Главное для них – это быть рядом со скотом, следить за ним. Такая обстановка расслабляла человека.

В то же время, многие исследователи отмечают, что казахи милосердны. Никогда среди них не было просящих милостыню (это не было характерно для казахов). Хотя среди казахов были и бедные, но их под свою защиту брали окружающие люди.

Кроме того, этнографами признаются глубокие умственные способности казахского народа, гибкость его мышления, сообразительность. Изменчивость окружающей среды способствовала появлению таких свойств национального характера, которые связаны с аналитическим складом ума, находчивостью. Эти качества помогали людям справляться с трудными ситуациями. Ум казаха определяли даже по его отдельным словам.

Так, например, ученый Л.Мейер высказал следующее мнение о казахах: «Вообще с умственной стороны они выгодно отличаются от других азиатцев, науки им довольно доступны, особенно легко им понятен аналитический способ изложения: однако между ними часто встречаются достаточно обширные умственные способности»[5].

Исследователь А.Н.Сидельников пишет, что «учение (особенно математика) дается нетрудно: среди учащихся лица с хорошими способностями нередки... киргиз-казахи – наиболее культурный народ, и, несомненно, что ему принадлежит

лучшее будущее: количество его увеличивается, и он оказывается восприимчивым к культурным приобретениям»[там же].

Национально-своеобразной особенностью казахского характера является неторопливость. Повседневная жизнь казахов протекала на фоне природы, когда приходилось целыми днями и месяцами пасти скот, спокойно передвигаясь с ним в поисках лучших мест для корма. Такая форма жизнедеятельности способствовала возникновению неторопливости как черты характера, которая проявлялась во всем, начиная с внешнего поведения. Об этом подробно написал Д.Кшибеков.[6] Автор в своем исследовании убедительно доказывает правдивость народной поговорки, что поспешность – дело шайтанов.

Казахи все делали не спеша: неторопливо передвигались по дому, подолгу принимали гостей. И в процессе общения также были неторопливы: взвешивали каждое слово, прежде чем высказать его вслух. Дело здесь не в многословии, а в многозначительности выражения своих мыслей. Они не любили тех, кто просто много говорил, главное для них – донести смысл сказанного. Вот почему казахи так ценили красноречивых людей.

Ф.Жармакина в статье «Архетипы казахского менталитета» обобщая исследования ученых, выделяет в казахском национальном характере следующие черты: а) общеэтнические черты – приверженность традициям, приоритет родственных связей над гражданскими, почитание старших и родителей, терпимость, радушие и гостеприимность, склонность к подражанию и заимствованиям, динамизм и мобильность; б) черты группового поведения – чувство долга, коллективизм на семейной земляческой основе, законо-

послушность и чинопочитание, стремление найти поддержку в ком-либо (поиск покровителя), обостренное чувство стыда и собственного достоинства, пассивность; в) обыденно-житейские черты – сострадательность, уживчивость, выносливость, сдержанность, скромность во вкусах и жизненных запросах, доходящая до смирения с бедностью и судьбой, склонность к лени и иждивенчеству[7].

Таким образом, на формирование национального характера казахов большое влияние оказали способы хозяйствования, особенности быта, общественного строя, климатические условия, национальная культура, уровень обыденного сознания, формы общения. Этот процесс проходил в сложных общественных условиях и обусловил появление как позитивных, так и негативных черт национального характера. В современных условиях, когда в казахстанском обществе происходят глубокие преобразования, важно развивать духовный опыт предков, его обычаи и традиции в целях воспитания нравственной личности.

Литература:

1. А. Кунанбаев. Слова назидания. Слово второе. (Пер. с каз. С. Санбаева). – Алма-Ата: Жалын, 1983. – 160 с.
2. В. Т. Крысько. Этническая психология. М., 2002.
3. Н. Л. Зеланд. Киргизы. Омск, 1885.
4. В. К. Герн. Характер и нравы киргиз-казахов (этнографический очерк). Караганда, 1995.
5. Т. Т. Тажибаев. Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине 19 века. – Алма-Ата, 1958.
6. Д. К. Кшибеков. Менталитет: кеше, бугін, ертен. Алматы, 1999.
7. Материалы региональной научно-теоретической конференции «Актуальные проблемы казахстанской этнопсихологии и этнопедагогики на новом этапе развития страны». Алматы, «Казак университеті», 2007, с. 53.

Шабанов Л. В. (Санкт-Петербург)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ПРИЗМЕ КОНФЛИКТОГЕНЕЗА (в спецификациях начала XXI в.)

Аннотация В статье проведен анализ с новых теоретических позиций чувству вины и этнической деидентификации.

Ключевые слова: Маргинальность, этнофор, зеркальное восприятие, теория масс, толерантность

Summary: In this work дается анализ on the tolerance position in a point of vew чувства вины и этнической деидентификации.

Key words: marginality, ethnophor, mirror-image perception, theory of mass, tolerance

10 мая 2012 г. в Москве «бумажным» тиражом в 3000 экземпляров вышел сборник современной научно-фантастической малой прозы «Беспощадная толерантность», составленный фантастом С. Чекаевым. Книга была издана при поддержке фонда «Взаимодействие цивилизаций», президент которого, Р. Эмануилов. Уже 29 мая 2012 г. «Беспощадная толерантность» возглавила хит-парад электронных книг.

Это сборник антиутопий, рассказы-вающий о перспективах ультралиберальной социальности, с возможными в будущем эксцессами политкорректности, толерантности, диктатуры и не только сексуальных меньшинств. В том, что в первой части («Радужное будущее») авторы показывают последствия внедрения в социум доведенной до абсурда идеи толерантности к психо-, секс-, либерал-, пр.- меньшинствам. В представленном мире (уже недалекого будущего¹) преобладают однополые и недолгосрочные браки, слова «мать» и «отец», «мужчина» и «женщина» находятся под запретом, а традиционная семья, как и постоянные партнеры, считается отжившим анахронизмом, который необходимо хронически изживать².

Вторая же часть «Беспощадной толерантности», «Гости дорогие», рассказывает о том, как коренное население превращается в национальное меньшинство, утонув в волне миграций, транснациональных культур, систем «общих» норм,

иных ценностей и чужих обычаев.

По данным интернета, в частности, ресурса Wikipedia, - критик, поэт и прозаик С. Львовский в своей рецензии на книгу отметил, что после прочтения сборника «хочется не просто вымыть руки с мылом, а пройти, по возможности, полную санитарную обработку». Львовский называет сборник «безыскусным» и «выдающейся гнусью». Также он отзывается об авторах сборника как людях, «с таким удовольствием потребляющих „вторичный продукт“ российских СМИ»³.

Эта внутрилитературная перепалка заставила вернуться к давно уже отгремевшей теме толерантности, собравшей в самом начале 2000-х гг. всю возможную критику и финансы с грантов и госпрограмм. Вспоминалась дискуссия в альманахе «Мы» («We age») Центра толерантности открытого на гранты в Томском государственном университете (вместо другого, возможно, более интересного проекта – Российского института ментальности – РИМ). Вспомнилось и другое.

Социально-политическая мифология последнего времени сильно видоизменила и картину мира, и ее системы координат. Сначала мир делили на Запад и Восток, затем в конце XX в. – на «ориентацию силовых полей относительно США», потом после событий 11 сентября 2001 г. – на цивилизованный демократический постхристианский (точнее, постпротестантский) Север и варварски-средневековый (крайне экстремистский) мусульманский

¹Чаще всего перспектива рассказов не превышает 10-15 лет.

²Так в «Москва, двадцать второй» Юрия Бурносова, после пробуждения из комы, герой оказывается сви-детелем митинга ЛГБТЗП-сообщество (Лесбиянки, Гомосексуалисты, Бисексуалы, Транссексуалы, Зоофилы, Педофилы) против компартии. [Электронный ресурс] – Код доступа: <http://lib.rus.ec/b/373948>

³Ссылка на статью «Здравствуйте, доктор Геббельс». OpenSpace.ru (12 мая 2012) [Электронный ресурс] – Код доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/36980/?attempt=1>

Юг⁴. Правда, к счастью ли, или к несчастью, но правительству новорожденной РФ до самого нового века национальные интересы и в купе с ними проблемы русскоязычного населения были неинтересны (территориальные тяжбы с Грузией и Чечня, были теми локальными исключениями, которые в целом подтверждали общую позицию этнической дивергенции россиян⁵).

Маргинализация молодежи и среднего класса в результате затянувшихся экономических реформ (1983-2012) и социальной нестабильности (1987-2012), отсутствие интегрирующих идеологических ценностей (1989-2012), а также депопуляция этнофорного населения, связанная и с «утечкой мозгов», и с явным отсутствием внятной демографической политики⁶. Полная правовая и социальная незащищенность, противоречия в законах и конституциях, внутрисоциальный хаос, породивший новые слои («новые бед-

ные», «новые русские») в итоге создали проблему образования этнического вакуума населения. Точнее проблему: кто и как будет работать на правящую элиту? Сколько будет стоить такая работа и можно ли на этом сэкономить?

Как это и водится в странах, европейски-ориентированных в развитии, решение нашлось само собой, если проблему вымирания русского населения решить нельзя, то значит можно открыть границы для миграции из менее благополучных стран и просто заменить (старое и дорогое) население РФ новым (упрощенно: дешевым) азиатским или кавказским, представленным несколькими неконсолидированными этническими группами⁷.

Судите сами: традиционно (от малоизвестного сегодня Т. Мальтуса, до популярного в социальных науках А. Маслоу) принято выделять четыре блока социогенных потребностей: 1. Потребность в сотрудничестве, кооперации, совместных коллективных действиях, взаимопомощи; 2. Потребность в лидерстве, управлении, руководстве; 3. Потребность в передаче информации, коммуникативном обмене мнениями, знаниями и т.п. 4. Потребность в самовыражении, самоутверждении, самореализации и тесно связанная с ними потребность в престиже, уважении, успешности. Так вот, сегодня социологи и политологи все чаще и острее констатируют проблемы по всем четырем указанным выше направлениям.

Оказалось, что большинство русских жителей восточных областей Украины

⁴Например, Збигнев Бжезинский «Великая шахматная доска» или Самуэль Хантингтон «Столкновение цивилизаций».

⁵Этническая дивергенция - распад этнической системной целостности с потерей ощущения комплиментарности на заданном уровне этнической иерархии (Социологический словарь, 2002)

⁶Согласно опубликованному в 2002 г. докладу ООН, Россия находится на втором месте (после США) по числу законных и нелегальных иммигрантов, проживающих на территории страны. По оценке экспертов ООН, в России их более 13 млн. чел. -- 9 % населения. Зам. директора Федеральной миграционной службы В. Поставнин заявил в январе 2006, что в России находится от 5 до 14 млн. нелегальных иммигрантов. В 2007 г. количество легально прибывших в Россию оказалось в шесть раз больше количества выехавших. По данным ФМС иммиграция покрыла 71 % естественной убыли населения РФ. В 2006 принят закон, значительно упрощающий трудовую миграцию из государств, граждане которых въезжают в Россию без виз. В частности, для приёма такого иностранного гражданина на работу работодатель не должен получать предварительное согласие Федеральной миграционной службы.

⁷Замена рабочих мигрантами, в том числе, см. ФМС предлагает отменить квоты для мигрантов, «Известия» // «Голос России» (16.04.2011) - [Электронный ресурс] – Код доступа: http://gazeta.dtn.nso.ru/main/news/view/1774/0/trudovaya_migraciya_.html

и Белоруссии, юга Прибалтики и севера Кавказа, Сибири и Казахстана являются этническими маргиналами в самых разных степенях и категориях, отсюда зеркальное восприятие бывших соседей⁸ и вполне объективная этнопсихологическая двойственность усвоения ценностей, норм и идеалов разных культур. Более того, условно называемые статистами «русские» (русскоязычные, ориентированные на русское и советское культурное наследие люди широкого спектра национальностей) все меньше стремятся вернуться в Россию, и всё больше уезжают за пределы бывших территорий СССР⁹.

Вполне в духе времени внутри социальных наук появляются споры о толерантности в обществе (1995-1997). Толерантности, как позиции социально-политических сил, выражающих готовность допускать существование инакомыслия в своих рядах. Толерантности политической, проявляющейся и в допущении инакомыслия для каждой отдельной личности, в том числе готовности власти прислушиваться к мнению политических противников, умении признавать их правоту (А.Г. Асмолов). Как известно, регуляция социального поведения детерминирована социальными потребностями, что можно конкретизировать не просто субсоциальными или макросоциальными группами, но и этносом в целом.

Говоря обо всех возможных допущениях, пожалуй, только социологи указывали на необходимость равенства словесных представительств и групп, о равноудаленности государственных и надгосударственных элит, об обоюдной толерантности внутри общечеловеческой глобальной коммуникации (в том числе и на межэтническом уровне). В социуме же возникали этнические и религиозные конфликты, когда один народ вынуждали вести себя толерантно при постоянном давлении на него ксенофобских и экстремистских группировок других народов, которые в итоге и породили, в том числе, феномен «Русского фашизма».

Целью данной статьи стал не столько анализ самого феномена толерантности в сфере социальных отношений, сколько вызванный этим эффект конфликтогенеза¹⁰, когда толерантность превращается в индикатор социального конфликта полей «Я – Я» (Каузальная атрибуция¹¹), «Мы – Я» (Идиосинкразический кредит¹²) и «Они – Мы» (Зеркальное восприятие¹³).

¹⁰Конфликтогенез - это процесс возникновения и развития современных конфликтных форм общества, на-кладывающих отпечаток, а нередко прямо детерминирующих направленность и содержание социальной эволюции в целом. (Социологический словарь, 2002)

¹¹ Каузальная атрибуция - Интерпретация индивидом причин поведения других людей. Под действием мотивационных факторов существенно отклоняется от логически обоснованных форм. (Психологический словарь, 2000)

¹² Идиосинкразический кредит - разрешение группы на девиантное (отклоняющееся от групповых норм) поведение, предоставляемое отдельным ее членам. (Психологический словарь, 2000)

¹³ Зеркальное восприятие - Взаимно негативные представления друг от друга, часто возникающие у сторон конфликта; например, своя сторона считается нравственной и миролюбивой, а другая - злонамеренной и агрессивной. (Психологический словарь, 2000)

⁸Пусть коренного, но все же этнического меньшинства.

⁹Подробнее, см. - Воробьева О. Д. «Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики» или электронный ресурс «Как провожают пароходы, совсем не так.... (про отток (миграцию) населения из России)» - Код доступа: <http://forums.drom.ru/garazh/t1151386936.html>.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ПРИМЕР ПЕРЕНОСА МОТИВА НА ЦЕЛЬ («РАДУЖНОЕ» БУДУЩЕЕ?)

«Сдвиг мотива на цель является основным механизмом формирования новых мотивов, - писал А.Н. Леонтьев¹⁴, подразумеваемая - Действия, которые раньше служили для достижения целей, подчиненных какому-то определенному мотиву, приобретают самостоятельное значение и отщепляются от первоначальной мотивации. При этом вспомогательные цели, на которые данные действия были направлены, приобретают статус самостоятельного полноценного мотива», создавая возможности для дальнейшего развития личности.

В американских социальных науках синонимом эффекта переноса мотива на цель стал, предложенный в рамках теории мотивации Г. Олпортом Эффект функциональной автономии. Функциональная автономия – это состояние, которое характеризуется тем, что определенное поведение, изначально ориентированное на достижение какого-то результата, становится самоценным и начинает приносить удовлетворение само по себе¹⁵, вне достижения каких-либо целей вообще.

Разница этих двух синонимов возможно и невелика, только в первом случае, личность (или группа личностей) развивается, опираясь на результаты своей деятельности (личностный рост); а во втором – дрессируется, отрабатывая поведение, дающее разные степени удовлетворения

от своих действий (выигрыши, система кар и наград) и не имеющих в себе цели конечного результата.

Увы, хорошим тоном у современных политиков и разного уровня аналитиков, решающих социально-проблемные вопросы, стало не учитывать опыта смежных социальных наук (культурной антропологии, педагогики, психологии, социальной истории и социологии), не смотря на то, что в свете событий последних десятилетий, внутри общенаучной методологии взгляды на «толерантность» в целом не претерпели каких-либо существенных изменений¹⁶.

Толерантность в естественных науках: 1. Иммунологическое состояние организма, при котором он не способен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохранении иммунной реактивности к другим антигенам (особо острое значение имеет при пересадке органов и тканей). 2. Способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды (степень приспособления к ней).

В фармакологии, иммунологии и наркологии — снижение реакции на повторяющееся введение лекарств, наркотиков

¹⁶ «Неофициальная история визионеров» соотносит термин «толерантность» с именем князя Шарля-Мориса Талейрана-Перигора (1753-1838), de facto «рулившего» Французским политическим бомондом при Людовике XVI, при событиях Великой Французской Революции, при консуле Бонапарте, при императоре Наполеоне, при Реставрации Бурбонов, в период Июльской революции. Всегда этому человеку удавалось, лавируя и уступая или действуя напрямую, пребывать на первых ролях в государстве. Очень часто он, стоя на краю пропасти, вполне сознательно подставив голову под удар своим противникам, он побеждал (а не Наполеон, Людовик, Баррас или Дантон). Правители приходили и уходили, а Талейран оставался всегда, правильно угадывая победителя в казалось бы поверженном и побежденном, пака еще находящегося в зените славы и величия.

¹⁴ Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975, с. 304.

¹⁵ В качестве источника, раскрывающего суть концепции, использован «Психологический словарь», 2000.

или психоактивных веществ; привыкание организма, ввиду чего требуется всё большая и большая доза для достижения присущего веществу эффекта.

В медицине вообще - это термин, обозначающий неспособность организма сопротивляться инородному телу¹⁷.

В культурологии — качество терпимости, снисходительного уважения к иным идеям, чуждым взглядам, концепциям, вкусам. В период постмодернизма понятие толерантности обрело более широкий, даже универсальный смысл (отсюда мода на это слово в обыденной речи). Обратная сторона подобного мировоззрения — «всеядность», беспринципность как в практике, так и в теории искусства¹⁸.

В социальных науках толерантность соотносят с терпимостью к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям¹⁹. Толерантность не равносильна безразличию. Она не означает также принятия иного мировоззрения или образа жизни, она заключается в предоставлении другим права жить в соответствии с собственным мировоззрением. Под толерантностью не подразумевается уступка, снисхождение или потворство. Проявление толерантности также не означает терпимости к социальной несправедливости, отказа от своих убеждений или уступки чужим убеждениям, а также навязывания своих убеждений другому.

Право и обществоведческие науки толерантное отношение рассматривают как социальную ценность, обеспечивающую права человека, свободу и безопасность, норму цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами, что обеспечивает сохранение разнообразия, естественного права на отличность, непохожесть, инаковость.

В Декларации принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.) толерантность определяется, как «ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям».

Во многих культурах понятие «толерантность» является своеобразным синонимом слова «терпимость» (*tolerantia*, *tolerance*, *Toleranz*, *tolérance*); словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, словарь русского языка В.И. Даля, словарь С.И. Ожегова дают похожее толкование²⁰.

Д.М. Бондаренко и Е.Б. Деминцева говорят о сегодняшней толерантности как фундаментальном универсальном принципе, на котором должны базироваться и мир в целом, и отдельные общества. Вслед за Асмоловым, они проецируют

¹⁷ Общая энциклопедия медицинских терминов, 2009.

¹⁸ Словарь изобразительного искусства, 2004-2009

¹⁹ Наиболее частыми векторами исследования толерантности в социологии являются: гендерная толерантность, расовая и национальная толерантность, толерантность по отношению к инвалидам, религиозная толерантность, сексуально-ориентационная толерантность, политическая толерантность, образовательная толерантность, межклассовая толерантность.

²⁰ По мнению М.В. Семашко, понятие «терпимость» содержит в себе пассивное принятие окружающей реальности, непротивление ей, способность подставить вторую щеку.

некую идеальную модель на современное общество РФ, указывая не только на социальную и гендерную толерантность, но и на толерантность этнорасовую и конфессиональную, отводя важнейшую роль в решении указанных противоречий - институтам образования²¹.

Однако, если социум сам, подобно крепкому организму, не начнет четко определять, что есть губительный вирус, а что – нет, как можно подвергать его диффузному заражению или многосторонним прививкам? Не приведет ли это к «Эффекту двух антивирусов», которые, борясь друг с другом, не просто пропускают вредоносные программы в систему компьютера, но и сами полностью выводят его из строя. Очевидно, что время окончательного диагноза нашего времени пока не наступило, но у нас уже есть первые промежуточные выводы.

Вывод первый, толерантность – это политическое течение, основанное на принципе терпимости к представителям меньшинств политических, этнических или социальных ради сиюминутных или перспективных выгодных моральных, экономических и политических дивидендов²². Как и всякое политическое течение, оно выражает интересы только части общества и, судя по реакции на толерантность в России, - «узок круг этих лиц и страшно далеки они от народа».

Вывод второй. Эффект толерантности является не более чем акцией, призванной вызвать у большой референтной группы чувство неполноценности, чувство вины, этого негативного «инструмента» в процессе глобальной этнической социализации в мировое сообщество (под руководством цивилизованного демократического постпротестантского Севера).

Глобализация – хорошая цель, мотивирующая многие народы на реструктуризацию и обновление своих принципов социального существования. Наряду с общим рынком, глобальному сообществу будут предложены некие общие универсалии совместного проживания на единой территории, где должны будут быть гарантированы общие права и их реализация независимо от количества и качества той или иной социальной группы.

Идея прекрасна и цель – хороша. Но не подменяется ли движение к цели самодовлеющими мотивами (Функциональная автономия)? Особенно в зеркале православной традиции соборования, толстовско-достоевского самобичевания русского интеллигента (который «тварь дрожащая или право имеет»?) и традиционного пути «со-болезнования» в русской мессианской идее? Все это приходится очень кстати, идеально «укладываясь» в концепцию «дела ради создания следующего дела²³» (Инновационное мышле-

²¹ Бондаренко Д. М., Деминцева Е. Б., Кавыкин О. И., Следзевский И. В., Халтурина Д. А. Образование как фактор утверждения в обществе норм этноконфессиональной толерантности в условиях глобализации (на примере России, Франции и Танзании)// История и современность, 2007.

²² NB: в свете школы гуманистической психологии подобные выводы выглядят еретическими, и терпимость противопоставляется ксенофобии, явно подменяя при этом понятия

²³Сунь Цзы. Стратегема №4. «В покое ожидать утомлённого врага»: Задача: Изматывание, утомление объекта, либо его поощрение к растрате энергии или выдержки для сохранения собственных ресурсов и сил перед более тесным взаимодействием с ним. Применение: Используется в качестве вспомогательной стратегемы, как часть цепи уловок (см. стратегему № 35). Особенно в отношении более сильного объекта, так как «сильного врага следует ослаблять усталостью». Применение не ограничивается явным истощением сил объекта, так как оно также

ние²⁴), как для наших бывших геополитических соперников, стран постсоветского пространства, так и для стран так называемого Третьего мира.

Характеристика определения толерантности в Преамбуле Устава ООН двойственна и лукава: «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи» - т.е. условие успешной социализации (интеграции в систему общественных отношений), заключающееся в умении жить в гармонии, как с самим собой, так и с миром людей. За чей счет? Кто и за кого платит?

Терпеть, а то и жалеть принято всех «недоразвитых» (не в смысле, недоношенных, но - недовоспитанных), «сырых и убогих» (не в смысле, физически неполноценных, но – инакореализующих себя в социальном пространстве), и славянофобов (не в смысле, ненавидящих славян, но - тех, кто пытается историю славян и окружающих их народов превратить в менее успешный вариант всеобщей истории, читай, англо-саксонской), и юридивых (не в смысле, нищих духом, но - бесноватых), и малые народности (живущие за пределами РФ), и правящие меньшинства (после переворотов бегущие в Москву за безбедным содержанием), и чужих детей

может заключаться в вовлечении объекта в невыгодную для него ситуацию или непривычную обстановку, рассеивании его внимания или деконцентрации сил, вынуждении ждать, затягивании принятия решений, проволочках в связи и т. п. Важно: Прилагать все возможные усилия для сохранения в тайне от объекта истинных причин его трудностей. Создание впечатления «естественности» происходящего. Необходимо: Время, невозмутимость, выдержка и терпение. (Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать, 2004.)

²⁴ Термин «инновация» происходит от латинского «*novatio*», что означает «обновление» (или «изменение») и приставке «*in*», которая переводится с латинского как «в направление», если переводить дословно «*Innovatio*» — «в направлении изменений».

из Азии или Африки (со своими сиротами у нас всё в порядке – есть!).

Это ведь ни где-нибудь, а именно в России начала XX в. правительство выставило лозунг: «Сами недоедим, но хлеб вывезем», это ведь у нас политика государства поощряла традиционные культуры больших и малых народов не-русской национальности, дабы не унизить, не оскорбить - «потерпим, ничего». Это не то «бремя белого человека», о котором писал романтик Р. Киплинг, наше бремя терпеть, толи тиранить, толе-ранить себя, не понимая происходящих процессов, в результате которых психологическое состояние этнической группы может характеризоваться потерей перспективы исторического развития и этнической фрустрацией²⁵. При этом мы можем наблюдать готовность других активных этно-субъектов мирового взаимодействия к устойчивым целенаправленным и отнюдь не толерантным действиям по отношению к РФ, как к геополитическому объекту (нет, уже не к русским, но к территории РФ).

В работе «Социальная и культурная дистанции»²⁶, Л.М. Дробижева рекомендовала учитывать кластерные оценки толерантности в обществе.

1. Насколько толерантное отношение разделяется и декларируется социальными институтами и официальными организациями (т.е., соблюдаются ли правила игры институтами СМИ и Интернет-пространством, государствен-

²⁵ Этническая фрустрация – психологическое состояние этнической группы или общности, которое характеризуется потерей перспективы исторического развития, тревогой, неуверенностью в завтрашнем дне, чувством безысходности. (Социологический словарь, 2002)

²⁶ Дробижева Л.М. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России, 1998.

ной политикой РФ и регионов, деятельностью общественных организаций, включая лобби иностранного происхождения? – Л.Ш.);

2. В какой степени различные социальные группы разделяют ценности толерантности (т.е., сколько групп заинтересованы в толерантности к себе, и насколько они сами толерантны к другим? – Л.Ш.);

3. Проявляется ли толерантность в различных сферах жизнедеятельности людей (т.е., только ли те люди, которые понимают и «комплексуют» относительно своих отклонений, навязывают большинству эти отклонения, как норму, превращая тем самым, норму в сумму отклонений, или же есть и обратные процессы? – Л.Ш.);

4. Причины нетолерантного отношения со стороны социальных институтов и социальных групп (т.е., кто и на каком уровне создает условия безнаказанности и неравенства во имя неких ценностей толерантного характера? – Л.Ш.). К примеру, насколько толерантна элита, как общество, в котором главный измеритель признания и элитарности – это уровень безнаказанности относительно тяжести совершенного преступления?

Иными словами, толерантность может существовать только в тех случаях, когда человек не просто пытается смотреть на ситуацию глазами «другого», но и может видеть. Говорить о необходимости толерантного воспитания можно лишь тогда, когда станет понятно, как разделять великосветского, но преступника от преступника, но не великосветского. Когда станет понятно (законодательно), чем оппозиционер, выступающий за живительные реформы, отличается от провокатора, отрабатывающего вложенные в его действия авансы и имеющего иностранные виды

на жительство. Когда права гражданина РФ станут действительно отличаться от прав гражданина мира, работающего в РФ на свою «другую» родину. Когда лишение гражданских прав за уголовные, административные и т.п. девиации станет действительно суровым наказанием для личности.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ДОБРОСОСЕДСТВО (ГОСТИ «ДОРОГИЕ»?)

Проблемой толерантности на уровне коммуникации занималась школа символического интеракционизма (Дж.Г. Мид, Г. Блумер, Т. Шибутани, М. Кун). Для объяснения толерантности интеракционисты пользовались описанием процессов межличностного взаимодействия, как обмена значимыми символами, обозначающими смысл, отношение и позицию в социальной структуре. При помощи символического обмена люди и определяют свое место в системе «Я – Я», «Мы – Я» и «Они – Мы», выстраивая социальные иерархии с линиями вертикальных и горизонтальных параллелей и соподчинений.

При этом смысл и значения интеракций являются результатом интерпретации символов, которые были осуществлены в контекстах взаимодействия. Принимая роль «другого», участники процесса интерпретируют значения и намерения участников общения. Так, значения, которые определяют действие, вытекают из контекста через серию сложных процедур интерпретации (человек пробует посмотреть на ситуацию глазами «другого»).

Однако, значения и смыслы являются не столько фиксированными, сформулированными заранее, сколько созданными в процессе контакта, модифицированными

ми. Они (знаки, символы) развиваются и изменяются, а участники интеракции действуют на основе значений, которые они придают предметам и событиям, а не просто реагируют на внешние или внутренние раздражители.

С точки зрения макросоциальных процессов, общество – это мир отчуждения (мощный административный аппарат, зависимость от работодателя, система потребления, «клиповые» СМИ, полуфабрикаты, мода и т.п.), делающий индивида конформистом²⁷, который не может быть носителем инициативы, преобразующей общество. Обстоятельства, условия нашей жизни не позволяют относиться друг к другу как человек к человеку, но как негативный раздражитель к негативному раздражителю. В каждодневной суе больших городов мы держимся отчужденно по отношению к себе подобным, стараясь игнорировать ино-присутствие, дискриминируя раздражающие знаки, девальвируя символы и смыслы. Несвободный человек, маргинал, отчужденный от результатов своей деятельности, редко воспринимающий свое развитие, как процесс самореализации, ограниченный в своем физическом и духовном развитии. В стремлении к компенсации своей неполноценности человек ищет социальную нишу само-подтверждения (асоциальные группы) или само-утешения (секты), за-

мыкается в себе – но, уходя из социума равнозначных «Я», индивид теряет свою уникальность, как личность, превращаясь в набор биологических и технических характеристик.

Сложно сказать, что в этом смысле первично: девальвация человеческого в обществе дает размывание личности или же потеря уникальности личности позволяет обществу не признавать ценность человека. В результате этого жизнь (Дар Божий), обретает конкретную цену («себестоимость содержания ребенка», «детский потенциал», «качество первичной семьи», «человеческий капитал», «условия индивидуального проживания и совместной эксплуатации приборов коллективного учета», «возраст фактического доживания»), и как любой товар, выставленный на прилавок - принадлежит покупателю (значимому «Другому»).

В итоге, на рубеже веков, мы получаем важнейший в психогенетической истории человека шаг – неделимый в качествах и свойствах индивидуум Бозция²⁸ начинает уступать место дивидууму²⁹. Индивидуум, человек цельный, уходит прочь, прикованный к своему единообразию, как к тяжелому рюкзаку, на его место приходит

²⁸Индивид[уум] (от лат. *individuum* — неделимое): отдельный человек, как социальное существо, являющееся чем-то большим, чем сочетание врожденных качеств, отдельно существующего организма. (Философский энциклопедический словарь, 2004)

²⁹Дивид[уум] (от лат. *dividuum* — делимое, раздельное): множественность качеств, субъективных переживаний, внешних и внутренних иерархий, субличностей человека, находящегося в многополюсном социальном пространстве и представленный в виде нескольких виртуальных или реальных акторов коммуникации. А. Дугин: «в модерне человек есть автономный индивидуум (дословно неделимый) и считается мерой вещей. А в постмодерне он превращается в «дивидуума», т. е. в «делимого», и склонен мутировать либо в киборга (получеловека-полумашину), либо в новое органическое существо (монстра)».

²⁷ Конформизм - непротивление преобладающим тенденциям, несмотря на их внутреннее неприятие, само-устранение от критики тех или иных аспектов социально-политической и экономической действительности, нежелание высказывать собственное мнение, отказ отличной ответственности за совершаемые поступки, слепое подчинение и следование любым требованиям и предписаниям, исходящим от государства, общества, партии, лидера, религиозной организации, общины, семьи и т.д. (Философский энциклопедический словарь, 2004)

дивидуум, человек многоликий (много-*person*³⁰), имеющий множество «Я»: в социальных ролях, в виртуальных пространствах, в своих движениях души, фантазиях, во сне и т. д.

Распавшаяся на конфликтующие ипостаси личность – типичный образ современного искусства. Клонирование себя в сетях и играх под разными именами, образами и расами (не всегда человеческими) – типичная бытовая ситуация современного пользователя Интернета. В этом вновь расширяющемся конусе субъектом могут выступать уже части психофизиологической целостности (тела, организма), отдельные социальные роли, «стихии», субличности. Границы свободы и ответственности сузились настолько, что субъект рассыпался на биологические, социологические, психологические, религиозные Я-сущности. В этом смысле показателен и обостренный интерес в конце XX – начале XXI столетия к трансперсональной (внеличностной) психологии, духовным практикам в духе Кастанеды, интегральной йоги Ауробиндо и т.п. Общим для всех них является выход личности за рамки пространственно-временных и причинно-следственных границ (Г.Л. Тульчинский, А. Дугин³¹).

Впрочем, несмотря на виртуальность современного мирового и бытового про-

странства, разделение на «своих» и «чужих» на Западе и Востоке до сих пор остается в силе. А проявление толерантности по отношению к «чужим», до сих пор воспринимается как предательство по отношению к «своим».

Говоря о подобного рода взаимоотношениях, Д. МакКелланд писал, что людям присущи три типа поведения, исходящих из социальных ступеней потребностей иерархической пирамиды А. Маслоу: причастность, успешность, властность.

1. Причастность, которая основана на интересе к многочисленным дружеским, приятельским, партнерским и т.п. отношениям, дающим максимальные возможности социального общения (при этом человек сталкивается с процессами не только толерантности, но и идиосинкразического кредита, референтности групп, идентификации; т.е. толерантность к иным в данном случае претерпевает изменения, стремясь к четкому пониманию, где «Свои», а где «Чужие». – Л.Ш.). 2. Успешность, которая удовлетворяется не столько провозглашением успеха, подтверждающего статус человека, сколько процессом доведения начатой работы до престижного выигрыша (при этом человек сталкивается с процессами конкуренции, зеркального восприятия и многоуровневого конфликта, а степень его толерантности продолжает тенденцию к сужению социального слоя, на который она распространяется. – Л.Ш.). 3. Властность выражается в желании воздействовать и контролировать поведение других (при этом человек сталкивается с необходимостью отделения себя от иных и определения буфера между собой и остальными. Толерантность становится узконаправленной характеристикой взаи-

³⁰ *Persona* – маска, личина, актуальная личность.

³¹ Тульчинский Г.Л. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. (Российские исследования в гуманитарных науках. - Том 16). Тульчинский Г.Л. http://www.emory.edu/intelnet/fn_12_08.pdf Перспективы постчеловечности; The Edwin Mellen Press. Lewiston-Queenston-Lampeter. 2001. Науки о человеке в современном мире. Часть 1. Философский век. Т.21. СПб, 2002, – С.129-135. См. также: Дугин А. Радикальный субъект и его дубль: пост-антропология. - Курс лекций, прочитанный на философском факультете МГУ в 2006 г./ А. Дугин – Режим доступа: <http://www.evrazia.tv/content/lektsiya-2-post-antropologiya>.

моотношений лидера и лояльной ему элиты – Л.Ш.).

Однако, как помнится, политическое течение, поднявшее знамя толерантности, призывало нас, по иному относиться к окружающему нас социальному пространству, в результате чего начинают происходить вполне предсказуемые события. Изменяется эмоциональное отношение людей к своей общности и ее интересам. Ориентации человека, как члена определенной группы, в основе которых лежат ролевая и нормативная регуляции социального взаимодействия через усвоение ценностей, норм и идеалов разных культур, изменяясь, сопровождается ярко выраженным комплексом субъективного переживания кризиса идентичности (на сегодня для стабильного функционирования страны третьего мира вполне достаточно идеи местечкового коммуитаризма).

Толерантность в данном случае выступает как система демотиваторов, дзен-перформансов и принципа у-вей для нового обывателя? Но демотивация порождает беспомощность, а всеобщая беспомощность провоцирует частное насилие. При этом, обратим внимание, мало кто смотрит на проблему «навязывания» толерантности, как на навязывание большинству гипертрофированного чувства вины.

ЧУВСТВО ВИНЫ КАК ДЕМОТИВАТОР («ДАЖЕ, ЕСЛИ ТЫ ПРАВ, НЕМЕДЛЕННО - ИЗВИНИСЬ»)

Почему же чувство вины оказалось настолько действенным демотиватором, точнее - мотиватором пассивного пове-

дения среднестатистического этнофора в РФ?

Для этого нам необходимо вспомнить исследование Дж. Карлсмита и Н. Гросса, которые предположили, что существует по крайней мере три возможных объяснения того, почему вина убеждает³².

1. Симпатия, или чувство раскаяния по отношению к жертве³³. При этом мало кто разбирается в статусе жертвы (как, собственно говоря, жертва стала жертвой), уже достаточно того, что это жертва, и людям в социальной группе должно быть стыдно за то, что они сами не жертвы. Отсюда, крайняя выгодность изображать из себя жертву и тем самым получать явные выигрыши и преимущества от окружающих благополучных нежертв.

2. Реституция или ощущение потребности возместить ущерб, нанесенный дурным поступком. Снова давление на благополучных участников социальной коммуникации. Но это не тот образ сытого обывателя, под окном которого замерзает девочка, торгующая спичками. Это не просто навязывание чувства вины

³²История многократных и часто бессмысленных жертв и уступок на политической сцене как во внешней, так и во внутренней политике пореформенной РФ 90-х гг в итоге привели к почти полному распаду федерации на местечковые княжества и республики со своими президентами и конституцией и открыто паразитирующими на внутреннем бюджете РФ.

³³Идиоматическая метафора слова «раскаяние» представлено в русском языке как расставание с Каином в себе самом. Действительно, в течение целого десятилетия русский народ обвинялся во всех смертных грехах человечества, а после падения «тюрьмы народов» СССР, произошла легитимная перестройка социальной репрезентации, связанная с откровенным и целенаправленным выдавливанием русскоориентированных членов сообщества из институтов государственного влияния (даже в тех странах, где русские этнофоры представляли собой территориальное большинство).

тем, кому хорошо, за то, что иным сейчас – плохо³⁴. Это перенос ответственности тех, кому плохо на референтное большинство, самый скверный поступок которого, считать, что все более-менее нормально, жить можно. И те, кому плохо, начинают требовать от властных структур возмещения ущерба, нанесенного вышеописанным скверным поступком за счет тех, кто хоть как-то продолжает самостоятельно выживать.

3. Генерализованная вина, или желание восстановить «Я»-образ, запятнавшим его поступком. Вина, как генерализованное предвосхищение самоосуждения (С. Кассин, К. Кичел), которое может заставить человека признаться в преступлении, которого он не совершал³⁵. Достаточно лишь, правильно его в этом убедить. То есть, когда данная «отработка» скорее связана с добровольным волеизъявлением, нежели желанием оправдаться в глазах пострадавших, ведь именно это оправдание и будет главным доказательством признания своей вины (равно как и демонстрация собственной ущербности).

Впрочем, предложение прощения в качестве «полного расчета с прошлым» оказывается, как правило «двойной щещиной» - сначала человека признают виновным в проступке, а затем, как неполноценного, неспособного исправить ситуацию, прощают за неимением с него никакой другой пользы.

³⁴ Именно эта потребность в возмещении ущерба позволила РФ потерять свое реноме на мировой арене, как наследнику СССР; взять на себя ответственность за долги России и СССР; получить странные суммы внешнего долга от таких стран как, например, ГДР; потерять Крым и Восточную Украину, Северный Казахстан и контроль над южными границами СНГ по Кавказу и Средней Азии.

³⁵ См: Аронсон Э., Пратканис Э. Р. «Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление».

Так же необходимо отметить еще один, диаметрально противоположный, но также типичный ответ на чувство вины, порожденное совершением поступка против другого, он заключается в унижении самой жертвы (К. Дэвис, Э. Джонс). Другими словами, после того, как мы публично «по-критиковали» другого человека, мы ищем способы оправдать свои поступки³⁶. Один из способов добиться этого состоит в том, чтобы обвинить в нашем агрессивном поведении человека, на которого и была направлена наша агрессия. Он – провокатор, он не понимает, он глуп, коварен, порочен и т.д. («Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»)³⁷. Именно такой механизм и работает в среде смешанных этнофоров РФ, рассматривающих проблему соотношения толерантности и ксенофобии. Она

³⁶ Чаще всего этим грешит интеллицизированная среда, где не принято решать спорные вопросы и конфликтные ситуации через кулачные поединки. Напомним, что термин «гнилая интеллигенция» так же не является порождением красных комиссаров или осна-звонцев из НКВД; этот термин появился как иллюстрация разборок в вузовских кругах 30-40 гг., когда идейные столкновения старой «старорежимной» и новой «рабоче-крестьянской» фракций внутри научной среды, стоили не только карьеры но и жизни многим представителям российской научной элиты.

³⁷ Или в этнопсихологическом, культурантропологическом варианте данной ситуации констатировать, что «англичане – пьяницы хвостатые, французы – женственные неженки, немцы – неотесанные пошляки, нормандцы – пустые хвостуны, пуатьевинцы – предатели и пройдохи, бургундцы – грубые тупицы, ломбардцы порочные скупердяи, римляне – склочные клеветники, сицилийцы – бездушные тираны, брабантцы – вспльчивые головорезы, фламандцы – жирные обжоры». Или вспомним историю не столь далекую, когда гипотетический немецкий профессор антропологии Благтхен комментирует письмо Генеральной Инспекции для школ типа напола (интернаты СС), слушателем же выступает пленный француз: «Заметили ли вы, что каждый народ пытается присвоить себе в первую очередь ту добродетель, каковой на самом деле обделен? Возьмите, к примеру, прославленную французскую учти-вость, - что она прикрывает в действительности, как не наглую грубость, проявляемую на каждом шагу, особенно по отношению к женщине?! А так называемое испанское благородство, которым так

идентифицируется с проблемой соотношения уровня нормативного поведения и разности величин статусов субъектов в группе. «Идиосинкразический кредит» по отношению к маргинальным величинам является одним из условий внедрения в жизнедеятельность эталонной группы элементов нового, но подобная инновация, как показывает исторический опыт, тяготеет к созданию «перевернутой» системы ценностей (меняя эталоны референтной группы).

Примерами такой странности может служить, принцип разделения властей при сохранении единовластия руководителя; или – уже упомянутое выше, измерение элитарности в обществе через безнаказанность; или – демонстрация явной провокации в качестве демократической оппозиции; или – террористическая деятельность, выступающая элементом гражданского общества, где теракт подается как возможность влияния неких гражданских институтов на власть.

В этих условиях, напряжение, которое появляется при осознании несовместимости каких-либо двух знаний воссоздает и культивирует когнитивный диссонанс³⁸ внутри самых разных социальных групп.

чванятся испанцы и которое опровергается непреодолимой склонностью иберийских народов к предательству и коррупции?! Что же касается пресловутой швейцарской честности (в результате которой гельветские консулы только тем и занимаются, что вытаскивают из тюрем своих проворовавшихся соотечественников), английской невозмутимости (вам не приходилось сталкиваться со слепой необузданной яростью британцев?), голландской чистоплотности (до чего же воняют их каналы!) и итальянского жизнелюбия... то советую вам поехать и убедиться на месте в правдивости их репутаций!».

³⁸ Когнитивный диссонанс — дискомфорт, вызываемый противоречием между имеющимся устоявшимся представлением и свежей поступающей информацией, фактами (Л. Фестингер). Переживание дискомфорта, возникающее из за действий, идущих вразрез с собственными убеждениями (аттитюдами) (У. Томас и Ф. Знанецкий).

Когда осознание того, что действовали, без достаточных на то оснований, в противоречии со своими установками или приняли решение в пользу одного варианта вопреки всякой логике событий становится явным и осязаемым («из жалости я должен быть жестоким»).

Отсюда высокая степень рефлексии связанная как с собственным не всегда правильным поведением, так и искренним сочувствием к разного рода «обездоленным». А также многотерпеливым ожиданием само-окультуривания дикарей и варваров «понаехавших в Россию» и «нерезиновую Москву». Здесь будет и отсутствующее в России, но приписываемое ей новыми местечковыми учебниками истории «бремя белого человека» колониалиста Р.Киплинга, и отповедь «сами же границы размыли» интернационал-экономиста Е. Гайдара. Значит, сами виноваты в том, что «их» сюда из средневекового варварства вызволили, теперь терпите ненормативное поведение и уважайте чужие традиции.

Главная ошибка принципа толерантности, равно как и объяснения причин ксенофобии в социальной науке – это именно отрыв от исторических традиций. Россия всегда была восточной империей. Восток – дело не только тонкое, но и темное; на Востоке традиционно преобладает не столько чувство вины (связанное с самонаказанием), сколько чувство стыда, т.е. страх быть разоблаченным и наказанным прилюдно (при значимом «Другом»).

Отсюда собственно и жестокая традиция не оставлять свидетелей своего недостойного поведения, вырезая всех «до седьмого колена». А это значит, что восточная толерантность, доставшаяся, кстати, и большинству мусульманских

народов от средневековых кочевников – это терпимость «меня»-недостойного «мною»-сверхморальным. Даже джихад – это, в первую очередь борьба со своими духовными или социальными пороками.

Такая толерантность не имеет ничего общего с принципами западного гуманистично с'ориентированного образца толерантности, когда «Я» (социо-культурная единица) существует на общественных принципах законного равноправия, узаконенных потребностей и разрешенных свобод. Чем больше эти равноправия, потребности и свободы, тем шире коридоры нормы (количества и качества отклонений). Чем шире коридоры нормы, тем меньше индивидуальная ответственность в области индивидуального общественного права. Значит, толерантность становится гарантом на равноправную социальную адаптацию индивидов с любыми отклонениями в процессе формирования новой этнокультурной (правильней сказать, наднациональной) массы. «Я-девиантный» становится нормо-определяющим поведения «Я-нормального», переворачивая диадру в «Я-нормальный» подзаконно (нормозависимо) следует соблюдению нормы реализации «Я-девиантного».

Отсюда высокая степень всевозможных правомерных объяснений, аллюзий, экстраполяций и аналогий (каузальная атрибуция), главная цель которых, объяснить, почему нам выгодно, говоря о равноправии наций и народов, а также иных культур, на самом деле уравнивать в правах сообщества иные меньшинства – не столько национальные или политические, сколько нетрадиционной субкультурной, постправовой или сексуальной ориентации. В частности, разрешение на браки гомосексуалистов не только светского,

но и церковного образца. Или, борясь за права детей посредством ювенальной юстиции, изымать их из гетеросексуальных семей для передачи в семьи гомосексуальные. Все логично, гомосексуальная пара, даже получив статус семьи, в биологическом смысле ребенка сделать не может. Дальше, опять логично, начинается борьба за запрет слов «мама» и «папа», с включением в лексикон вместо них – «родитель №1» и «родитель №2», под запретом в странах Европы оказалась и *mademoiselle*³⁹ - «девушка» (как видите, в этом диалоге культур этническая принадлежность вообще ни при чем).

Есть праздник, который для всех

Людей, всех народов, традиций и тех,

Кто мыслит иначе, живет по-другому,

Но дверь в его дом открыта любому⁴⁰,
- говорили школьникам 16 сентября 2012 г. на Дне толерантности, которому дали общероссийский статус Международного дня терпимости. Правда уроки толерантности напрочь отсутствуют в школах национальных республик, в центрах по работе с мигрантами; нет ее ни в кругах диссидентских, ни в рамках действий некоммерческих политических организаций, да и в диаспорах-анклавах, куда съезжаются многочисленные «родственники» из бывших советских республик и

³⁹ Госдепартамент США запретил использовать слова «мама» и «папа» - [Электронный ресурс] – Код доступа: <http://mirvam.org/2011/01/21/>; О «запрете» слов «отец» и «мать» Советом Европы - [Электронный ресурс] – Код доступа: <http://www.drugoe.us/articles/32-propaganda/6491-mother-father>; В Англии запретили называть девочек «мисс», в Германии «фройльн», во Франции «мадемуазель». Якобы, это показывает семейную принадлежность. - [Электронный ресурс] – Код доступа: <http://otvet.mail.ru/question/70339620>.

⁴⁰ Проведение школьного праздника «День толерантности». - [Электронный ресурс] – Код доступа: <http://www.collection-scenariev.ru/5956-scenariy-prazdnik-tolerantnosti.html>

сопредельных с РФ стран никакой толерантностью не пахнет.

В статье «Здравствуйте, доктор Геббельс» С. Львовский, рецензируя альманах «Беспощадная толерантность», написал, что после чтения этой книги «хочется не просто вымыть руки с мылом, а пройти, по возможности, полную санитарную обработку». Однако вспомним, в медицине, толерантность — это неспособность организма сопротивляться инородному телу. Абсолютная толерантность организма — это его смерть.

Не обернется ли эта «полная санитарная обработка» — смертельно опасным иммунодефицитом нации в масштабах страны?

Литература:

Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. / Пер. с англ. / Общ. ред. В. С. Магуна. — М.: Аспект Пресс, 1998.

Аронсон Э., Пратканис Э. Механизмы убеждения. — СПб: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл. 2007.

Аттали Ж. Карл Маркс. Мировой дух. М., 2008.

Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. — Москва: Прогресс, 1986. — с. 330—342.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 2004

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности/ П. Бергер, Т. Лукман. — М., 1995

Бжезинский З. Великая шахматная до-

ска. - М.: Междунар. отношения, 1998.

Бовин А.Е. Пять лет среди евреев и мидовцев/ Записки ненастоящего посла. — М.: Захаров, 2004

Бодрийяр, Ж. Система вещей / Рус. гуманитар. Интернет-ун-т. М., 2001. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/bodriyar_sistema

Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства // Ясперс, К. Призрак толпы / К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. М. : Алгоритм, 2008.

Бондаренко Д. М., Деминцева Е. Б, Кавыкин О. И., Следзевский И. В., Халтурина Д. А. Образование как фактор утверждения в обществе норм этноконфессиональной толерантности в условиях глобализации (на примере России, Франции и Танзании)// История и современность, 2007- С. 153-183.

Бозэций. Комментарий к Порфирию. — В кн.: Бозэций. «Утешение философией» и другие трактаты/ Бозэций Аниций Манлий Торкват Северин. — М., 1990, — С. 73-74.

Воробьева О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации / Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ — 2003. — № 9 (202).

Выготский Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1986.

Гринин Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет. История и современность. № 1-2005. С. 6-31.

Грушин, Б. А. Масса как субъект исторического и социального действия // Рабочий класс и соврем. мир. 1984. № 5. С. 40.

Дергачев В.А. Глобалистика. — М.: ЮНИТИ - ДАНА, 2005

- Джеймисон, Ф. Постмодернизм и общество потребления. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm.
- Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, МГУ, 1997.
- Дробижева Л.М. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН; Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева М.: Институт социологии, 1998.
- Дугин А. Четвертая политическая теория, СПб, 2010.
- Дугин А. Радикальный субъект и его дубль: пост-антропология. - Курс лекций, прочитанный на философском факультете МГУ в 2006 г./ А. Дугин – Режим доступа: <http://www.evrazia.tv/content/leksiya-2-post-antropologiya>.
- Ефимов Е. Г. Теория роскоши Вернера Зомбарта // Научный потенциал регионов на службу модернизации. Астрахань: АИСИ, 2011. С.236-239.
- Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. — М.: Эксмо, 2004.
- Зомбарт В. Собрание сочинений: В 3 т. СПб.: Владимир Даль, 2005.
- Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия : эволюция научного мифа. М. : Интрада, 1998.
- Кузовков Ю.В. Мировая история коррупции. М.: Издательство Анима-Пресс, 2010
- Кузовков Ю.В. Глобализация и спираль истории. М.: Анима-Пресс, 2010.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс-академия, 1992.
- Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. – СПб: Питер, 2002.
- Лебон Г. Психология народов и масс, - М.: АСТ, 2000
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
- Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
- Майерс Д. Социальная психология. / Пер. с англ. — СПб.: Питер, 1996.
- Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения или изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода, с приложением нескольких исследований о надежде на отстранение или смягчение причиняемого им зла. - Петрозаводск: Петроком, 1993.
- Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб.: Питер, 2008.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд. / Маркс К. Капитал. Критика политической экономии (в 4 томах), 1968
- Милль Дж. О свободе (1859)/ Наука и жизнь. - 1993. № 11. с. 10-15; № 12. с. 21-26.
- Моль А. Социодинамика культуры. / Пер. с франц. — М.: Прогресс, 1973.
- Московичи, С. Машина, творящая богов / пер. с фр. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998.
- Негри А., Хардт М., Империя, М.: Праксис, 2004.
- Ольшанский Д.В. Психология масс. — СПб: Питер, 2001.
- Платонов О., Райзеггер Г. Почему погибнет Америка: взгляд с Востока и Запада. М., 2008, часть III
- Судас, Л. Г. Массовое сознание современного российского общества : автореф. дис. д-ра филос. наук. М., 1996.
- Тульчинский Г.Л. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы.

- (Российские исследования в гуманитарных науках. - Том 16); Тульчинский Г.Л. http://www.emory.edu/intelnet/fn_12_08.pdf Перспективы постчеловечности; The Edwin Mellen Press. Lewiston-Queenston-Lampeter. 2001. Науки о человеке в современном мире. Часть 1. Философский век. Т.21. СПб, 2002, – С.129-135.
- Тульчинский Г.Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы// Я. (А. Слинин) и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина/ Г.Л. Тульчинский. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.
- Турнье М. Лесной царь. - М.: Амфора, 2000.
- Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Психология масс. Хрестоматия, — Самара: Издательский Дом «Бахрах», 1998.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007, с. 46-51, 159, 206-220
- Чалдини Р. Психология влияния. — СПб.: Питер Ком, 1999.
- Чернов, Г. Ю. : 1) Социально-массовые явления как система // Актуальные проблемы социогуманитарного знания : сб. тр. каф. философии МПГУ. Вып. IV. М. : Прометей, 1999; 2) Чернов, Г. Ю. Социально-массовые явления : исследовательские подходы. Дубна : Феникс+, 2002. 208 с.
- Шабанов Л.В. Толерантность или игра в одни ворота// «Мы». Научно-публицистический альманах. Томск: ТГУ, 2003. С. 5-19.
- Шабанов Л.В. Метафора смысла и адиафора отражения / Л.В. Шабанов. // Вестник Томского государственного университета. – № 291 – Томск, 2006. (в статье рассматриваются качественные изменения в поле групповых идеологий, которые выражаются в качественной смене метафоры группы на адиафору, т.е., теряет смысл).
- Шабанов Л.В., Лапшин В.В. Пара «Толерантность – Интолерантность» как регулятор взаимоотношений этнических субкультур// Вестник ТГПУ. 2009. Выпуск 2 (80). С. 100-104.
- Шабанов Л.В. Молодежная субкультура (социально-философский анализ). - Монография/ ISBN 978-3-8473-9518-8. – Palmarium Academic Publishing. GmbH&Co.KG – Saarbrücken, Germany. – 2012.
- Шибутани Т. Социальная психология. / Пер. с англ. — Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
- Экман П. Психология лжи. — СПб.: Питер, 1999.
- Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000.

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Кашапов М.М., Коликова Ю.В. (г. Ярославль)

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАДСИТУАТИВНОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ ПЕДАГОГА С ТИПОМ ОПТИМАЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА КОНФЛИКТ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 13-06-00589а)

Аннотация: В статье представлено исследование надситуативного стиля мышления учителя. Рассматривается связь между надситуативным стилем мышления педагога и типом оптимального реагирования на конфликт.

Ключевые слова: надситуативный стиль мышления; тип оптимального реагирования; педагогическое мышление.

Summary: This paper describes a study suprasituational thinking style teacher. The connection between suprasituational style of thinking of the teacher and better response to the type of conflict.

Keywords: suprasituational way of thinking, the type of optimal response; pedagogical thinking.

Развитие творческого потенциала личности учителя — фундаментальное условие повышения качества учебно-воспитательной работы современной общеобразовательной и профессиональной школы. Анализ научной литературы показал, что о творческом характере деятельности педагога говорят практически все исследователи, занимающиеся психологией труда учителя. Ю.Н. Кулюткин отмечает, что подготовка учителя к педагогической деятельности как к творческому процессу является важной актуальной проблемой. Н.В. Кузьмина творчество педагога видит в том, что он проектирует личность ученика, принимает самостоятельные решения в неожиданных ситуациях, строит учебный процесс в соответствии с особенностями детей. М.М. Кашапов отмечает, что педагогическое творчество – активный процесс,

направленный на поиск более совершенных форм улучшения качества обучения и воспитания. Это такая педагогическая деятельность, когда педагог ничего не принимает слепо на веру, а все проверяет, исследует и на основе уже достигнутого проектирует и создает собственный опыт, совершенствует свое педагогическое мастерство. Многие исследователи (Д.В. Вилькеев, Ю.Н. Кулюткин, М.М. Кашапов, Л.М. Митина, Т.В. Огородов, Я.А. Пономарёв и др.) важнейшим компонентом творческого потенциала личности называют профессиональное педагогическое мышление. Особенности творческого мышления учителей складываются под влиянием требований, вытекающих из содержательного характера педагогического труда.

Творчески мыслящий учитель способен рисковать и принимать ответствен-

ность за своё решение. Творческий характер мышления предполагает видение проблемы, постановку и разрешение возникшего противоречия, умения анализировать творческие пути возможного решения проблемы, избирая наиболее предпочтительный из них. Педагогическое мышление рассматривается нами как высший познавательный процесс поиска, обнаружения и разрешения педагогической проблемности, выявления внешне не заданных, скрытых свойств познаваемой и преобразуемой действительности.

Творческое педагогическое мышление – это один из видов мышления, характеризующийся созданием нового продукта и новообразованиями в самой познавательной деятельности по его созданию. Образующиеся новообразования касаются мотивации, целей, оценок, смыслов выполняемой профессиональной деятельности. Творческое педагогическое мышление направлено на выход за пределы решаемой учителем задачи; на соиздание результата или оригинальных методов его получения на основе преобразования познанного. Результатом такого мышления является открытие принципиально нового, или совершенствование уже известного решения той или иной педагогической задачи.

Главное для творческого мышления – оригинальность, умение охватить действительность во всех ее отношениях, а не только в тех, которые закреплены в привычных понятиях и представлениях. Полное, всестороннее обнаружение свойств определенной области действительности обеспечивается знанием всех фактов, относящихся к ней, а также степенью эрудиции педагога. Отсюда вытекает огромная роль знаний и умений в

творческом мышлении.

На основе системогенетического анализа, разработанного В.Д.Шадриковым, нами были установлены важнейшие характеристики творческого профессионального мышления (типы, структура, функции, механизмы, свойства, закономерности, принципы, типы и стили). Выделен ситуативный и надситуативный стили педагогического мышления. Ситуативно-мыслящие учителя не умеют увидеть далекую перспективу; внешний локус контроля мешает объективно и полно проанализировать причины собственных неудач, провоцируя желание переложить всю ответственность и вину за происходящее на какие-либо внешние причины. Педагоги, имеющие надситуативный стиль мышления, способны наметить стратегию своей профессиональной деятельности, увидеть ее отсроченный результат, оценить свои успехи и неудачи. При этом неудачи будут рассмотрены как своеобразная ступень в повышении педагогической компетентности.

Цель работы: изучить взаимосвязь надситуативного стиля мышления педагога с типом оптимального реагирования на конфликт.

Задачи исследования: 1) осуществить теоретический и выявить специфику творческого профессионального мышления учителя; 2) выявить взаимосвязь надситуативного стиля мышления педагога с оптимальным типом реагирования на конфликт; 3) установить связь между надситуативным стилем мышления педагога и педагогическим стажем; 4) описать связь между оптимальным типом реагирования педагога и педагогическим стажем.

Общая гипотеза исследования: существует взаимосвязь между надситуатив-

ным стилем мышления и типом оптимального реагирования в конфликте.

Методы и методики исследования:

1) теоретический анализ литературы по проблеме; 2) психодиагностические методы: 1. Опросник «Выявление ситуативного/надситуативного уровня педагогического мышления» (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева). 2. «Диагностика ведущего типа реагирования» (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева). 3. Тест «Креативность» (Н.Ф. Вишнякова). 4. Опросник способностей творческой личности (М.М. Кашапов, О.А. Шляпникова). Методы статистической обработки эмпирических данных, включающие в себя ранговый коэффициент корреляции Ч. Спирмена; однофакторный дисперсионный анализ ANOVA; анализ достоверности различий с помощью критерия U–Манна-Уитни.

В исследовании приняли участие педагоги (70 человек в возрасте от 21 – 73 лет) города Ярославля.

Ранговый коэффициент корреляции Ч. Спирмена показал, что существует взаимосвязь между стилем надситуативного педагогического мышления и типами реагирования на конфликт «Агрессия», «Уход» и «Решение». Рассмотрим более подробно, т.е. чем выше стиль надситуативного мышления, тем ниже показатель типа реагирования «Агрессия». Тип реагирования «Агрессия» предполагает стремление отстаивать свое мнение, при этом открытое проявление недовольства, озабоченности, гнева, переживание при решении конфликтной ситуации. Реализация надситуативного стиля мышления предполагает стремление выйти за пределы конфликтной (проблемной) ситуации, постановкой познавательных задач. Педагог, имеющий высокий стиль надси-

туативного мышления может более объективно проанализировать конфликтную ситуацию, увидеть решение конфликтной ситуации, проанализировать свои действия и тем самым, сводя к минимуму использование такого типа реагирования как «Агрессия», который не предполагает объективной оценки конфликтной ситуации. Так же высокий стиль надситуативного мышления предполагает низкий показатель такого типа реагирования на конфликт как «Уход» реализация данного типа реагирования на конфликт говорит о том, что педагог в конфликтной (проблемной ситуации) больше полагается на других, боится взять на себя ответственность за принятие решения, не обращает внимания на свой прошлый опыт. Надситуативного стиль мышления предполагает не только объективную оценку ситуации, но и привлечение прошлого опыта для принятия решения. Учитель, имеющий высокий стиль надситуативного мышления может не только быть объективным в конфликтной ситуации, но и привлечь свой прошлый опыт, который может помочь при решении конфликтной ситуации, сводя к минимуму использование такого типа оптимального реагирования в конфликте «Уход», который характеризуется игнорированием прошлого опыта. Реализация оптимального типа реагирования «Решение» предполагает рациональное принятие решения, взятие на себя ответственности, принятие других точек зрения на существующую конфликтную (проблемную) ситуацию. Учитель, имеющий высокий стиль надситуативного мышления будет использовать такой тип оптимального реагирования в конфликте как «Решение» т.к. рациональный подход к проблемной ситуации, предполагает

взятие на себя ответственности за принятие решения и учет всех точек зрения на конфликтную ситуацию.

Ранговый коэффициент корреляции Ч. Спирмена по группам стажа выявил, что:

У учителей со стажем до 5 лет работы в школе существует взаимосвязь между стилем надситуативного педагогического мышления и типом оптимального реагирования в конфликте «Решение», т.е. чем выше стиль надситуативного мышления, тем выше уровень такого типа оптимального реагирования как «Решение». Это связано с тем, что молодой специалист на старте педагогической деятельности достаточно знает, он недавно закончил вуз, ему легче перенести ситуацию оценки. Он открыт восприятию нового в себе и в окружении, склонен к самоизменениям;

У группы учителей со стажем от 6 – 10 лет работы в школе существует взаимосвязь между стилем надситуативного педагогического мышления и типом реагирования «Уход», т.е. чем выше стиль надситуативного мышления, тем ниже уровень такого типа реагирования как «Уход». Это связано с тем, что учитель совершенствует арсенал методов и приемов обучения. Уменьшается количество конфликтов, связанных с потребностью педагога самоутвердиться в глазах коллег и учащихся, год от года повышается его профессиональная значимость;

У группы учителей со стажем от 11 до 20 лет работы в школе существует взаимосвязь между стилем надситуативного педагогического мышления и типом оптимального реагирования «Решение», т.е. чем выше стиль надситуативного мышления, тем выше уровень такого типа оптимального реагирования как «Решение». Это может быть связано с тем, что

учителя этой группы проявляют больший интерес к ученикам, умеют наладить конструктивные взаимоотношения с ними. Они реже, чем молодые учителя, используют требования, угрозы и наказания;

У группы учителей со стажем от 21 до 25 лет работы в школе существует взаимосвязь между стилем надситуативного педагогического мышления и типом оптимального реагирования «Решение», т.е. чем выше стиль надситуативного мышления, тем выше уровень такого типа оптимального реагирования как «Решение». Это может быть связано с тем, что учителя этой группы проявляют больший интерес к ученикам, умеют наладить конструктивные взаимоотношения с ними. Они реже, чем молодые учителя, используют требования, угрозы и наказания;

У группы учителей со стажем от 25 лет работы в школе существует взаимосвязь между стилем надситуативного педагогического мышления и типом оптимального реагирования «Решение» т.е. чем выше стиль надситуативного мышления, тем выше уровень такого типа оптимального реагирования как «Решение». Это может быть связано с тем, что учителя имеют наиболее богатый опыт, гибкость в поведении и в мышлении.

Однофакторный дисперсионный анализ показал, что существует взаимосвязь между педагогическим стажем и таким типом реагирования как «Агрессия», т.е. чем больше педагогический стаж, тем ниже уровень такого типа реагирования как «Агрессия». Это может быть связано с тем, что учителя, имеющие большой педагогический стаж имеют больше опыта и имеют больше знаний о том, какие стратегии следует применять в решении проблемных ситуаций. Так же можно

предположить, что данная взаимосвязь обусловлена возрастным критерием. Т.е. с возрастом педагог становится более равнодушным к провокациям и к конфликтным ситуациям.

Анализ достоверности различий (по критерию U-Манна-Уитни) выявил, что существует достоверность различий между группами учителей со стажем от 5 лет и от 11 – 20 лет работы в школе по типу реагирования «Агрессия» ($p < 0,05$). По типу реагирования в конфликте «Уход» существует достоверность различий между группами учителей со стажем от 5 лет, со стажем от 21 – 25 лет ($p < 0,05$) и со стажем от 25 лет работы в школе ($p < 0,01$). Это может говорить о том, что учителя с небольшим стажем работы зачастую используют дисциплинарные методы воздействия стараясь не поддаваться на провокацию учеников зачастую игнорируют проблемную ситуацию, а учителя имеющих больший стаж работы в школе стараются минимизировать дисциплинарные методы и стремятся к конструктивному общению с учениками.

Выводы:

Осуществлен теоретический анализ и описана специфика творческого профессионального мышления учителя.

Выявлена взаимосвязь между надситуативным стилем педагогического мышления и оптимальным типом реагирования на конфликт, т.е. чем выше стиль надситуативного мышления у педагога, тем выше уровень оптимального типа реагирования на конфликт.

Установлена связь между надситуативным стилем мышления и педагогиче-

ским стажем, т.е. стиль надситуативного мышления наиболее выражен у группы учителей имеющий стаж от 6 – 10 лет работы в школе. В процессе совершенствования учителем арсенала методов и приемов обучения происходит повышение его профессионального статуса и признания. Наименьший стиль надситуативного мышления выражен у группы учителей со стажем от 25 лет работы в школе. Это связано с тем, что у данной категории учителей проявляется система сложившихся стереотипов, устоявшихся норм профессиональной деятельности, демотивации к педагогической работе, что является существенным тормозом в его дальнейшей профессионализации.

Описана связь между оптимальным типом реагирования педагога и педагогическим стажем, т.е. у учителей имеющих стаж от 6 – 10 лет работы в школе уровень оптимального типа реагирования на конфликт выражен наиболее ярко. Возможно, это связано с тем, что у педагогов уже сформирован арсенал методов работы с учащимися и накоплен опыт работы. Уменьшается количество конфликтов, связанных с потребностью педагога самоутвердиться в глазах коллег и учащихся. Наименьшее выражен уровень типа оптимального реагирования на конфликт у учителей со стажем от 25 лет работы в школе, это связано с тем, что данная категория педагогов характеризуются невосприимчивостью к новому, нарушением конструктивных паритетных отношений с учащимися.

Козлов В.В. (Ярославль), Кузубова М.В. (Алматы)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Аннотация. В статье излагаются данные обширного социально-психологического исследования этнокультурной обусловленности отрицательных эмоций и эмоциональных состояний.

Ключевые слова: Культура, эмоции, национальность, образование, возраст, субъектность, род, эмигрант, эмоциональная идеология

Abstract. The article presents the vast socio-psychological research ethnocultural conditionality and negative emotion emotional States.

Key words: Culture, emotion, nationality, education, age, gender, subjectivity, emigrant, emotional ideology

Экспериментальных исследований, показывающих этнокультурную обусловленность отрицательных эмоций и эмоциональных состояний проводилось в течении шести лет. Выборка была организована на базе Алматинского Национального педагогического Университета им. Абая; частных фирм г. Алматы, Новосибирска, Новокузнецка (1300 человек, 803 мужчины и 497 женщин), собравших с себя людей разных национальностей 2-3 поколения проживающих в больших городах и идентифицирующих себя с определенной национальностью формально, в г. Жаркенте в уйгурском районе алматинской области Республики Казахстан (580 уйгуров 200 мужчин и 380 женщин), живущих единым родом (всего уйгуров, живущих этническими группа в Казахстане по данным статистики 2500 тыс человек, нами был обследован целый поселок, сохранивший все системы родовых отношений.) коренные жители Алтайского края В исследования приняло участие 1513 алтайцев из них 527 мужчин и 986 женщин. Теленгитов 382. Алтай-кижи 1 - В исследования приняло участие 1513 алтайцев из них 527 муж-

чин и 986 женщин. Среди них теленгитов – 382, алтай-кижи 1 - 432, алтай-кижи 2 – 699, а так же нами были исследованы 320 семей эмигрантов из России (чеченцы, и проживавшие на территории Чечни), русские, Грузии (грузины, абхазцы) Армении (армяне) проживающие в настоящее время во Франции как минимум год, и претендующие на французское гражданство. Все семьи (как минимум один из членов семьи), посещают социального психолога в рамках социальной программы по работе с эмигрантами. Сроки посещения психолога колеблются от 6 месяцев и более. Испытуемые проходят социальную реабилитацию у социальных работников во Франции в небольших городах Блуа и Тур, в государственных госпиталях.

Нами были использованы следующие методы исследования – наблюдение, консультационная беседа, тестирование, анкетирование. Для реализации целей и задач исследования нами были использованы следующие тесты, опросники и анкеты (для уйгуров переведенные на национальный язык и прошедшие процедуру адаптации) :

Опросник пациента (проводился только на Алтае в рамках исследовательской программы Новокузнецкого ГИДУВа);

Тест Спилбергера–Ханина. Тест для самооценки личностной тревожности (как устойчивой характеристики) и ситуативной тревожности, разработанный Ч.Д. Спилбергом и адаптированный Ю.Л. Ханиным.

Шкала Цунга.

Проективная методика «Рисуночных ассоциаций» С. Розенцвейга Для обработки и анализа полученных данных нами были использованы качественные и количественные (Факторный анализ осуществлялся нами при помощи компьютерной программы «SPSS 11.0 for Windows» Для сравнения правильности результатов, факторный анализ проводился двумя методами: Principal components; Principal axis factoring)

Анализируя данные нашего исследования мы можем выделить три статистически отличающиеся друг от друга группы. Все различия значимы на 5% уровне значимости.

Первая группа это городские жители (минимум в двух поколениях). Эта группа выделяется даже несмотря на то, что в нее попали люди различных национальностей – русские, казахи, киргизы, греки и т.д.

Вторая группа – это этнические группы, проживающие общинно, соборно, в рамках своего рода, на ограниченной территории – и здесь, не смотря на разные территории и отношение к разным этносам выделяют как единая, по данным исследования: группа – алтайцы + уйгуры.

Третья группа, показавшая не сходные с другими результаты это эмигранты, выехавшие из различных стран СНГ не

более одного года назад на момент исследования.

Если сравнивать представителей этнической культуры с представителями городской культуры, то уровень образования отличается кардинально. Что для представителей городской культуры естественно (закончить школу, поступить в институт), для алтайцев, например, скорее исключение из правил, не многие получают даже неполное среднее образование. Это относится прежде всего к женщинам, у которых в этнических культурах уровень образованности ниже, чем у мужчин. Так же здесь в обоих методах можно выделить признак пола и признак, связанный с проявлением соматических реакций на психологические раздражители, по большому счету речь идет о проявлении психосоматики. Телесная реакция на чувства значительно увеличивается с образованностью, а образование у женщин выше в среднем чем у мужчин. Мы можем по данному фактору говорить о том, что уровень образования влияет на искреннее проявление эмоций, чем выше образованность, тем выше тенденция манипулирования чувствами, подавления их, что заставляет людей их подавлять или реагировать при помощи болезненных телесных реакций.

Во втором факторе доминируют признаки: семейное положение, возраст, тенденция к подавлению чувств, и их эмоциональному отреагированию. Связаны они следующим образом. С возрастом растет число состоящих в браке, в то же время усиливается и признак «психосоматика» и «тревожность». Чем старше становится человек, тем для него более свойственно опосредованное проявление эмоций. Это относится и к мужчинам и к

женщинам. С возрастом понятие искренности чувств во всех культурах начинает заменяться понятием «мудрость».

Таким образом, признак «психосоматика» и «тревога» возрастает с увеличением возраста, у женщин, у образованных людей. А так как у нас признак образования четко коррелирует с принадлежностью человека к этнической группе, именно там самый низкий уровень образования, и увеличивается (уровень образования) у представителей городской культуры, то мы можем предположить что психосоматические реакции на трудные ситуации в большей степени характерна именно для городских жителей. Следует отметить, что у коренных жителей Республики Алтай и уйгуров этот признак менее выражен, чем у других.

Ситуационная тревожность возрастает у людей образованных, в то же время личностная тревожность растет у людей с низким уровнем образования людей. Так же как и в первом случае, в нашем исследовании, это означает ситуационный характер тревоги у представителей этнико-родовых систем, и формирование и повышение личностной тревоги у жителей города, как бы ее тревоги интериоризация, от реакции на ситуацию до ощущения жизни тревожной.

Второй и третий факторы в обоих методах можно прокомментировать следующим образом. В обоих методах по третьему фактору выделяются два признака – возраст и семейное положение. И, как и в случае первого теста, здесь результат однозначен: с увеличением возраста семейное положение меняется в сторону либо «состою в браке», либо «вдовец/вдова»(что встречается реже). Далее факторы становятся несколько различными

в зависимости от метода. Например, в случае метода «Principal components» во втором факторе так же выделяются признаки «возраст» и «семейное положение», которые можно объяснить как это сделано выше. Здесь же выделяются признаки «пол», «ситуативная тревожность» и «личностная тревожность». Это можно прокомментировать следующим образом: у большинства женщин с возрастом возрастает оба вида тревожности и ситуативная и личностная, у мужчин возрастает личностная тревожность, а ситуативная снижается. У мужчин с возрастом все меньше не понятных ситуаций, способных вызывать сильные чувства, возможно различия следует искать в содержании гендерных ролей. Аналогично у мужчин. Во втором факторе в случае метода «Principal axis factoring» выделяются только признаки «пол», « ситуативная тревожность » и « личностная тревожность». Но их количественные показатели совпадают с тем, что было в первом методе и интерпретация точно такая же.

Если рассматривать отдельно факторы, полученные по каждому методу, то можно из первого фактора первого метода и/или из второго фактора второго метода сделать вывод, что тревожность растет с переходом к началу шкалы наций. То есть у жителей города тревожность выше, а у жителей родовых культур ниже. Это может быть связано с меньшим уровнем личной ответственности у жителей родовых систем, где вектор ответственности направлен во вне, где полная ответственность лежит на роде в целом, а отдельный человек есть лишь часть родовой системы, и соответственно, поводов для тревоги нет, наблюдается внешний локус контроля.

Для представителей «жидких» систем локус контроля внутренний, и ответственность за то, что происходит лежит на одном человеке. Соответственно уровень напряжения не соразмерим с уровнем напряжения человека в родовой структуре, а соотносится с уровнем напряжением всей системы в целом. Можно сказать, что человек в городской культуре « Сам себе система». А из второго фактора по второму методу делаем вывод, что депрессия присуща более образованным людям: «Многознание умножает печали наши». Если рассматривать образование как некую логику понимания мира и формирование навыков его (мира) анализа, а так же учесть не холистичность этого знания, то можно предположить, что сильные чувства, сопровождающие депрессии (здесь не имеется в виду клинический диагноз) могут вызываться именно не сопричастностью к миру, так как анализ предусматривает некое «препарирование» анализируемого объекта.

Так же как рефлексия может вызывать болезненные чувства, например, в процессе психотерапии, мы считаем, что высокий уровень отрицательных чувств коррелирует с уровнем образованности, так как система знаний в образовании отрицает эмоциональную составляющую, и где то противопоставляется человеку. Есть человек, а есть чистое знание, и не смотря на актуализацию проблемы субъектности вообще и субъективации научного знания это, на сегодняшний день, лишь дискуссия, а образовательные системы до сих пор исповедуют принципы механистичности «машинности» человека и рассматривает знание как когнитивный феномен. В этом смысле образование еще и противопоставляется картине мира

в этнических системах. В них человек включен в космогоническую структуру, он важная часть мира, а не противопоставляется ему. В родовой картине мира человек включен мир, часть мира он чувствует так же как мир.

Из первого фактора по первому методу можно сделать заключение, что с возрастом депрессия у некоторой части возрастает, а из первого фактора второго метода следует, что с возрастом несколько повышается тревожность.

Анализируя данные мы можем выделить следующие закономерности: экстрапунитивные реакции, при которых требуется, чтобы кто то другой взял ответственность на себя в разрешении трудных ситуаций, характерны для для этно-родовых систем, а так же для списка «эмигранты», то есть речь здесь идет о внешнем локусе контроля и стремлении перенести ответственность за разрешение ситуаций на других.

Граждане бывшего Союза, эмигрировавшие во Францию из городских культур, и добывающиеся гражданства, начинают демонстрировать формы этно-родового поведения, даже более ярко выраженные и где-то утрированные, по сравнению с собственно этническими группами. Они начинают демонстрировать ценности, связанные с общностью, клановостью, семейственностью, четко следуют ритуалам, демонстрируют откат к религиозности. Наблюдается делегирование полномочий, возникает ощущение, что по отдельности эти люди просто перестают существовать, опять группа становится субъектом деятельности, а один человек теряет способность ориентироваться вне группы. В такой ситуации достаточно искусственно создается образ внешнего

пространства как агрессивного, недружественного, которое ополчилось против эмигрантов, и так как это прежде всего государственные организации – социальные институты, то возникает иллюзия давления именно со стороны государства, и в ответ противопоставляется жесткая, иерархичная семенно-родовая структура с жесткой системой традиций. Происходит как бы исторический, временной откат к тем временам, когда Европа переживала смену этнико-родовых систем системой государства, и диссонанс возникает с обеих сторон – эмигрантов, вынужденных возвращаться к более устойчивым моделям, как более понятным моделям поведения и реагирования во фрустрирующих ситуациях и государственной системы, воспринимающей процесс адаптации как нарушение правил, не желание следовать установленным законам. Возможно эти же процессы наблюдались в странах СНГ после развала СССР – развалилась смыслозадающая система, и приходится возвращаться или начинать пользоваться теми системами смыслов, которые были проверены не одним поколением. Отсюда интерес к традициям, укрепление позиций различных религиозных конфессий.

Демократическая идеология выражает собой достаточно высокий уровень развития субъектности людей – массовые претензии на участие в управлении социумом. Формирование субъектности личности как стремления индивидов к организации деятельности было следствием глобальных изменений в организации целостного Субъекта природы. От первоначальной растворенности своей деятельности в едином гео-биосферном процессе человек переходил к психоло-

гической организации деятельности. Он постепенно забирает у природы функцию организации и локализовал субъектность в своей личности.

Таким образом, жидкие системы концентрируют субъектность на индивиде, индивид проходит путь индивидуализации, этно-родовые системы являются носителями «десубъектности», с растворением конкретного человека в родовой группе.

Идея субъектности напрямую связана с локусом контроля, и в «жидких» структурах вектор ответственности – внутренний, это ярко видно на примере западных научных, религиозных, психотерапевтических концепций, и принятие ответственности за себя, свою жизнь является базой социального обустройства западного общества. В этнических и родовых системах отдельный человек не является субъектом собственной деятельности – вектор ответственности направлен во вне, на группу, к которой человек принадлежит. И потому эти два типа общества выстраивают совершенно различные системы понимания, и соответственно, к ним применимы совершенно разные психотерапевтические подходы. У европейца внутренний мотив интериоризирован, в то время как мотив у народов живущих в этно-родовой системе в окружении самооценки и, как следует из нашего исследования, проявление отрицательных эмоций зависит от окружающих.

Именно западные психологические модели выстраиваются как системы работы с ответственностью, принятием ответственности на себя, формированием автономии человека от социума. Ответственность в таких культурах соотносится с свободой, в логике нет свободы,

поскольку в ней все подчинено жестким правилам силлогизма. Негры, арабы, грузины, чеченцы и армяне, попадающие в европейские страны, в частности во Францию сталкиваются со сложностями адаптации, с не меньшими сложностями сталкиваются социальные службы и психологи, вынужденные работать с этими категориями эмигрантов. На наш взгляд основная сложность заключается именно в столкновении различных типов этнических и социальных групп, различных типов общества. И все (100%) психологов, работающих с ними, описывают терапию с этими людьми как низкорезультативную или безрезультатную. Более того, на определенном этапе консультирования, у психолога теряется понимание смысла консультации. Материал терапевтических сессий показывает, что пациенты часто меняют описание проблемы, саму проблему, и не нацелены на достижение результата, складывается ощущение, что приход к психологу имеет целью не терапию, а что-то другое.

Неэффективность процесса консультирования в данной ситуации заключается в том, что основной целью прихода на консультацию является своеобразная защита своей семьи рода и тех базовых мотивов, которые позволяют сохранять свою родовую принадлежность, а следовательно, и целостность. Демонстрация себя как лояльных новых граждан страны, поддерживающих существующее положение вещей формирует стратегию, когда на «терапию» отправляется один член семьи, как ее представитель. Защита рода семьи заключается в получении документа, о том, что данный человек прошел терапию и соблюдает все формальности. Следует помнить, что в России существу-

ет своя особенность, связанная с чрезмерной значимостью этнокультурного фактора. В Казахстане этнокультурному фактору придавалось особое значение — от паспортной записи до государственно-административного устройства.

Семья как бы делегирует одного из «своих» для прохождения терапии. Терапевтическая проблема обычно формулируется как позволяющая при видимой проблематичности не потерять лицо, именно поэтому в течении одной сессии клиент может проговорить до 5-6 вариантов различных проблем (если учесть, что речь не идет о первичной консультации, то смена проблематики делает работу психолога просто невозможной). Подобный клиент пытается вызвать эмпатийное сопереживание как традиционный способ поддержки в этом типе культуры, и когда эти потребности сталкиваются с рациональной позицией консультанта, возникает, в лучшем случае, непонимание.

Мощной тенденцией функционирования такой семьи на территории страны с другой культурой является, как бы откат к корням, к формам существования, отработанным многими поколениями, что выражается в более строгом соблюдении традиций, и укреплении родственных связей, которые начинают распространяться на представителей данной национальной группы вообще. Возникают стойкие диаспоры, которые практически не ассимилируются новой культурой. Представители диаспоры медленно овладевают языком, или не овладевают вообще. Здесь тоже сохраняется тенденция представительства — от семьи кто-то учит язык, кто-то консультируется у психолога и т.д. Рефлексивная западная культура сталкивается с эмпатийной этнической.

Приоритеты семьи и рода сталкиваются и жесткой индивидуальной ответственностью, доверие с формализацией контактов. И когда речь идет о несоответствии подобных культурных нюансов, больше возможностей для решений, безусловно у более варибельной культуры.

В группе, построенной на этнородовых системах отношений в рамках нашего исследования были выделены следующие факты.

Во первых, нами наблюдается особенность в проявлении эмоций – все чувства должны быть публичными, доступными и понятными для окружающих. Так, например в этой группе статистически несущественно проявление личностной тревожности - это скорее не типично - внутреннее, глубоко в себе переживаемое чувство. А вот ситуативная тревожность с внешней демонстрацией, наоборот, допустима и напрямую коррелирует с полом и возрастом – проявляют в основном мужчины в возрасте от 27 до 35 лет, и женщины с 18 до 22-23.

С возрастом тревожность уменьшается и у мужчин у женщин в связи с четким определением своего места в родовой системе. Женщины выходят замуж и приобретая статус хранительниц очага, и начинают передавать традиции своим детям, для того чтобы это делать, необходимо быть твердо уверенной в незыблемости этих традиций, приходит понимание их необратимости а в месте с этим понимание своего места в системе. Если до замужества в родовых системах девочки, практически не включены в жизнь группы, их даже не считают членами той семьи, в которой они растут, то выходя замуж она становится как бы статичным и надежным центром мира.

Для мужчины приобретаемый в роду статус прочно тоже прочно связан с семьей и рождением сыновей, и безусловно, со способностью мужчины содержать семью. Основной выбор стратегии в проявлении чувств – «что обо мне подумаю другие» и «будет ли прилично, правильно, то что я чувствую». Чувства носят «правильный» характер и жестко структурируются и облекаются в социально приемлемую форму родовыми нормами и правилами. Чувство считается социально приемлемым если оно публично, демонстрируется всем. Именно поэтому, в родовых культурах, события, способные вызвать сильные положительные или отрицательные эмоции ритуализируются и носят массовый характер. Ориентация на других членов рода тотальна, и отдельно от рода человек себя не осознает, не мыслит и не принимает [1]. Именно потому, по данным теста Розенцвейга, испытуемые из этой группы в неоднозначных ситуациях призывают на помощь кого то третьего. Так типичным ответом на ситуации 5, 6 7 8 9 12 13 16 для этой группы является «давайте не будем ругаться и попросим кого –нибудь разрешить нашу ситуацию» - те есть помощь ожидается от третьего лица - обычно обращение к помощи какого либо старшего или знающего человека – экстрапунитивные реакции с фиксацией на разрешении ситуации. Человек часть рода, и он род выступает по отношению к нему и его чувством смыслозадающим субъектом. По большому счету человек в этнородовой системе не является субъектом в современном понимании этого слова, так как основные функции – целеполагания, смыслозадания, контроля, регулирования поведения, в том числе и эмоционального берет на себя родовая группа, посредством ритуалов, обрядов,

традиций. Функции «передатчиков» родовых смыслов налагаются на старейшин и женщин. Человек с рождения включается в мифологическое пространство рода, где точно обозначены истоки рода – тотемы, аруахи, где описывается динамика рода, легенда рода, где человек – шаг за шагом приобщается к основным понятиям и традициям рода посредством ритуала.

Для расширения картины понимания при интерпретации теста Розенцвейга нами были применены система, разработанную Элизаром (1949). Ответы соотносятся с шестью категориями, отражающими некоторые аспекты враждебности: негативные установки или эмоции; предметы, используемые в агрессивных целях; описания враждебного, злобного или агрессивного поведения; символические ассоциации с агрессией; амбивалентности или двусмысленности; нейтральные ответы, а так же система функциональных ролей, разработанная В. К. Шабельниковым и адаптированная к тесту Розенцвейга в диссертационном исследовании.

К функциональным ролям относятся Субъект – потребитель, Субъект – исполнитель, Субъект - оценщик, Субъект – координатор, которые могут применять две стратегии поведения аккомодации – подстройки, и ассимиляции – поглощения, по сути агрессии. Стратегии могут иметь внешнюю направленность – на другого, и внутреннюю – на самого себя.

Исходя из анализа экспериментальных данных, мы можем выделить следующие статистически значимые и устойчивые тенденции. Здесь тоже выделяются три различные группы, которые по типам реакции komponуются как этнические, городские и эмигранты.

Для группы этнических систем Субъекты координаторы и оценщики – это обычно значимая группа или человек старше выстраивающий систему координации и оценки по типу ассимиляции – достаточно жестко прерывая тенденции, не соответствующие групповым нормам, и оценивая фрустрирующие ситуации таким образом, что если человек публичен в проявлении своих чувств, признает приоритет группы семи окружения то стресс от данной ситуации как бы растворяется в группе, группа берет на себя ответственность за происходящее. Так же проявляется жесткий двойной старндарт, который условно можно выразить «Наш – не наш». Позиция «Не наш» воспринимается как инородное тело, как то что разрушает, и в то же время постановка в такую позицию человека из своего рода самое страшное наказание. В тесте Розенцвейга такие позиции применялись для манипуляции с целью сохранения единства группы. Например если ты это сделаешь – не сделаешь ты мне больше не сын, не дочь и т.д.» то есть по сути это звучит как «если ты это делаешь ты наш, нет - не наш». Такие реакции довольно типичны для этнических групп в ответах на ситуации 2., 4, 8, 9, 13, 14, 15, 20, 21, 23. Причем такие формулировки ответов вообще не встречаются среди жителей города, для которых родовые связи разрушены или достаточно формальны, да и категории наш не наш для города практически трудно выделены. Если по отношению к «своим» в этнических групп демонстрируется стратегия ассимиляции, поглощения группой отдельного человека, и приведение его к целостной групповой структуре, то для «чужих» внешних по отношению к группе демонстрируется стратегия аккомодации - внешней пристройке. Следует отметить,

что вопрос А этот человек наш или пришлый – постоянно звучал при заполнении тестового материала в этнических группах. Практически все испытуемые пытались выяснить степень родства между участниками изображенной ситуации, комментируя, что «это совсем разные вещи», то есть совсем различные реакции по отношению к своим или не своим, и не удовлетворяясь ответом экспериментатора, просто подписывали кто есть кто исходя из вероятности кто это может быть. В стимульном материале представителей этнических постоянно встречаются поименования типа это мама и сын, две подруги, друзья и т.д.

Для городских групп можно выделить следующие закономерности. Важным, что кардинально отличает эту группу – высокий уровень принятия на себя ответственности за фрустрирующую ситуацию. Практически 78% ответов испытуемых этой группы можно отнести к интропунитивным реакциям различной направленности (с фиксацией на препятствие, на защите, на разрешении ситуации). Следует отметить вариативность оценок – они здесь располагаются не в диаде плохо-хорошо, а имеют множество оттенков и желание «дойти до самой сути» понять причину возникшей ситуации. Показатель вариативности оценок в городских группах коррелирует (0,57 коэффициент линейной корреляции Пирсона, 5% уровень значимости) с уровнем образованности – чем выше образование тем сильнее тенденция к рационализации ситуации. Вообще для представителей этой группы характерна не непосредственная реакция – а тенденция к рационализации, анализу, выяснению причин. Вместо проявления чувств испытуемые приводят причины, по которым эта ситуация случилась.

Вторая тенденция это не проявление чувств а как бы их выплескивание. Когда минимальный стимул (подруга опаздывает на 10 минут) вызывает неадекватно бурную реакцию с использованием ненормативной лексики (при предварительной просьбе, стараться избегать бранных слов). Сталкиваясь с фрустрирующей ситуацией городской человек использует различные способы ее, ситуации ассимиляции от нивелирования (разрушения значимости ситуации) до прямой агрессии на самого себя или ситуацию. Происходит очень интересный момент, заключающийся в том, что вместо проявления чувств, люди из этой группы пытаются разрешить эмоциогенную ситуацию посредством когнитивных механизмов. Возникает ощущение внутренней свернутости эмоциональных процессов. Своеобразная их интериоризация, большинство ситуаций переживаются внутри, а во вне демонстрируются более социально приемлемые способы реагирования – рефлексия, возможная причина, рационализация. Можно сказать, что рефлексия является своеобразной формой внутренней агрессии, аутоагрессии, проявляющейся в применении по отношению к себе жестких ментальных схем.

Для эмигрантов реакции в целом похожи на реакции представителей этнических групп, с несколькими статистически значимыми отличиями, первое – не отдельные люди а целый мир воспринимается как «чужой» характерны ответы «все против нас» «как всегда не повезло» «Как обычно мы будем еще долго это разгребать». Второй сличительный пункт к «своим» относятся только самые близкие кровные родственники, то есть небольшая семья – то есть род сужается

до «Папа, мама и ребенок». Здесь очень трудно определиться с типом реакции так как внешне показывается аккомодация – подстройка под новые условия, а внутренне проявляется жесткая агрессия по отношению к новой культуре

Из данных исследования видно, две основные большие группы испытуемых - этнические группы и представители смешанной городской культуры – показывают разные стратегии реагирования в фрустрирующих ситуациях, и кроме того, считают фрустрирующими абсолютно разные ситуации. Для представителей этнических групп фрустрирующими являются ситуации «публичного позора» 2, 6, 7, 10, 14, 16, 20, 21, 22 - мы определяем их таким образом, потому, что в реакциях испытуемых этнической группы на эти ситуации это слово встречается достаточно часто. Эти ситуации можно отнести к такому типу, где на промах человека указывается публично. Ситуации, связанные с родственными отношениями 11, 17, 23, 24 - вообще не расцениваются как фрустрирующие – указать на ошибку внутри семьи, обвинить в потере какой либо вещи внутри семьи – норма, не требующая включения отрицательных чувств. Эти ситуации настолько допустимы и привычны, что самый распространенная реакция – звучит так: «а что здесь такого?» и оформлена не как реакция на ситуацию а скорее как недоумение, 44% испытуемых этнических групп вообще проигнорировали эти ситуации, несколько человек пояснили, что не обсуждают семейные дела с посторонними. Для «городской» группы семейные ситуации вызвали как раз самую яркую негативную эмоциональную реакцию от «сам(а) дура» до «пошел ты...». Если предположить,

что фрустрирующими являются ситуации максимально не ясные, не понятные, требующие включения ориентировочной деятельности, то для «городской» группы максимально напряженными являются семейные контакты, а та же ситуации «ущемления» где человеку предлагается подождать, прийти позже и т.д. (5, 6, 9, 13, 14, 15, 18, 19, 23).

Во всех культурах эмоции считаются тем, что необходимо контролировать, и от чего необходимо избавляться, иногда, даже вектор эмоции положительной или отрицательный не играет большой роли. Для каких то социальных групп приемлемой считается публичность проявления эмоций – например, страдание при горе у многих этнических культур должно носить внешний, направленный на окружающих характер [2]. Многие культуры предлагают технологии перевода особенно отрицательных или сильных эмоций в религиозные чувства, какие то справляются при помощи рефлексии, какие то при помощи подавления. Но особенно интересно, как отреагируют эмоции и эмоциональные состояния, люди, чьи традиционные культуры или идеологии разрушаются, переходят в другое состояние, находятся в кризисе. Такая ситуация возникает у коренных алтайцев. В исследования приняло участие 1513 алтайцев из них 527 мужчин и 986 женщин. Теленгитов 382. Алтай-кижи 1 432, Алтай-кижи 2 – 699. распространенность тревожных нарушений среди женщин в 1.5 раза выше чем у мужчин и у женщин встречаемость повышенного уровня тревожности в 8.3 раза чаще чем у мужчин.

Особенности проявления тревожности таковы, что из-за потери культурной схемы, большая часть исследованных ал-

тайцев проявляет тревожность на уровне соматических нарушений. При этом чаще всего при высоком уровне тревожности и тревожных нарушениях встречаются заболевания щитовидной железы (50%), заболевания органов пищеварения (39.3%) заболевания сердечно сосудистой системы (25%) и заболевания органов дыхания (17.9). все данные достоверны на 5% уровне значимости ($p < 0.05$) Можно предположить, что при нестабильности социальной ориентировки и дестабилизации социальной ситуации, связанной с разрушением прежней системы человек, уходит в соматическое отреагирование значимых для него отрицательных эмоциональных состояний.

Так как во всех трех выделившихся в ходе анализа группах была отслежена корреляция между группой (этно-родовой, городской, эмигранты) и способом проявления эмоций и отрицательных эмоциональных состояний, мы можем предположить, что стратегия их проявления задается стандартами и ценностями группы – можно выделить значимые тенденции – в этнических группах проявление эмоций, особенно отрицательных должно носить публичный характер, и подтверждается ритуалами нормами и правилами поведения. В городских культурах эмоции носят интериоризированный характер, переживаются внутри, а внешне выливаются в рациональные рефлексивные формы. Для людей, меняющих культурную среду, эмигрантов является характерной стратегия выбора более старой, и соответственно устойчивой стратегии поведения – своеобразный «откат к корням»

Таким образом, жидкие системы концентрируют субъектность на индивиде, индивид проходит путь индивидуали-

зации, этно-родовые системы являются носителями «десубъектности», с растворением конкретного человека в родовой группе. Идеология в любой системе помогает обеспечить выживание групп и индивидов, соизмеряя потребности индивидов и групп с ресурсами, доступными для удовлетворения этих потребностей. Это правило обычно верно, говорим ли мы о примитивных культурах с малыми ресурсами и ограниченной технологией, или о современных, урбанизированных культурах, которые а фонемы - с аспектами языка, специфичным для конкретной культуры и языка. Берри был одним из первых, кто использовал эти лингвистические понятия для описания универсальных аспектов поведения в противоречивом культурно относительном [3].

Двойной стандарт поведения в этнической культуре для себя и других стратегия есть я и есть не я - чужой. Основной регулятор общества - идеология, мировоззрение, религия - то что формирует нормы морали в данном обществе, то, что по сути выполняет психологическую функцию контроля. Контроль может задаваться во внешней среде за счет ритуалов традиций, ритуализированных правил, и тогда функция контроля полностью принадлежит социальной группе и одному человеку нет необходимости брать на себя ответственность за правильность собственного поведения - это полностью делает группа - и тогда подобная группа должна иметь веские основания жить совместно по одним правилам и ритуалам, ритуалам, несущим четко заданный смысл каждому члену группы, ритуалам подчеркивающим значимость всех аспектов бытия человека именно в данной группе

Человек в отличие от животного не

имеет заданных систем смыслов и создает опосредованные системы смыслозадания. Идеология выступает как схема решения разного уровня этических проблем от дихотомических плохо-хорошо, до более сложных. Идеология эмоций разрешает, структурирует и контролирует эмоции, соотнося чувства и состояния, особенно отрицательные с вопросами безопасности группы, создавая своеобразную защиту от разрушающих чувств. Выполняя одну и ту же функцию в разных типах групп она может меняться содержательно, в зависимости от целей и особенностей группы.

Наше теоретическое и экспериментальное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В силу чрезвычайной важности проблемы регуляции эмоций и эмоциональных состояний социумом, а так же представленностью на территории стран СНГ неразрушенных этнических культур, представляющих значительный процент общего населения стран, достаточно большое количество жителей больших мегаполисов, проживающих там не одно поколение. А так же явная тенденция «отката к корням» и актуализация родовых систем и способов поведения, делает постановку вопроса о «эмоциональной идеологии» актуальной. В настоящее время наблюдается некоторая «потерянность» в чувствах, дезориентация в стратегиях их выражения, то что мы видим можно назвать «поисковой реакцией», для выхода из которой можно А)обратиться к уже веками отработанной стратегии коллективного переживания (этнико-родовые системы) Б) выработать стратегию «перевода» эмоций в рефлексию, научиться их осознавать. «эмоциональная идеология»

решает именно вопросы стратегического регулирования эмоций со стороны социума, отвечая на вопрос как это происходит.

2. Существуют единые принципы функционирования «эмоциональной идеологии» - т.е. эмоциональные стратегии регулирования эмоций социумом, обеспечивающие, прежде всего, целостность, единство, защита и безопасность группы как субъекта. Содержательное наполнение «эмоциональной идеологии» зависит от миссии, целей, принципов, структуры группы, от ее, группы, «жидкости» или «жесткости».

3 Проявляются статистически значимы различия в 3 группах - этнических городских и группах эмигрантов по отношению к выбору способов отреагирования отрицательных эмоций, типов эмоциогенных ситуаций, а так же включенности или не включенности группы в процесс переживания чувств.

4. Для этнических групп характерно видение группы как субъекта, это подтверждается и другими исследованиями, например о формировании локуса контроля как внешнего в этнических группах внутреннего в городских, прохождения представителями этнических групп подросткового кризиса по включению в городскую среду, например при поступлении в ВУЗ, в городских культурах субъектом является конкретный человек, вынужденный самостоятельно делать выбор, в том числе и способ переживать чувства, и тем не менее социум все равно оставляет за собой очевидные функции контроля.

Культура сильно влияет на наши выражения эмоций при помощи правил проявления эмоций, усвоенных в культуре,

и дает нам представление о том, на что эти правила похожи. Именно поэтому мы выделяем термин «Эмоциональная идеология» как инструмент влияния культуры на эмоции. В современных исследованиях также делаются предположения о том, что в культуре приводит к отличиям в эмоциональных выражениях и почему. Учитывая, что большинство взаимодействий среди людей социальны по определению, мы должны предположить, что культурные отличия действуют при помощи правил проявления эмоций если не всегда, то почти всегда.

Чтобы понять, как люди в разных культурах выражают эмоции, мы должны понять, во-первых, какова общечеловеческая база у этих выражений и, во-вторых, какие виды правил выражения эмоций в культуре задействованы, когда мы выражаем наши эмоции.

Все различия в концепте и значении эмоции, указывают на не одинаковую роль, которая в культурах отводится эмоциональным переживаниям. Как только эмоции определены таким образом, ведущая роль эмоции - это сообщить о себе. Наше самоопределение - то, как мы определяем и идентифицируем самих себя, - обусловлено нашими эмоциями, т. е. личными переживаниями.

Культуры отличаются по роли и значению эмоций. Во многих культурах, например, считается, что эмоции - это показатели взаимоотношений между людьми и их окружением, будь то предметы в окружающей среде или социальные отношения с другими людьми. В то время как в мире есть много общего в концепциях и обозначении эмоций, существует также и много интересных отличий. Предполагают ли эти отличия,

что эмоции изначально несопоставимы в разных культурах? Некоторые ученые так и думают, причем чаще всего те, кто придерживается «функционалистского» подхода. По нашему мнению, во всех культурах существуют как универсальные, так и относительные аспекты эмоции. Эмоции - очень личный и, как можно доказать, самый важный аспект нашей жизни. Именно эмоции придают смысл происходящим событиям. Они сообщают нам, что нам нравится, а что - нет, что для нас хорошо, а что - плохо. Они обогащают нашу жизнь, придают окраску и смысл событиям и миру вокруг нас. Они говорят нам, кто мы такие и как мы ладим с другими людьми. Эмоции - невидимые нити, соединяющие нас с остальным миром, будь то происходящие вокруг нас события или люди. Эмоции играют настолько важную роль в нашей жизни, что неудивительно, что культура, невидимая составляющая переживаний, формирует наш эмоциональный мир. Хотя мы, вероятно, рождаемся с некоторыми врожденными способностями, такими как способность выражать и воспринимать эмоции на лицах, и способностью чувствовать эмоции, культура помогает нам формировать их тогда, там и таким образом, как мы их выражаем, воспринимаем и чувствуем. Культура придает нашим эмоциям смысл, независимо от того, воспринимаем ли мы эмоции как личное и индивидуальное переживание или межличностное, общественное и коллективное переживание с другими людьми.

В нашем исследовании мы показали, что способы выражения и выхода из эмоциональных состояний задаются типом социума и получили статистически значимые результаты, подтверждающие эту

гипотезу. Группы, которые выделились в нашем исследовании, этно-родовые и государственные, жидкие и жесткие, род и город не только соответствуют временной линии их формирования но и значительно различаются по способам отношения к эмоциям. Достаточно этот путь можно выразить от интерпсихического к интрапсихическому, от страдания к переживанию, от возможности пережить чувства с другими до сфокусированности чувств внутри себя. Интересно так же то, что человек меняющий культуру для устойчивости и укоренения демонстрирует более раннюю, более отлаженную и проверенную временем модель поведения в чувствах – модель интерпсихического переживания чувств, модель этно-родовой системы.

Разработан новый принцип влияния социальной группы на процесс возникновения протекания отрицательных эмоциональных состояний, названный нами эмоциональная идеология, что подчеркивает ее иницируемый и управленческий характер. Учитывая, что идеология вообще является стратегией культуры, следовательно эмоциональная идеология является способом культурного управления эмоциями.

Функционально эмоциональная идеология как стратегия управления эмоциями и эмоциональными состояниями формирует у человека социально приемлемые способы эмоционального реагирования и переживания чувств. Содержательно же стандарты задаваемые эмоциональной идеологией по отношению к чувствам разно-содержательны и зависят от типа группы и ее систем целей. Эмоциональная идеология формирует систему допуска и запрета проявления чувств исходя

из принципа «безопасность для группы».

Выделяя на макросоциальном уровне этно-родовые, государственные (городские) и переходные системы мы различаем кардинально различающуюся стратегию от интерпсихической к интрапсихической.

Выделение подобного параметра анализа эмоциональных состояний основывается на теоретических и эмпирических исследованиях, накопивших достаточный материал для углубления теоретических представлений о влиянии социальных механизмов на процессы возникновения, протекания и выхода из эмоциональных состояний, особенно отрицательных.

Мы получили данные о том, что термин идеология эмоций актуальным и оправданным. Этот механизм является способом управления культуры эмоциями. Дальнейший вектор исследования мы видим в изучении механизмов работы эмоциональной идеологии в микросоциальных группах.

Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. – М.: Психотерапия, 2007 – 528 стр.

Кузубова М.В. Психотерапевтическое взаимодействие разных типов культуры. // Материалы международного конгресса «Социальная психология XXI столетия» т.1: Ярославль, 2004, 5 стр.

Кузубова М.В. Психологические аспекты мифологического сознания. // Материалы Международной научно-практической конференции: сб. науч. тр., Новосибирск, 2006, 10 стр.

Петросян И.О. (Ярославль, Россия)

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ РЕБЕНКА

Аннотация. В статье рассматривается проблема семейных отношений как одного из определяющих факторов становления благополучной личности ребенка. Проблема психологического благополучия ребенка остается актуальной в наше время в свете деформации и динамики развития взаимоотношений среди поколений.

Ключевые слова: семейные отношения, психологическое благополучие, тип родительского отношения.

Family relations as a condition of psychological well-being of the child.

Petrosyan I.O.

Yaroslavl State University, named after Demidov, Russia

Abstract. The article considers the problem of family relations as one of the determining factors of formation of the happy child's personality. The problem of psychological well-being of the child remains relevant in our time, in the light of the deformation and dynamics of development of relations among the generations.

Key words: family relations, psychological well-being, type the parental relationship.

Семья остается уникальным посредником между интересами личности и общества, поэтому проблемы семьи всегда были в центре внимания социальных психологов. Неслучайно психологическое благополучие семьи стало предметом пристального внимания многих авторов (Л.Б.Шнейдер, В.С.Торохтий, М.А.Куртышова, А.Ф.Обухова и др.). [2]

Актуальность рассмотрения семейных отношений как фактора психологического благополучия ребенка определяется современными условиями семейного воспитания. Особенности взаимодействия ребенка с родителями, степень их отзывчивости, наличие эмоциональных связей и отношений привязанности оказывают влияние, как на протяжении всего периода детства, так и в дальнейшей жизни, являясь своеобразным эталоном построения его отношений с другими людьми.

Для полноценного развития личности ребенка в семье должны складываться благоприятные условия, которые напрямую зависят от сложившихся в семье детско-родительских отношений. С одной стороны, главной характеристикой родительского отношения является любовь, которая определяет доверие к ребенку, радость и удовольствие от общения с ним, стремление к его защите и безопасности.[1] С другой – родительское отношение характеризуется требовательностью и контролем. В этом конфликте заключается одно из самых сильных противоречий семейных отношений. От того, как строятся отношения в семье, какие ценности, интересы выдвигаются у ее старших представителей на первый план, зависит, какими вырастут дети. Глубокие контакты с родителями создают у детей устойчивое жизненное состояние,

ощущение уверенности и надежности. [5] Дети, растущие в атмосфере любви и понимания, имеют меньше проблем, связанных со здоровьем, трудностей с обучением в школе, общением со сверстниками, и наоборот, как правило, нарушение детско-родительских отношений ведет к формированию различных психологических проблем и комплексов.

В свете данной темы мы решили рассмотреть семейные отношения, родительское отношение как факторы психологического благополучия ребенка.

Цель нашего исследования – выявить влияние семейно-брачных отношений на особенности психологического благополучия ребенка.

Гипотезы. Мы предполагаем, что:

Определяющими показателями психологического благополучия развития ребенка младшего и старшего школьного возраста являются особенности родительского отношения и позитивность психологического здоровья супружеских пар.

Характеристика выборки и методик исследования.

Для обследования выборки были выбраны следующие методики:

1) опросник «Родительского отношения» (А.Я.Варга, В.В.Столина, 1988)

2) методика «Функционально-ролевая согласованность» (В.С.Торохтий, 2006)

3) методика «Устремленность на семейное долголетие» (В.С.Торохтий, 2006)

4) опросник «Самооценка личности» (В.В.Столин, 2002)

5) опросник «Методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению» (А.М. Прихожан, 2007)

6) социометрия. [4]

В исследовании принимало участие 240 испытуемых, из них 40 человек – учащиеся младших классов, 80 человек – их родители; 40 человек – учащиеся старших классов, 80 человек – их родители.

Методы математической статистики. Для обработки полученных данных использовался статистический, сравнительный и корреляционный анализ. Для выявления связей между выбранными показателями применялся метод ранговой корреляции Спирмена, поскольку распределение значений не подчинялось закону нормального распределения. Обработка данных исследования проводилась с помощью пакета STATISTICA.

Результаты и выводы.

Согласно полученным данным по младшим школьникам следует, что существует положительная корреляция между показателем функционально-ролевой согласованности матери и самостоятельности ребенка ($r=0,33$; $p<0,05$), т.е. устойчивость взаимоотношений в семье, которая исходит со стороны матери, влияет на чувство реальности ребенка и степень его самостоятельности. Так, создание благоприятной семейной атмосферы и стремление сохранить ее способствует развитию гармоничной личности: устремленность на семейное долголетие матери влияет на чувство гармонии, самоощущение ребенка ($r=0,31$; $p<0,05$) и уровень его тревожности ($r=0,39$; $p<0,05$). Кроме того, на гармоничность развития ребенка влияет кооперация, как тип отношения родителя, в частности, матери ($r=0,36$; $p<0,05$). Если ребенок чувствует поддержку, тепло со стороны родителя его психическое развитие будет соответствовать норме в данной возрастной группе.

Положительное влияние выявлено между показателем креативности и гневом школьника и типов родительского отношения со стороны матери – симбиоза ($r=0,37$; $p<0,05$; $r=0,31$; $p<0,05$) и авторитарной гиперсоциализацией ($r=0,31$; $p<0,05$). Это объясняет желание родителя разделять, но контролировать увлечения своего ребенка, тем самым, помогая ему развивать свои способности. Также присутствует положительная корреляция показателей социометрического статуса и эмоциональной экспансивности с типом родительского отношения симбиоз ($r=0,37$; $p<0,05$). У старших школьных наблюдается немного иная вариация корреляций. Так, показатель ФРС отца имеет влияние на показатели воли ($r=0,35$; $p<0,05$), креативности ($r=0,32$; $p<0,05$) и гармоничности ($r=0,38$; $p<0,05$) ребенка. На данные показатели влияет контроль со стороны отца ($r=0,34$; $p<0,05$), ($r=0,38$; $p<0,05$), как тип родительского отношения. Контроль также влияет на уровень тревожности подростка ($r=0,32$; $p<0,05$).

Также показатели устремленности на семейное долголетие отца имеет значимую корреляцию с показателями нравственности ($r=0,38$; $p<0,05$), социометрического статуса и эмоциональной экспансивности ($r=0,32$; $p<0,05$) ребенка. Результаты опроса матерей по показателю УСД имеют положительную корреляцию с показателями нравственности ($r=0,31$; $p<0,05$) и гармоничности ($r=0,34$; $p<0,05$) ребенка. Эти результаты подтверждают положение о том, что показатели психологического здоровья супругов влияют на критерии самооценки и общую мотивацию ребенка, учебную деятельность, его самоощущение и социальную адаптивность.

Положительная связь наблюдается между показателями инвалидизации родительского отношения со стороны отца с тревожностью подростка ($r=0,35$; $p<0,05$), а также инвалидизации отношения матери с показателями воли ($r=0,32$; $p<0,05$) и гнева ($r=0,39$; $p<0,05$) старшего подростка. Родитель видит ребенка младшим по сравнению с реальным возрастом. Интересы, увлечения, мысли и чувства ребенка кажутся родителю детскими, несерьезными. Подросток при такой позиции чувствует себя не приспособленным, не успешным, открытым для дурных влияний. В связи с этим родитель старается оградить ребенка от трудностей жизни и строго контролировать его действия. Но этим отношением родители способствуют в действительности сделать из своего ребенка неудачника, дезадаптированным в социуме.

Таким образом, родители младших школьников стараются поддерживать начинания своих детей, помогать, проявлять соучастие и активность в учебном процессе, что является необходимым в данной возрастной группе. Подобным поведением родители могут ненавязчиво контролировать ребенка в обучении, развивая познавательную активность детей, их мотивации. Если ребенок чувствует помощь родителя и участие с положительным подкреплением (похвала, поглаживание) без отрицательных воздействий, то уровень его тревожности будет находиться на низком уровне, как и было нами выявлено. На благополучие ребенка оказывает сильное влияние ощущение поддержки, теплоты со стороны родителей. Симбиоз у обоих родителей находится на одном уровне, что объясняет желание оградить ребенка от трудностей. Но наравне с предоставлением самостоя-

тельности, родители беспокоятся, если автономность ребенка выходит за пределы дозволенного по воле обстоятельств.

Тесно общаясь со своим ребенком, родители лучше понимают его особенности, способности, желания. Они могут направлять его в нужном направлении, не предъявляя лишь свое мнение, но и учитывая интересы ребенка, его собственную позицию. Преобладание у всех родителей кооперативного, симбиотического типа отношения, будет способствовать лучшему развитию ребенка, открытости его перед родителем. Авторитетная гиперсоциализация и чрезмерная инвалидизация ребенка могут подавить в нем его собственное «Я», родитель будет пытаться сделать из него того, кем не стал сам. Но мы получили данные, которые опровергают наличие этой ситуации. В большей степени контроль присутствует со стороны отцов, но он не является чрезмерным, жестким, что не отражается на дальнейшем неблагоприятном развитии ребенка. Смешанный тип взаимодействия родителя к ребенку правильно воспитает в ребенке чувство ответственности, самостоятельности, автономности и социальности. Ребенок будет адаптированным в социальной среде, будет чувствовать себя наравне со сверстниками, будет выдвигать свое точку зрения, не боясь, что его мнение не воспримут. Но из чрезмерно попустительского, индифферентного и жесткого, ограничивающего отношения (гиперопека и гиперконтроль) родителя к ребенку могут быть получены соответствующие результаты. Ребенок в дальнейшем может быть слишком ранимым, чувствителен к малейшим трудностям, не способным выстоять свою позицию, оказаться полностью дезадаптированным во

внешнем пространстве.

Кроме того, атмосфера напряженности и конфликтных семейных ситуаций действует на ребенка резко отрицательно. Дом перестает быть для него опорой, он теряет чувство безопасности, исчезает тот источник, которым была для него семья, когда в ней царила эмоциональная связь родителей, когда они и мир их ценностей были примером для подражания. Нарушение такой стабильности семейной системы может привести ребенка, особенно в младшем школьном и подростковом возрасте, к поискам опоры вне дома. В таком состоянии дети легче поддаются внешним влияниям, так как стремятся к разрядке внутреннего напряжения.

Влияние на развитие ребенка оказывают и особенности взаимодействия супругов. В выполнении воспитательной функции по отношению к детям главную роль играет супружеская пара – отец и мать. Стабильность семейной среды является важным фактором психологического равновесия и психического здоровья ребенка. Распад семьи, вызванный разводом или раздельным проживанием родителей, всегда приносит глубокое потрясение и оставляет у ребенка прочную обиду, которую можно лишь смягчить.

Семья создает такие условия для эмоциональных проявлений и удовлетворения эмоциональных потребностей, которые помогают человеку ощущать свою принадлежность к обществу, усиливают чувство его безопасности и покоя, вызывают желание оказывать помощь и поддержку другим людям. [3]

Итак, если родители проявляют позицию уклонения от общения со своим ребенком, то он может вырасти человеком, неспособным к установлению прочных

эмоциональных связей, следовательно, эмоционально неустойчивым. Чаще всего такие дети неспособны к настойчивости и сосредоточенности в учебе, недоверчивы, боязливы, у них нередко конфликты с родителями и школой.

Родительская позиция чрезмерной требовательности очень часто лишает ребенка веры в собственные силы, воспитывает у него неуверенность, робость, чрезмерную впечатлительность и покорность, мешает сосредоточенности. У него могут появиться трудности в учебе и в отношениях с окружающими людьми.

При родительской позиции признания прав ребенка он постепенно вырабатывает дружеское, лояльное отношение ко всем членам семьи. Дети таких родителей больше полагаются на себя и стараются быть по возможности независимыми. Эти дети более инициативны, что благоприятствует возникновению у них творческого начала.

Родительская позиция чрезмерного оберегания может вызывать у ребенка запаздывание социальной зрелости. Зависимость от матери или отца, пассивность, отсутствие инициативы, податливость и поведение типа «избалованное дитя» может сформировать у ребенка, с одной стороны, чрезмерную самоуверенность, высокое мнение о своей личности, дерзость, чрезмерную требовательность и даже тиранию по отношению к родителям, а с другой стороны – беспокойство, постоянное чувство тревоги, боязни.

Когда родители дарят ребенку разумное доверие, воспитывают в нем свободную личность, тогда он может прекрасно общаться с ровесниками, быть находчивым, остроумным, сообразительным, в меру самоуверенным, способным разобраться в различных общественных ситуациях.

Таким образом, поставленная гипотеза нашла свое подтверждение в нашей работе. На основании исследования были сделаны следующий вывод, что атмосфера семейных отношений является решающим фактором становления личности ребенка, полностью подтвердилась. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что от отношения к ребенку родителей, от удовлетворения его эмоционально-волевых потребностей во многом зависит дальнейшее психологическое и психическое развитие ребенка, его отношение к себе, к своей семье и к окружающим людям. Влияние родительского отношения и особенностей семейного взаимодействия между родителями и всеми членами семьи отражаются, прежде всего, на познавательной деятельности ребенка.

В целом, проведенная работа показала необходимость продолжения серии подобных исследований.

Литература:

Куртышева М.А. Как сохранить психологическое здоровье семьи. – СПб.: Питер, 2007. – 288 с.: ил. – (Серия «Практическая психология»).

Обухова А.Ф. Детская психология. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 11 с

Прихожан А.М., Дубровина И.В., Зацепин В.В. Возрастная и педагогическая психология: Хрестоматия 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. 74 с.

Торохтий В. С. Методика диагностики психологического здоровья семьи.– М., 2006, 10-11 с.

Торохтий В.С., Видерман Н.С. Психология социальной работы с семьей: монография / М.: Смысл, 2007. 342-343 с.

Туляганова Г.К. (Бухара, Узбекистан)

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРАБОТКИ
ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ «ОСОЗНАННОСТЬ
ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ ПОДРОСТКОВ»**

Резюме. В настоящей статье кратко раскрыта схема разработки методики осознанность жизненных целей подростков (ОЖЦП). Разработка данного психологического инструментария проводилась исходя из четырех основных этапов: разработка вопросов направленных на диагностику уровня осознанности личности при формировании жизненных целей и её ответственности за их достижения, а так же разработка инструкций для испытуемых; стандартизация методики с целью нормирования результатов методики адекватных изучаемой выборки (подростков); определение ретестовой надежности с целью определения согласованности показателей, полученных на тех же самых испытуемых при повторном обследовании; определение валидности методики с целью определения характеристики степени в которой методика измеряет то, для измерения чего она предназначена.

Ключевые слова: подростковый возраст, осознанность жизненных целей, ответственность за их достижения, адекватность изучаемой выборки, определение валидности методики, ретестовой надежность.

***FEATURES OF PROCEDURE OF WORKING
OUT OF THE PSYCHODIAGNOSTIC TECHNIQUE
«SENSIBLENESS OF THE VITAL PURPOSES OF TEENAGERS»***

***G.K.Tulaganova
National University of Uzbekistan***

RESUME. In the present article the scheme of working out of a technique for sensibleness of the vital purposes of teenagers (SVPT) is shortly opened. Working out of the given psychological toolkit was spent proceeding from four basic stages: working out of questions directed on diagnostics of level of sensibleness of the person at formation of the vital purposes and its responsibility for their achievements, and as development of instructions for examinees; standardization of a technique for the purpose of rationing of results of a technique adequate studied sample (teenagers); definition retest reliability for the purpose of definition of a coordination of the indicators received on the same examinees at repeated inspection; validity definition of the techniques for the purpose of definition of the characteristic of degree in which the technique measures that, it is intended for measurement of that.

Keywords: teenage age, sensibleness of the vital purposes, responsibility for their achievements, adequacy of studied sample, validity definition of the techniques, retest reliability.

С целью определения уровня осознанности личности подростков при формировании жизненных целей и её ответственности за их достижения нами была разработана психодиагностическая методика «Осознанность жизненных целей подростков», которая состоит из двух шкал включающие в себя 24 вопроса:

- шкала «отношение к жизни» - 12 вопросов;

- шкала «планирование свободного времени» - 12 вопросов.

Разработка данного психологического инструментария проводилась исходя из четырех основных этапов (Рис.1).

Рис. 1 Схема разработки методики «Осознанность жизненных целей подростков»

В рамках первого этапа разработки методики «Осознанность жизненных целей подростков» нами было разработано 24 вопроса на узбекском языке направленных на диагностику уровня осознанности личности подростков при формировании жизненных целей и её ответственности за их достижения. При этом 12 вопро-

сов расположенных нечетном порядке были отнесены к шкале - «отношение к жизни», а оставшиеся 12 вопросов расположенные в четном порядке отнесены к шкале - «планирование свободного времени».

С целью создания условий серьезного восприятия испытуемыми психологиче-

ской методики в качестве инструмента обследования было проведено соответствующее его оформление. Так разработана инструкция для испытуемых, которая кратко описывает процедуру тестирования, цель проведения и её порядок, а так же специальный блок основной информации, который включает вопросы, касающиеся имени, пола, возраста, образования и некоторых других, необходимых для психологического тестирования данных. Разработка инструкции проводилась с учетом ясности и доступности для понимания испытуемыми подростками. Компонировка текста методики проводилась с учетом нумерации каждого вопроса и расположения их по прямой верти-

кальной полосе сверху вниз в левом углу страницы.

Для облегчения проведения процедуры психологического тестирования и экономии расходных материалов, был разработан специальный бланк ответов, на котором испытуемый, отвечая на вопросы, производил соответствующие пометки (да - 0, иногда - 1, нет - 2).

Основные статистические данные разработки методики были получены по результатам изучения 247 подростков (и их родителей, учителей) обучающихся в средних школах города Ташкент. Из них подростки мужского пола составили 114 человек, а подростки женского пола 133 человека (Рис.2).

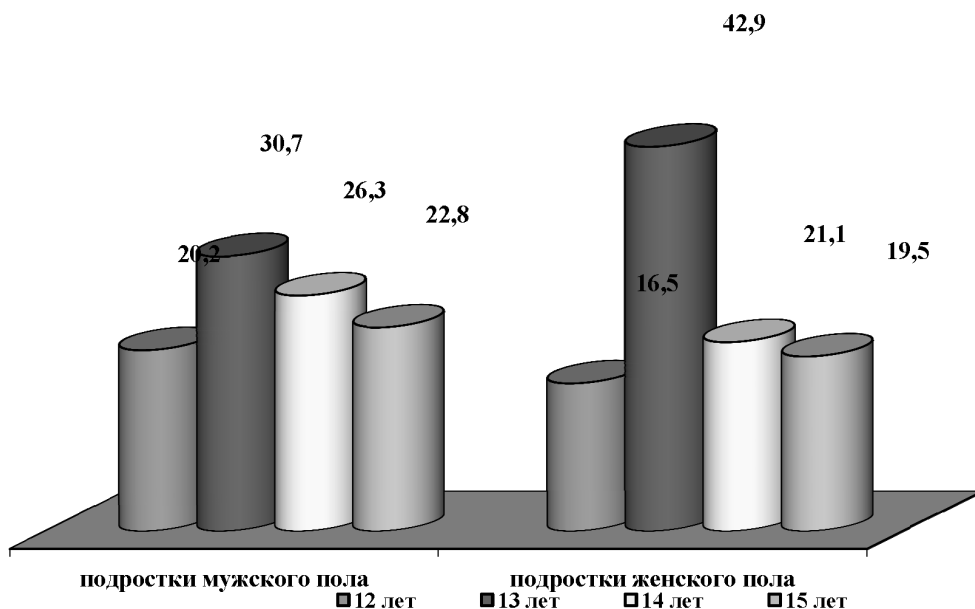

Рис.2 Количественная характеристика выборки подростков по половому признаку в %

Возраст испытуемых варьировал от 12 до 15 лет, средний возраст составил 13,5 лет (Рис.3).

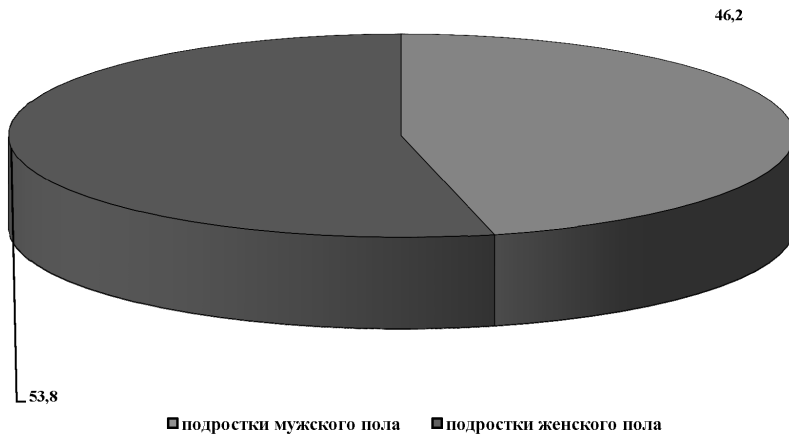

Рис.3 Количественная характеристика выборки по возрастному признаку с учетом половых различий в %

Во втором этапе разработке методики была проведена стандартизация, которая проводилась с целью нормирования результатов методики адекватных изучаемой выборки (подростков). Стандартизация проводилась путем вычисления средней арифметической (M) и стандартного отклонения (σ). Так же определялись показатели асимметрии (A) и эксцесса (E).

Принцип построения большинства интервальных шкал построен на известном правиле «трех сигм»: примерно 97,7% - 97,8% всех значений признака при нормальном его распределении укладываются в диапазоне $M \pm \sigma$. При стандартизации мы воспользовались наиболее распространенной шкалой стэнов - «Стандартные десятки», предложенным Р.Б.Кеттеллом [2, 4, 8]. С целью оптимизации системы обработки и интерпретации результатов тестирования была произведена модификация стэновой шкалы (Стандартные десятки), т.е. предложен-

ная Р.Б.Кеттеллом десяти бальная шкала упразднена до четырех балльной шкалы.

В тех случаях, когда какие-нибудь причины благоприятствуют более частому появлению значений, которые выше или, наоборот, ниже среднего, образуются асимметричные распределения. При левосторонней, или положительной, асимметрии в распределении чаще встречаются более низкие значения признака, а при правосторонней, или отрицательной - более высокие. В тех случаях, когда какие-либо причины способствуют преимущественному появлению средних или близких к средним значений, образуется распределение с положительным эксцессом. Если же в распределении преобладают крайние значения, причем одновременно и более низкие, и более высокие, то такое распределение характеризуется отрицательным эксцессом и в центре распределения может образоваться впадина, превращающая его в двухвершинное.

Среднее арифметическое значение в «сырых» баллах принималась за точку отсчета (Рис.4). Вправо и влево были отмерены интервалы, равные 1,25 стандартного отклонения. Таким образом справа от среднего значения располагались интервалы, равные 3, 4 стемам, причем последний из этих интервалов открыт. Слева от среднего значения располагаются интервалы, равные 2, 1, и крайний

интервал также открыт. Теперь поднятие вверх к оси «сырых баллов», и размечаем границы интервалов в единицах «сырых» баллов. Поскольку $M = 10,7$; $\sigma = 4,4$, вправо откладываем $1,25 \sigma$, т.е. $5,5$ «сырых баллов». Таким образом, граница интервала составит: $(10,7 + 5,5) = 16,2$ «сырых баллов». Границы интервала, соответствующего 3, будет в диапазоне от $10,7$ до $16,2$ баллов.

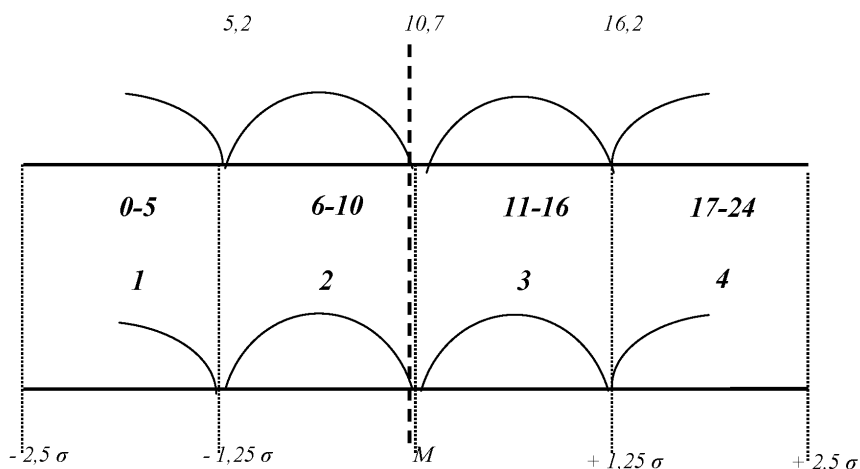

Рис. 4. Схема вычислений стандартных оценок и перевода «сырых баллов» в четырех балльную шкалу (шкала «отношение к жизни» $M=10,7$; $\sigma = 4,4$)

По такому же принципу было проведено и вычисление стандартных оценок, перевод «сырых баллов» в четырех балльную шкалу показателей по шкале «планирование свободного времени» (Рис. 5).

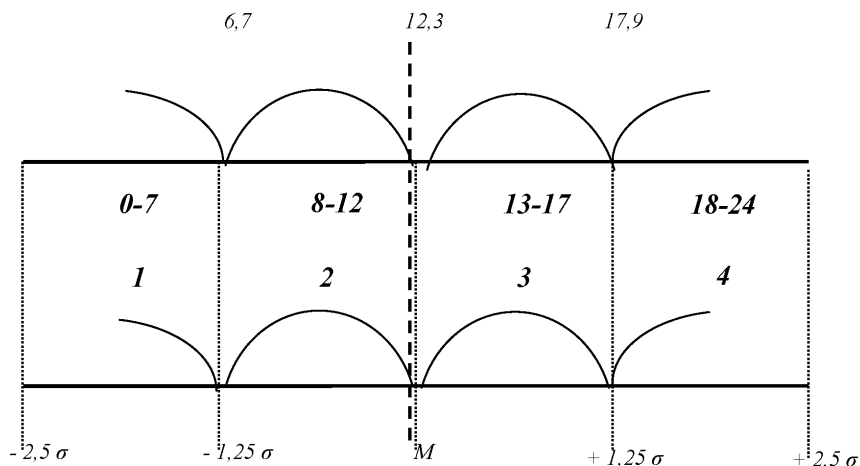

Рис. 5. Схема вычислений стандартных оценок и перевода «сырых баллов» в четырех балльную шкалу (шкала «планирование свободного времени» $M=12,3$; $\sigma = 4,5$)

Для облегчения определения выраженности диагностической цели вышеизложенные схемы вычисления стандартных оценок были обобщены в таблице интерпретации результатов психологического тестирования (Таб.1).

Таблица 1

Интерпретация результатов психологического тестирования

Стэн	Интерпретация	Шкала «отношение к жизни»	Шкала «планирование свободного времени»
1	высокий	0-5 баллов	0-7 балла
2	средний	6-10 балла	8-12 балла
3		11-16 балла	13-17 балла
4	низкий	17-24 балла	18-24 балла

Таким образом, при получении испытуемым от 0 до 5 баллов по шкале «отношение к жизни» и от 0 до 7 баллов по шкале «планирование свободного времени» выраженность диагностической цели у подростка высокая. от 6 до 16 баллов по шкале «отношение к жизни» и от 8 до 17 баллов по шкале «планирование свободного времени» выраженность диагностической цели у подростка средняя. Соответственно от 17 до 24 баллов по шкале «отношение к жизни» и от 18 до 24 баллов по шкале «планирование свободного времени» выраженность диагностической цели у подростка низкая.

Таблица 2

Характеристика корреляционных связей результатов повторного обследования по методике «Осознанность жизненных целей подростков»

Наименование показателей сравнения	Коэффициент корреляции при $p < 0.001$
Результаты по методике ОЖЦП шкала «отношение к жизни» / Результаты повторного обследования по методике ОЖЦП шкала «отношение к жизни»	0,85
Результаты по методике ОЖЦП шкала «планирование свободного времени» / Результаты повторного обследования по методике ОЖЦП шкала «планирование свободного времени»	0,80

Из приведенных данных в таблице 2 видно, что ретестовая надежность шкалы «отношение к жизни» - 0,85, а шкалы «планирование свободного времени» - 0,80 при $p < 0.001$. Полученные показатели надежности являются приемлемыми для психодиагностической практики [3, 6, 8].

В рамках четвертого этапа разработки была определена валидность методики, которая проводилось с целью определе-

Третий этап был посвящен определению ретестовой надежности и проводилась с целью определения согласованности показателей, полученных на тех же самых испытуемых при повторном обследовании [1, 5, 7]. Надежность методики определялась путем ретеста, т.е. корреляционного анализа результатов повторного проведения методики, которое проводилось через два месяца. Период повторного проведения был определен с целью максимального снижения уровня запоминания стимульного материала (вопросов методики) подростками (Таб.2).

ния характеристики степени в которой методика измеряет то, для измерения чего она предназначена [3]. Определения валидности методики проводилось путем корреляционного анализа результатов полученных по методике «Осознанность жизненных целей подростков» и результатов экспертной оценки подростков учителями средних школ и их родителями (Таб.3).

Таблица 3

Характеристика корреляционных связей результатов методики «Осознанность жизненных целей подростков» и экспертной оценки

Наименование показателей сравнения		Коэффициент корреляции при $p < 0.001$
результаты методики ОЖЦП	результаты экспертной оценки	
шкала «отношение к жизни»	оценка отношения подростка к своей жизни	0,83
шкала «планирование свободного времени»	оценка планирования подростком своего свободного времени	0,79

Из приведенных данных в таблице 3 видно, что валидность шкалы «отношение к жизни» методики «Осознанность жизненных целей подростков» - 0,83, а шкалы «планирование свободного времени» - 0,79 при $p < 0.001$ относительно экспертной оценки учителей и родителей. Полученные показатели валидности являются приемлемыми для психодиагностической практики [3, 6, 8].

Таким образом, можно сделать вывод, что разработанная методика «Осознанность жизненных целей подростков» успешно прошла практическое испытание, что делает данную процедуру адекватной и приемлемой для применения на практике.

Использованная литература

Акимова М.К. Введение в психодиагностику. Учеб. пособие. – М.: Академия, 2000. - 234 с.

Боровиков В.П., Боровиков И.П. Статистический анализ и обработка данных в среде Windows. - М.: Филинь, 1997. - 608 с.

Введение в психодиагностику: Учеб. пособие для студ. Сред.пед.учеб. заведений / М.К.Акимова, Е.М.Борисова, Е.И.Горбачева и др.; Под ред. К.М. Гуревича, Е.М.Борисовой. - 3-е изд., стереотип. - М.: Издательский центр «Академия», 2000. - 192 с.

Гуревич К.М. Психологическая диагностика и законы психологической науки // Психологический журнал. - Москва, 1991. - № 2. - С. 84-94.

Ивантер Э. В., Коросов А. В. Введение в статистический анализ биологических явлений и процессов. - Петрозаводск: ПГУ, 1992. - 163 с.

Лимов А.П. Методика психологического и психофизиологического обследования. - М.: Военная академия, 1990. - 454 с.

Пустыльник Е.И. Статистические методы анализа и обработки наблюдений. - М.: Наука, 1988. - 185 с.

Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. - СПб.: Речь, 2001. - 350 с.

Сведения об авторах

Кашапов М. М. - доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики и педагогической психологии, зам. декана по научной работе факультета психологии, руководитель лаборатории Профессионального и личностного развития Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Ковалев С. Э. - доцент, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, (Республика Казахстан, Усть-Каменогорск)

Козлов В.В. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии ЯрГУ, академик, президент МАПН (Ярославль)

Коликова Ю.В. - студентка факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль)

Кузубова М.В. - доктор психологических наук, академик МАПН (Алматы)

Кулжабаева Л. С. - кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психологии», Университет «Туран» (Астана, Казахстан)

Мазилев В. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии

Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, академик МАПН (Ярославль)

Новиков В.В. – профессор кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный президент МАПН.

Петросян И.О. – студентка факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль)

Смагулов Б.С. - кандидат психологических наук, член-корреспондент МАПН (Астана, Казахстан)

Туляганова Г.К. - доцент, кандидат психологических наук (Национальный университет Узбекистана (Бухара))

Шабанов Л.В. - кандидат психологических наук, доктор философских наук, профессор кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета профсоюзов.

Шемет И.С. - доктор психологических наук, профессор академик МАПН, (Москва)

Янчук В.А. - доктор психологических наук, профессор, академик МАПН, директор института психологии (Минск).